

Основное богословие или христианская апологетика

Виктор Петрович Лега, кандидат богословия

(Курс лекций, прочитанный студентам Дальневосточного
государственного университета (ДВГУ) в апреле 2000 г.)

СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ

Введение

Термин *апологетика* образован от слова *апология* – защита. Христианская апологетика – это защита христианского учения от различных (агрессивных и неагрессивных) выступлений нашего мира. В этом смысле апологетика существовала всегда. Даже более того, первые церковные писатели назывались отцами-апологетами: Иустин Философ, Татиан, Афинагор, Лактанций, Климент Александрийский. Первая задача Христианской Церкви – это защита зарождавшегося христианского учения перед лицом античной языческой культуры. Любому человеку, даже имеющему весьма поверхностное представление об истории, известно, что греческая и римская культура имели тысячелетнюю историю с огромными философскими, историческими, научными достижениями. И в эту огромнейшую культуру, средоточием которой являлись Афины, вдруг приходит откуда-то издалека, из Иудеи провинциал, апостол Павел, и начинает проповедовать. Это подобно тому, как если бы в Москву или Париж приехал малообразованный житель Крайнего Севера и начал учить истине. Понятно, что на него смотрят как на некоего сумасшедшего – в столицу с тысячелетней культурой... Естественно, эта истина не воспринимается. Поэтому задачей первых христиан была защита христианства. Им необходимо было показать, что христианство, хотя оно и зародилось с точки зрения высококультурных греков и римлян на окраине Римской империи, в ее провинции, тем не менее, это истинное учение. А поскольку оно истинное, оно не может противоречить всем другим истинным учениям и науке, как-то: истинной философии, математике или астрономии, истории и другим областям знания.

Затем, когда христианство укрепилось, когда через два-три столетия защита христианства уже как таковая не требовалась, когда культурные люди поняли, что христианство возникло не как сумасшествие, не как выдумка неких странных людей, а как действительное Откровение Божие, тогда возникла другая задача – разработка и обоснование догматического учения, ответы на другие вызовы – на вызовы еретические. Наступает эпоха Вселенских соборов, которые отвечали на вызов ересей: арианства, несторианства, пелагианства, монофизитства и прочие.

Сейчас время примерно такое же, как и во времена первых христиан. Увы, процент христиан в современном мире можно сравнить с тем процентом, который был в первые века. Хотя разница, конечно, огромная: ведь в первые века культура была языческая, сейчас культура

христианская, и даже те люди, которые себя христианами не считают, а называют себя антихристианами или атеистами, все равно в основе своей культуры и нравственности мы все являемся христианами. Десять заповедей не выбросишь из нашей нравственности.

Но по мировоззрению наша эпоха, увы, является атеистической. Поэтому сейчас опять на один из первых планов выходит задача апологетики – защиты христианства. Ибо после того, что сделала эпоха Просвещения с легкой руки французских просветителей, а затем западных, а потом и русских марксистов, нигилистов и других слишком свободомыслящих людей, почему-то стало утверждаться мнение, которое афористично было выражено в такой фразе: «Наука доказала, что Бога нет». Когда я слышу такую фразу, я прошу: «Я – ученый по образованию и привык работать с конкретными первоисточниками, пожалуйста, дайте мне ссылку, подскажите в какой книге, кто, где доказал, что Бога нет. К какой науке относится данное доказательство: физике, истории, может быть, филологии? Что это за доказательства?» Фраза эта («Наука доказала, что Бога нет») голословная, скорее газетная, публицистическая, а не научная. И, тем не менее, большинство людей очень легковерно относятся к научной истине, поскольку информацию о науке воспринимают с газетных страниц, а отнюдь не из научных источников. Это беда и особенность настоящей эпохи. Так вот такая легковерность привела к тому, что люди считают: наука доказала, что Бога нет, мы живем в научную эпоху и верить в Бога, по крайней мере, смешно. Можно, в крайнем случае, верить во Всемогущий Разум. Но верить в личного Бога, которому нужно поклоняться, нужно молиться, служить литургии, всенощные – это наивно, это мракобесие, темнота.

Очевидно, опять возникает необходимость в апологетике – доказательстве того, что учение Церкви Христианской, прежде всего Православной является истинным. Я говорю: прежде всего, потому что и Католическая Церковь догматически в большинстве своем осталась верна учению Христа. В некоторых отношениях она отошла, вы помните догмат о Непорочном Зачатии, об исхождении Святаго Духа, но никаких догматов в отличие от протестантской церкви она не выбросила, в этом плане Католическая Церковь сохранила преемственность. Протестантская церковь, в свою очередь, утверждает истинность бытия Пресвятой Троицы, истинность исторического существования Христа, и в этом мы не будем спорить с протестантами. Поэтому когда мы будем говорить об апологетике христианства, мы будем иметь в виду христианство в его всеобъемлющем охвате, а когда мы будем говорить об апологетике

православной, то мы будем оговариваться, что здесь идет речь именно об истинном христианстве в его полноте, т.е. о православном вероучении.

Я показал, зачем необходима сейчас апологетика, т.е. защита, хотя здесь возникают некоторые недоумения: почему А.И. Осипов подчеркивал, что это основное богословие, а не основное. Основное главное богословие должно, конечно же, основываться на самом себе. Не может главное богословие основываться на чем-то внешнем. Если главное богословие, понимаемое как апологетика, будет воспринимать в свой предмет из других дисциплин и зависеть от динамики этих дисциплин, тогда грош цена такому богословию. Это действительно будет не учение о Боге как о Творце мира, а некоторое следствие, некоторый частный случай из других наук, на которых основывается это богословие.

В Православной Церкви принято разделять предметы апологетики и основного или основного богословия. Я так говорю, потому что я руководствуюсь нормами русского языка, и буду употреблять слово основное, но вы, слыша это слово, понимаете, что я употребляю его в том смысле, что и профессор Московской Духовной Академии А.И.Осипов, как основное богословие.

Апологетика выполняет частные задачи. Это ответы на вызовы нашего секулярного атеистического мира. Задача основного богословия несколько иная. Сейчас я вам покажу еще один учебник. Это учебник Светлова, который называется «Одигетика». Одигетика – термин нераспространенный, Светлов сам этот термин ввел в обиход. В переводе с греческого «одигетика» означает «путеводитель». Полное название этой брошюры «Руководитель к занятиям апологетикой в связи с общим руководством по богословской пропедевтике». Это учебник дореволюционной Московской Духовной Академии. У Светлова есть более обширный курс христианской апологетики, но он пока не переиздан. Вот эта брошюра сейчас издана в Москве. Достаточно хорошее популярное введение в основное богословие.

Итак, в чем состоит задача христианской апологетики? Она состоит в доказательстве того, что те аргументы, которые используются секулярными, т.е. мирскими, оторванными от Церкви учениями, ошибочны. Таких аргументов всегда не так уж много. Их можно сосчитать по пальцам двух рук. Аргументы эти общеизвестны. Они представлены в газетных публикациях и в так называемых научных изданиях. Знают их все. Наша задача будет, в частности, заключаться в рассмотрении и этих аргументов.

Для удобства я разделяю апологетику на три больших блока. Это

естественнонаучная, философская и историческая апологетика. Здесь должен быть и четвертый блок, хотя в тему апологетики он не укладывается: апологетика как учение об Откровении, учение о Церкви.

1) Итак, вопросы, которые связаны с естественнонаучной апологетикой. Это, прежде всего, вопрос об отношении религии и науки. Считается, что эти отношения антагонистические. Религия и наука несовместимы. Упоминается афористичная фраза о том, что «наука доказала, что Бога нет». Антагонистические отношения, к сожалению, очень часто принимают обоюдный характер. Ученые насмешливо смотрят на богословов, на верующих людей, считая их темными, забытыми, которых надо просвещать светом науки. Существует такой просветительский взгляд: со временем, когда все человечество будет образованным, все религиозные заблуждения исчезнут. Осталось убеждение, что люди темны, и в силу своей темноты объясняют то, что можно объяснить с помощью научных категорий, с помощью сверхъестественных сил. Это противоречие подогревается и с другой стороны. Некоторые не очень образованные богословы (противоречие в определении), а чаще не богословы, скорее просто церковные люди (а в Церкви, как и везде в мире, есть люди разные) часто смотрят на науку как на нечто такое подозрительное. А как на нее еще смотреть, если говорить не о науке, а о людях от науки, которые нападают на Церковь? Естественна охранительная реакция. Если вы нападаете, то вы не от Церкви, вы не христиане. И эта война против людей от науки переносится на всю науку. Объявляется, что наука есть заблуждение, некое изобретение дьявола, что истинное христианство никогда не может основываться на науке. Такое отношение к науке у нас в России, прежде всего, поддерживается в старообрядчестве, которое в свое время сделало такой четкий логический шаг, убежав от науки в Сибирь, в алтайские горы, образовав там свои общины, живя вдали от культуры, вдали от цивилизации. По-человечески это честно, и более честно, чем такие двусмысленные заявления. Особенно удивительно бывает читать такие высказывания против науки, отпечатанные, например, на лазерном принтере.

Такое противостояние может быть с двух сторон. Одна из задач апологетики – показать, что это противостояние ошибочно. Оно возникает у некоторых ученых в силу их незнания основ самой науки и незнания христианства, иными словами это то, что Александр Исаевич Солженицын назвал замечательным словом «образованщина». А задолго до Солженицына известный английский философ Френсис Бэкон сказал

афористичную фразу: «Небольшие глотки науки удаляют от Бога, большие глотки, наоборот, приближают к Нему». Большие глотки науки мы с вами сделать не сможем, но у нас есть возможность показать, что наука не противоречит христианству, а христианство, наоборот, не противоречит науке. Противоречить могут некоторые люди, которые ошибочно понимают науку и христианство.

2) Это одна из проблем, которая в свою очередь вытекает из другой проблемы высшего уровня, которая является уже философской – проблемы отношения веры и разума. Наука, естественно, основывается на разумной способности человека, а христианство, как и любая религия, предполагает, прежде всего, веру в Бога. Именно верою человек спасается, а не доказательствами. Это истина очевидна для любого христианина. Опять считают также, что вера и разум противоречат друг другу. Современный человек не может все принимать на веру. Вера – это не современно, нужно все доказывать. А поскольку христианство основывается на вере, значит христианство не истинно. Вот это другой серьезный вопрос апологетики.

Однако, с другой стороны, из вопроса отношения науки и религии вытекают более частные апологетические вопросы, конкретные вопросы научного учения или конкретные вопросы христианского богословия, например, вопрос о чудесах. Христианство основывается на чудесах. Евангелие начинается с чуда – Непорочного Зачатия. Я не говорю о Благовещении, это можно сказать, чудом и не является. Ну, мало ли что могло показаться, а вот Непорочное Зачатие, факт рождения Девой – это явное чудо. Заканчивается Евангелие также чудом – телесным Вознесением. Если говорить о главном чуде, на котором основывается христианство – Воскресении Иисуса Христа, это также чудо, которое не согласовывается с естественнонаучными понятиями. Таким образом, вопрос о чудесах – один из главных вопросов апологетики. Его мы тоже будем рассматривать. Считается, что чудес не бывает, и наука это доказала, следовательно, ни о каком христианстве в его евангельском варианте речи быть не может. В лучшем случае это некоторые литературные преувеличения, гиперболы, чем реальные факты. А, тем более, что некоторые предпочитают верить в некоторый Всеобщий Разум, например Спиноза, Эйнштейн. С другой стороны есть другая крайность – верить в полную чудесность. Хоть в Москве, хоть в Подмосковье, везде найдешь такие рекламные листовки: магия, приворот. Бабушка сфотографирована, прости Господи, с крестом и со свечей на фоне Священного Писания, которая по фотографии привораживает любимого. Речь идет о полной чудесности нашего мира. Какая наука, когда мы можем

сделать приворот, снять порчу, сглаз?! Есть странные симбиозы. Объявляется научным такое учения, как валеология. Она объявляет себя наукой о здоровье, когда там наукой и не пахнет. На самом деле это оккультные учения, основывающиеся на применении магии и колдовства или на восточных религиозных культах... Разным может быть отношение к проблеме чудес.

Следующая проблема – проблема эволюции, возникновения человека. Это еще один частный вопрос, являющийся вопросом апологетики. Действительно ли правильно то, что сказано в первых главах книги Бытия – первой книги Ветхого Завета Священного Писания: то, что мир был сотворен в течение шести дней, что человек был сотворен Богом? И как это согласовать с представлениями палеонтологов о том, что мир существует множество миллионов лет, миллиардов лет, что была длительная эволюция, что человек произошел от обезьяны в результате трудовой деятельности и т.д.? Это также вопросы, которыми мы с вами будем заниматься, и ответы на которые вы должны получить.

Один из главных вопросов философской апологетики – о наличии в мире зла, который именуется христианской **теодицеей**. Термин введен в обиход великим немецким философом, математиком и физиком Лейбницем. Образован от греческих двух слов: «теос» – Бог, «дикэ» – правда, справедливость, т.е. это оправдание Бога. Вопрос этот сводится к обычному простому размышлению, который делает человек незнакомый с аристотелевской силлогистикой. Размышление доступно любой домохозяйке. Если мир сотворен всемогущим, всеведущим, всеблагим Богом, то откуда в мире зло? Почему в этом мире получается так, что праведники страдают, а негодяи, наоборот, живут блаженствуя? Если Бог всемогущ, Он может сделать все; если Бог всеведущ, он знает, что праведники страдают, а негодяи блаженствуют, а если Он справедлив, то Он должен сделать так, чтобы праведники получили вознаграждение за свою праведность, а негодяи получили наказание. Но этого, к сожалению, не происходит. Значит, или Бог не всемогущ – Он не может изменить ситуацию, или не всеведущ – Он не знает, что делается. Но ни то, ни другое невозможно себе представить. Или Он не всеблаг, т.е. Он наслаждается страданиями своих тварей, что также невозможно представить. Значит, Бога нет. Делается такой вот элементарный логический вывод. (Рассмотрение вопроса теодицеи изложено далее в главе **Проблема зла и страданий**)

3) Далее идут вопросы исторической апологетики, т.е. вопросы действительного исторического существования Иисуса Христа. Как я уже

сказал, мы живем в странную эпоху. Люди не задумываются над тем, что они часто говорят, они не могут сопоставить двух предложений. Замечая противоречия в словах других, они не замечают противоречия у себя самого. Говоря евангельскими словами, видя соринку в чужом глазу, не замечают бревна в своем. Бытуют такие мнения: «Конечно, да, Иисус Христос был, но это был обычный человек, хороший и добрый проповедник, которого за его дела, за его проповедь распяли, как это часто бывало в Древнем Риме».

В марксистской историографии принято было считать, что никаких евангельских событий не было. Все это выдуманно. Христианство есть выдумка. Может быть, были какие-то люди, которые что-то проповедовали, но конкретно этих событий, описанных в Евангелии и происходивших в Галилее, Назарете, Иерусалиме, не было. Сейчас не то что люди с улицы или домохозяйки, но даже и ученые говорят, не задумываясь о связи своих фраз. В некоторых книжках с удивлением обнаруживаешь фразы, соседствующие друг с другом. Стараясь доказать ошибочность исторических событий, изложенных в Священном Писании, приводят вместе аргументы Фрейда, Дрекса, других атеистов, не понимая, что если мы отстаиваем точку зрения Маркса, то не можем соглашаться с Фрейдом и Дрексом. Если мы фрейдисты, то мы должны выбросить все то, что говорил Маркс. Одно другому противоречит. Нельзя, как говорят в физике, быть одновременно сторонником теории эфира и теории относительности Эйнштейна. Необходимо выбрать или одно, или другое. Здесь же все, как говорится, до кучи, лишь бы доказать, что Бога нет. Однако люди не понимают, что тем самым делают медвежью услугу самим себе, потому что любой человек, который логически мыслит, скажет: «Ваша теория гроша ломаного не стоит, потому что у вас логики никакой нет. Вы будьте или фрейдистами, или марксистами, или сторонниками теории Дрекса, которая, что замалчивается, была принята в нацистской Германии, как марксизм в Советской России».

Вот эти вопросы так же мы с вами должны будем рассмотреть. Это примерный набросок того, что нам с вами предстоит изучить. Не знаю, устрою я вас как преподаватель или нет, но я думаю, что вопросы, которые мы будем поднимать, уже по своей формулировке являются важными и интересными. Поэтому я надеюсь, что время мы здесь проведем не напрасно.

Еще несколько слов конкретно о предмете основного богословия. Многие авторы совершенно по-разному подходят к предмету основного богословия. Вот, скажем, «Введение в основное богословие» архиепископа

Михаила (Мудьюгина): «Многообразие церковного творчества привело к возникновению широкого спектра богословских наук. Так, кроме основного, в школах преподаются догматическое, нравственное, пастырское, сравнительное богословие. Первое место в ряду этих богословских наук занимает основное богословие. Основным оно называется потому, что в нем рассматриваются и изучаются самые главные, основные, наиболее общие истины, без усвоения которых все главные богословские науки могут показаться беспочвенными». С этим высказыванием можно согласиться, можно немножко и поспорить.

Еще одно существенное замечание насчет предмета основного богословия. Если мы посмотрим на программу современных Духовных училищ, учебных заведений Русской Православной Церкви, то мы увидим, что предмет основного богословия преподается далеко не во всех таких заведениях, и не только потому, что нет преподавателей. Конечно, время, в которое мы сейчас живем, крайне тяжелое. Я не случайно сравнил его со временем первого века Церкви. Сейчас во многом все обстоит так, как в первые века, когда не было богословов. Но тогда был живой опыт, были апостолы, у которых был конкретный живой опыт общения со Спасителем. И эти апостолы проповедовали и обучали непосредственно, переносили свои истинные знания другим людям. Это было апостольское время, но учебников, книг, пособий, которые можно было бы дома спокойно в тишине изучить, – такого не было.

Теперь время похожее. Советская власть существовала 70 лет, но сделала она за эти годы очень много. Я вкратце ознакомился вчера, беседуя с руководителями вашей кафедры, с тем, что было сделано у вас в Приморье, и просто ужаснулся. Я с удивлением и с ужасом узнал, что в Приморье была такая ситуация, что во Владивостоке не было ни одного храма... История Владивостока не такая, как история центральной России, где города существовали более 1000 лет. Есть такие памятники церковного зодчества во Владимире, Суздале, Москве, разрушить которые даже у самого варварски настроенного большевика рука не поднялась. Здесь история гораздо меньше по времени, и в связи с этим историческая ценность церковных памятников меньше, поэтому урон, нанесенный Приморью, конечно, гораздо более значительный, чем в Москве. В Москве даже в самые тяжелые времена всегда было несколько десятков никогда не закрывавшихся церквей, в то время как в Приморье всегда существовала только лишь одна церковь, которая не закрывалась. Одна церковь почти на двухмиллионное Приморье! Конечно, это страшно. Но страшно не только это. Для христианина, как сказано, Святой Дух дышит, где хочет. Для

христианина можно жить нормальной полноценной церковной жизнью даже в ГУЛАГе, где не то что литургию совершить, а просто невозможно помолиться спокойно. Страшно не только то, что были сожжены церкви, уничтожена традиция, разрушена культура. Священники, богословы расстреляны, уничтожены в лагерях, в лучшем случае они уехали за рубеж. Книги сожжены, в крайнем случае, были спрятаны в единственном экземпляре в спецхране в Москве, в Ленинграде. Поэтому образованных христиан крайне мало не только во Владивостоке, но и даже в Москве. Сейчас у нас и у вас образуются Духовные школы, и главная проблема у них заключается в преподавателях. Даже в Москве проблема преподавателей тоже существует. Хотя в Москве существует несколько Духовных школ, начиная с Духовной Академии, кончая Воскресными школами. Поэтому вопрос, почему основное богословие не включается в программу различных Духовных учреждений, конечно же, связан с отсутствием преподавателей, но не только с этим, а также с тем, что предмет основного богословия всегда авторский.

Посмотрите на традицию Духовного образования в России. Основное богословие появилось в конце XIX века в качестве дисциплины духовных учебных заведений, Духовных Академий: Московской, Петербургской, Киевской, Казанской. До этого такого предмета не было. Это было обосновано тем, что не было серьезных вызовов. Вызовы Церкви появились в конце XVIII века в эпоху Просвещения. До этого конфликта как такового не существовало, были частные локальные конфликты, с отдельными людьми, которые носили внутрицерковный характер – ереси и расколы. С эпохи Просвещения с французским вольнодумством, которое было занесено в нашу страну в эпоху наполеоновских войн, возникло и распространилось вольнодумство, приведшее к нигилизму, к декабризму и другим печальным явлениям в нашей истории. Появилась необходимость введения апологетики в Духовных учебных заведениях. Еще подчеркиваю, и эта причина не была единственной, не отсутствие предмета апологетики, а то, что предмет апологетики – это курс всегда авторский.

Я не знаю, как вы изучаете философию, и забыл уточнить: вам читают историю философии или систематическую философию? (Ответ – изучение идет параллельно в течение одного семестра) Один семестр – это чрезвычайно мало. Но даже этого семестра достаточно для того, чтобы понять, что не существует философии как таковой. Существует математика как наука, существует физика как наука. Нельзя предположить, что существует физика Ньютона, физика Декарта, физика Эйнштейна, физика Ландау и Лившица, и между ними есть противоречие.

Это эволюция одной и той же физики.

В философии совершенно противоположная ситуация. Как таковое культурное явление философия существует, и никто с этим спорить не будет. Но философия Платона, Аристотеля, Августина, Фомы Аквинского, Декарта, Канта, Гегеля, Гуссерля, Сартра – они все друг с другом не состыкуются. Нельзя быть одновременно кантианцем и экзистенциалистом, платоником и марксистом. Здесь же, как мы видим, в предмет христианской апологетики, основного богословия, включаются философские вопросы. Философские вопросы можно решать философскими методами. Их нельзя решить какими-нибудь математическими или физическими методами. А если мы решаем их философскими методами, то сразу напрашивается вопрос: а какую философию мы берем? Марксистскую или платоновскую, кантианскую или феноменологическую? И в этом случае получается очень странная ситуация для христианства. Мы основное богословие (как сказано в книжке – главное) основываем на какой-то философии, т.е. христианство получается некоторым наслоением на философском учении, причем на одном. Я, допустим, платоник и читаю вам основное богословие, основываясь на платоновских взглядах. Вслед за мной приходит другой преподаватель и говорит, что Платон ошибался, Аристотель прекрасно показал его ошибки. Надо основываться на аристотелевском учении, как это делала Католическая Церковь. И он будет читать вам курс основного богословия, основываясь на аристотелевском учении. Получается два основных богословия. Вы можете себе представить, что есть какая-нибудь наука, в которой есть две различные науки? В философии такие возможности имеются. Хотя всегда находятся такие философы, как Маркс, который сказал: «Все, что было до этого, – это была предыстория, которая шла к моей философии». Затем возник марксизм как истинно научная философия. Нас так учили в советские времена. Сейчас во многих вузах кафедры марксистско-ленинской философии переименованы в кафедры теоретической философии, а кафедры научного коммунизма в кафедры политологии. Те же самые люди, которые, естественно, читают то же самое.

Получается основное богословие в различных вариантах. В одной Духовной школе так получилось, что преподаватель основного богословия был по своим философским убеждениям платоник, другой базировался на философии Аристотеля, были кантианец и гегельянец. Это полный абсурд. Богословие должно быть одно. Богословие – учение о Боге. Бог один, догматы одни, учение должно быть одно. Поэтому основное богословие –

это всегда авторский курс, так же как философия. Поэтому у нас на занятиях в институте возникают споры. Студенты со мной не соглашаются. Я этому очень рад. За 4,5 года они научились думать, а не просто слепо записывать то, что им говорит тот или иной преподаватель. На 1 и 2 курсе нужно набирать знания, потом эти знания уже нужно осмысливать. Основное богословие, апологетика как авторский курс, не может быть одинаковым. И поэтому здесь возникает такое мнение, что по этой причине такой курс не нужен. Ну почему Духовное учебное заведение, там, где изучается то, что является общим, должно уделять время частностям?

Наука не может быть чьим-то частным мнением. И почему, когда мы изучаем науки – история Церкви одна, патрология одна, догматика одна – мы должны разрешить какому-то имя рек только за то, что мы его уважаем и любим, излагать свои собственные взгляды? Но когда я говорю, что студенты со мной не соглашаются, и я этому рад, то это означает, что мы можем за год набросать лишь схему ответов, которые я предлагаю на вопросы, на проблемы, некоторые из которых я здесь назвал. Моя главная задача при чтении курса апологетики состоит в том, чтобы студенты поняли: перед ними открывается огромное море знаний. За этот год мы не должны изучить все от А до Я, запомнить, зазубрить, и хоть в 4 часа утра нас разбуди, выдать безошибочно те положения, которые преподаватель нам продиктовал. Таким образование никогда не бывает.

Образование в любом вузе – естественнонаучном, гуманитарном – всегда основывается на том, что студента научают думать. Вот в этом отличие высшего образования от среднего, в частности – от средне-специального. Цель средне-специального образования состоит в том, чтобы научить учащихся выполнять те или иные операции: хорошо отремонтировать автомобиль, хорошо шить, хорошо, может быть, рисовать, но в целом делать конкретную операцию. Высшее образование обучает человека творчеству, учит решать проблему. Не запомнить, а именно решать проблему. И предполагается, что выпускник высшего учебного заведения, приходя на свою работу, не важно, кто он – физик, математик, филолог, историк или богослов, столкнувшись с какой-либо проблемой, может самостоятельно ее решить. Вот главное, чего добивается любое высшее образование. Именно в этом я и вижу свою собственную задачу – научить студентов думать, решать проблему, подходить к ней. Запомнить тот способ размышления, который предложил преподаватель, но не подходить к этому догматически. Это всего лишь некоторый толчок для студента, который обучается своему собственному размышлению.

Есть гениальная фраза великого советского педагога Сухомлинского: «Ученик – это не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который нужно зажечь». Фраза затасканная, и поэтому воспринимается как нечто пошлое. Но фраза действительно гениальная, действительно истинная. А если преподаватель начинает лить воду в прямом и переносном смысле на этот факел, то сами понимаете, никакого огня не получается, даже дыма. Вот почему я сказал, что рад, когда студенты не соглашаются. Значит, они научились думать. Значит, они научились размышлять. Из них кое-что получится.

Но не соглашаться тоже можно по-разному. Можно не соглашаться, как известный герой чеховского рассказа: этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Это один способ несогласия, который я никогда не восприму. И есть другой способ несогласия – способ честного спора, честного поиска истины.

Поэтому задача основного богословия, задача апологетики состоит в том, чтобы студент увидел: противоречия, которые казались действительно существующими, на самом деле не существуют, что те разрывы, которые существуют между христианством, наукой, историей, философией – это на самом деле просто небольшие трещины, возникшие от нашего непонимания. Можно представить, что физика полна противоречий? Механика классическая не состыкуется с квантовой механикой, динамика не состыкуется с электромагнетизмом, учение о поле не состыкуется с учением о твердом теле. Можно сказать, что здесь противоречие. Но для физика противоречий нет. И вещество, и поле, и классическая механика, и квантовая, и релятивистская физика, и физика нерелятивистская – это все разделы одного и того же физического учения. Так же нет противоречий и для математика между математикой разных авторов. Как нет противоречий для биолога между генетикой и учением о живых организмах. Понятно, что противоречия только лишь кажутся. Так же и здесь мы должны увидеть отсутствие этих противоречий, увидеть способы их решения, и учиться эти решения не только выслушивать, но и находить самим.

Я говорил на прошлом занятии, что основное богословие является авторской дисциплиной. Часто вопрос, каково определение этой дисциплины, даже и не ставится, хотя изучение любой науки начинается с того, что дается определение этой науки. Определение учения основного богословия мы не найдем по той же причине, что мы, например, не найдем определения того, что такое философия.

Когда я читаю курс по западной философии, то первая лекция

посвящена тому, чтобы ввести студентов в состояние некоторой растерянности. Обычно изучение любой дисциплины начинается с того, что ставится определение этой дисциплины. Физика – учение о природе, биология – учение о живых организмах, филология – учение о языке и т.д. Всегда есть четкое определение.

Когда мы пытаемся дать определение того, что такое философия, то приходим к выводу, что определения философии не существует. И даже дословный перевод термина философия как любовь к мудрости только лишь вводит в заблуждение, потому что определение любой дисциплины должно быть таким, чтобы это определение являлось именно определением, т.е. это выражение ставит некий предел, границу, отделяющую эти дисциплины от других. Биология потому отличается от филологии, что филология живыми организмами не занимается, а биолог не занимается языком. Есть четкая граница. А если мы говорим, что философия есть любовь к мудрости, то мы здесь границу не проводим, потому что мудрость любят все: и биологи, и филологи, и историки, и физики. Это не определение, это красивые слова.

А если мы посмотрим на определение, которое мы также можем найти, на классическое определение: философия есть наука о наиболее общих законах развития бытия, общества и мышления, то это тоже не определение, потому что определение должно отвечать различным свойствам, главным из которых является общезначимость. С определением должны соглашаться все. С таким определением согласятся марксисты, а экзистенциалисты совершенно не согласятся. Скажут: какие законы, о какой природе? Никаких законов не существует. Философия занимается человеком. С целью привести студентов в замешательство, я говорю: «Я не знаю, что такое философия. И мы с вами в течение года будем изучать – то, не знаю что». Это я сказал, чтобы проиллюстрировать ситуацию, которая складывается с основным богословием.

Поскольку основное богословие включает в себя философские вопросы, то вопрос с определением основного богословия наталкивается на те же проблемы, которые включает в себя вопрос с определением философии, но в еще более сложном варианте. Определение богословия, определение учения о Боге – это вопрос еще более сложный. Мы с вами будем пытаться определить, что такое религия.

Найти определение предмета основного богословия мы не сможем, и, видимо, поэтому в учебниках по основному богословию этот вопрос обходится. Чаще всего, вместо определения называется только предмет, т.е. те вопросы, те понятия, которые изучаются в этой дисциплине. Это,

прежде всего, – бытие Бога, действительность сверхчувственного мира, бессмертие человеческой души или всего человека, как в частности, в христианстве. Действительность этих истин такова, что эти истины действительны для любой религии. Или, скажем, истины, действительные только лишь для христианства, т.е. такие положения как Божественное происхождение Христа, богочеловечество Иисуса Христа, Откровение, при помощи которого люди получили Священное Писание, догмат о воплощении и историчности евангельских событий, вопросы о Церкви – так называемая экклезиология и т.д.

Обычно перечисляются вопросы, которые составляют предмет основного богословия. Но это опять же не выход из положения, потому что этими вопросами занимаются и многие другие богословские дисциплины. Скажем, история Церкви занимается экклезиологией, реальностью Боговоплощения; догматика говорит о бытии Бога и о бессмертии души, т.е. предмет оказывается не уникальным. Складывается ситуация такая же, как с философией. То, что философия существует, никого не удивляет, и никто с этим не спорит. Как говорил Кант: «Философия как природная склонность – это факт». Но существует ли философия как наука? Со времен Канта прошло уже двести лет. Человечество, не все, правда, но в большинстве своем успокоилось, что философия как наука существовать не может, правда, существует как природная склонность.

Но как быть с основным богословием? Наука это, природная склонность, мировоззрение, которое может отличаться у одного человека от другого? Здесь вопрос гораздо более важный, чем вопрос с философией, хотя вопрос с философией также сложен и необходим. Что человечество должно делать, когда в голове некоторых отдельно взятых людей появляется убежденность, что философия – это наука? Это может быть очень страшно. Получается то, что на основании этой науки можно переустраивать мир. И некто говорит: «Ошибка всех философов состояла в том, что они объясняли мир. Наша задача состоит в том, чтобы изменить его». Это известная фраза Карла Маркса. Что получается из такой ошибочной убежденности, мы с вами на исходе XX века прекрасно знаем.

Опасность богословская несколько иная. Это опасность апологетическая, опасность того, что мы можем не защитить христианство. Эта опасность остро осознается христианином как опасность своего собственного спасения, опасность истинности своей собственной веры, опасность в успешности миссии, заповеданной нам Иисусом Христом, который сказал апостолам: «Идите и научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына, и Святаго Духа». Эта опасность

здесь тоже есть в неправильном определении, в неправильном понимании. Но здесь иная опасность – вероучительная.

До революции были изданы различные учебники, которые являлись курсами лекций Московской, Санкт-Петербургской и Киевской Духовных Академий. Это книги очень хорошие. Скажем, учебник Рождественского «Курс основного богословия». Вот этот учебник, быть может, один из самых лучших. Это учебник, по которому учились студенты Санкт-Петербургской Духовной Академии. Учебник Светлова – Московская Духовная Академия. Учебник Буткевича – Киевская Духовная Академия. Были хорошие учебники. Они пока не переизданы, но я думаю, что в скором времени они будут доступны и для современного читателя.

Из них наиболее талантливый православный апологет – Рождественский. Читая его книгу, я нашел замечательную фразу, которая оказалась созвучной моим собственным взглядам. Фраза Рождественского очень проста, и, как мне показалось, он сам был настолько убежден в ее очевидности, что даже не выделил ее. Она находится в глубине одного из абзацев. Она звучит так: «Основное богословие имеет своей задачей надлежащее уяснение истины, чтобы светлый образ ее представлялся в его целостном виде». В чем смысл этой фразы? Она настаивает на том, что существует только лишь одна истина. Это положение, как ни тривиально оно может показаться на первый взгляд, действительно является таким лишь на первый взгляд. Даже сейчас не так часто можно найти человека, который действительно убежден, что существует одна истина. В истории средневековой философии есть такой термин, как учение о двух истинах. Оно сводится к тому, что есть две истины – истина научная и истина религиозная. Истины эти не совпадают, даже противоречат одна другой, взаимно исключают друг друга. Но, тем не менее, они являются истинами.

Если наука говорит, что мир вечен, то это истина. Если религия говорит, что мир сотворен Богом, это тоже истина. Эти истины противоречат друг другу. Но что делать? Делать нечего. Нужно знать обе эти истины. Если наука говорит о том, что человек смертен – это истина. Если религия говорит, что человек бессмертен, это тоже истина. Противоречат, делать нечего. Сейчас в XX веке это учение о двух истинах опять неявно всплывает, и многие люди живут так, как будто существует как минимум две истины. Эти люди могут по будним дням заниматься научной деятельностью в физических лабораториях. По субботним вечерам, воскресным утрам бывать на всенощной, литургии в храме, будучи православными верующими людьми. Не понимая часто, что на работе я физик, занимаюсь естественнонаучной истиной, поисками этой

истины, а здесь я поклоняюсь Богу Иисусу Христу, который сказал о себе: Я есмь Путь, Истина и Жизнь. И это совсем разные истины. Истина Божия не сводится к истине Божественных законов. Два плюс два равняется четыре – истина. Но три равняется одному – это то, что мы имеем, когда говорим о единстве Пресвятой Троицы, и это тоже истина. Они противоречат друг другу, но что делать. Есть две истины.

Такой вот неявный подход. Логика современных людей. Одни люди, как я уже сказал, стремящиеся избежать противоречия, отдают предпочтение чему-либо одному. Отбрасывают религию, будучи атеистами, или, наоборот, науку, занимая позицию религиозного фундаментализма. Другие люди, понимая, что и то и другое истинно, остаются на позиции двух истин.

Но истина все же одна, как един Бог. Как един мир, сотворенный Богом. На истине, о том, что истина одна, основывается все христианское учение, основывается и вся наука. Ни один ученый не скажет, что истины физики противоречат истинам математики и истинам истории. Это одна и та же истина развивается в различных науках. Так вот, задача основного богословия как раз и состоит в том (еще раз цитирую Рождественского), «чтобы надлежаще уяснить истину, чтобы светлый образ ее сохранялся в целостном виде». Понимаете, когда мы говорим о естественных науках, то исходим из убеждения, что существует одна истина, и различные науки изучают ее различные аспекты – математические, физические, биологические, исторические и т.д.

В лучшем случае человек понимает, что религия – тоже истина. И тогда возникает такое представление, что существуют как бы различные области изучения и различные истины, скажем, наука, история, религия, которые являются истинными. Через запятую можно перечислить, что наука – истинна, история – истинна, религия – истинна. Но мы же видим, даже особенно не углубляясь, что положения религии противоречат научным положениям. Как быть с этими запятыми? С другой стороны, для верующего человека понятно, что религия не может быть названа через запятую с другими разделами человеческой культуры. Религия – это учение о Боге. Религия говорит, что такое Бог, как Он сотворил мир, как Он этим миром управляет в Своем Домостроительстве промыслительно. Вообще-то говоря, эта общая схема должна быть несколько иной. Вот религия, которая объемлет собою все, религия все это объемлет. В представленном списке слово «религия» может быть заменено другим словом, например, «искусство». Учение о Боге как о Творце и Промыслителе мира, а законы этого мира могут постигаться по-разному.

Получается противоречие. С одной стороны для современного человека религия – это одна из сфер человеческой деятельности. И мы с этим даже миримся. С этим мирится даже сама Церковь, которая понимает, что у нее ограниченные задачи. Скажем, сейчас современный мир говорит, что у религии есть своя задача – нравственная. В лучшем случае Церковь, священники должны заниматься нравственным воспитанием человечества. Священник должен быть в армии, чтобы там не было дедовщины. Если приглашают священника в школу, то это делается для того, чтобы дети себя хорошо вели на уроках, но не более того. Так же как дети ходят в музей для того, чтобы повышать свой эстетический уровень, а не для того, чтобы стать художниками все поголовно. Всему есть свои задачи.

С таким отношением к религии невозможно согласиться, будучи верующим человеком. Такое отношение к религии, как к резервации, может быть лишь с позиции атеизма, который считает религию некоторым этнографическим заповедником наряду с другими областями. Художник или писатель, или композитор понимает, что его область деятельности не охватывает все. Физика не нужно заставлять изучать музыкальную грамоту. Но религия это другое. Верующим человек может и должен быть и физик, и художник, и историк, и безработный, и кто угодно. Именно потому, что религия объемлет собой все.

Поэтому получается такое противоречие. С одной стороны, религия выступает как часть культурной деятельности человека, с другой стороны, религия выступает как знание, которое объемлет собой все остальные знания. И мне показалось, что в этом как раз и состоит смысл и задача основного богословия – показать единство истины. Показать, что действительно религия объемлет собою все виды знания, в том числе и богословие. Мы вполне можем поставить в список и богословие, как конкретное учение – нравственное богословие, догматическое богословие, литургическое богословие. Богословие как наука. Это вполне можно понимать именно как некоторое знание, которое подчиняется законам научного систематического построения.

Такое разделение, такая ситуация, когда религия ставится на одну доску с другими областями человеческого знания, возникает, по моему убеждению, из-за исходной, для нас с вами падшей природы. В первоначальном своем виде до грехопадения человек воспринимал мир целостно, и такого разделения на различные вероучения не могло существовать. Учение о религии, учение о Боге, которое воспринимается как некая резервация, как некоторый этнографический заповедник, наряду

с другими областями человеческого знания, возникает именно в силу поврежденного человеческого разума – того, чего в принципе быть не должно. Но, увы, не в силах человек отменить эту поврежденность человеческого разума. Отменил ее лишь наш Спаситель Господь Иисус Христос, победив смерть на Кресте. Но это вопрос, не относящийся к научному познанию. Мы не боги, хотя и сказано, что мы образ и подобие Божие и несем в себе возможность обожения. В этом и состоит задача человека. Но, увы, природа наша несет на себе печать первородного греха. И это тот факт, говоря христианским языком, тот догмат, в непогрешимость и истинность которого вы обязаны верить.

И это положение действительно подтверждается той самой дисгармонией, той картиной, которую я вам предложил. Ведь действительно неразумно осознавать истинность религии, ставя ее через запятую с другими областями. Это просто нелогично. Если ставить религию наряду с другими областями, то только как культурное этнографическое наследие. Хотя, как правильно сказал в одной из своих статей о. Андрей Кураев: «О наследии можно говорить лишь тогда, когда речь идет о покойнике. Человек умер и оставил завещание. Мы себя покойниками не считаем, поэтому никому мы наследие свое еще не заповедали».

Так вот как раз задача основного богословия состоит в том, чтобы восстановить истинную картину – отсутствие противоречий между различными областями человеческого знания; показать, что все эти области человеческого знания входят в одну большую картину, которая называется религией. Это тот идеал, к которому должна стремиться христианская религия, это тот идеал, к которому стремится основное богословие. Вот конкретные апологетические задачи.

Те задачи, которые я перечислил в первой лекции, показывают, что наука с ее убежденностью в существовании законов мира, не противоречит чудесам, описанным в Писании. Сейчас показывают, что учение о сотворении мира не противоречит истинности геологии и биологии и т.д. Есть конкретные апологетические задачи, которые вписываются в общую картину основного богословия. Поэтому понятен и тот термин основного богословия – показывает основу, основу всего и вся: всех остальных наук, в том числе и богословия, которое может рассматриваться как некоторая наука в ряду других наук; показывает его культурные и сверхъестественные основы. Вот, надеюсь, я ясно донес до вас ту задачу, которая стоит перед специалистом и преподавателем по основному богословию. Но главное, на чем мы основываемся всегда, – на

учении об одной и единой истине. Можно говорить в лучшем случае, используя схоластический язык, об учении о двойственной истине. Не о двух истинах, а о двойственной истине. Это учение, которое разделялось Галилео Галилеем, Михаилом Васильевичем Ломоносовым. Его основной принцип заключается в том, что есть различные пути к истине: есть путь естественнонаучный, есть путь религиозный. Нельзя с физическим инструментарием идти в храм Божий. И, наоборот, бессмысленно заниматься физическим экспериментированием, используя тот же метод, который мы используем в литургии. Всему свое место. Есть разные пути к одной истине, но истина одна. К этому мы можем добавить, что может быть не два пути, а много путей. Есть путь философский, есть путь искусства и т.д. Но как понимать это раздвоение истины, ее размножение на, казалось бы, противоречащие друг другу истины? Если можно употребить такую геометрическую метафору, то, скорее всего, надо говорить не о различных истинах, а о проекциях единой истины, которая превосходит человеческий разум. Нашим поврежденным первородным грехом разумом, который раздробился на различные осколки, мы воспринимаем ее как некую проекцию. Поэтому нам кажется, что ее проекции противоречат друг другу. Но если истина превосходит разум, это не значит, что истина противоречит разуму. О различии этих двух терминов – превосходении разума и противоречии, превосходстве и противоречии говорил еще Лейбниц.

Сущность религии

Когда мы говорим о сущности религии, то по самому понятию этих связанных слов, мы должны абстрагироваться от отличий, которые существуют между различными религиями. Здесь, казалось бы, можно меня упрекнуть в измене истине христианства. Любой христианин понимает, что христианство коренным образом отличается от других религий. Можно увидеть в попытке найти некоторую сущность религии экуменистическую позицию, т.е. попытку свести все религии к общей единой составляющей – то, к чему и стремятся сторонники объединения всех религий, т.е. сторонники экуменизма. Я совершенно не являюсь сторонником экуменизма, разве лишь в плане, как было принято говорить во времена моей молодости, мирного сосуществования, что не исключало, как нас учили на занятиях по марксизму-ленинизму, учения о классовой борьбе. Так же и здесь. Мирное сосуществование христианства, мусульманства, буддизма, иудаизма не исключает борьбу между этими религиями, но борьбу теоретическую. Спорь, но спорь концептуально, а не при помощи оружия, как это любят делать последователи некоторых нехристианских религий.

Так вот, не будучи, слава Богу, экуменистом, я, тем не менее, настаиваю на том, что существует нечто существенное и сущностное для всех религий, что объединяет их. И даже более того, я убежден, что отказ от такого утверждения вреден и для самого христианства. Почему? Да потому, что атеизм в любой форме, в какой бы он не существовал, базируется на том, что религия выдумана людьми. Это или обман, или безобразное заблуждение. Но в любом случае религия возникает на определенном этапе существования человечества.

Если мы будем говорить о том, что религией является только лишь христианство, а ни для кого не является секретом, что христианство возникает только лишь с пришествием в мир Господа Иисуса Христа, то остается признать, что до первого века человечество было безрелигиозным, т.е. тогда христиане соглашались с доводом атеистов, что человечество было безрелигиозным. Здесь конечно, можно было бы возразить, что истинное учение о Боге сохраняли ветхозаветные иудеи. Но для христиан истина Ветхого Завета всегда воспринимается сквозь призму Нового Завета. Поэтому, если уж говорить в целостном понимании, то религия ветхозаветных иудеев не была истинной, если воспринимать ее в отрыве от учения о предстоящем вочеловечивании Бога. Что из этого

получается, мы видим на примере современного иудаизма, т.е. тех последователей учения Ветхого Завета, которые отрицают богочеловечество Иисуса Христа и до сих пор еще ждут пришествия в наш мир Мессии. Так вот получается, если мы отказываем в некотором сущностном единстве всех религий.

Оказывается, что действительно человечество в своем ослеплении было безрелигиозным, и религия возникает только лишь на определенном этапе своего развития. А отсюда вполне логичен и вывод – вполне возможна и отмена религии. Если человечество было безрелигиозным, то оно вполне может без религии существовать. Это нормальное существование, может быть даже в чем-то лучшее. Как многие считают, скажем, эпоху классической Греции идеалом человеческой культуры, к чему надо стремиться как к человеческой гармонии. Вполне была гармония достижима без религии. Значит, можно жить без религии. Можно жить без христианства. Вывод чрезвычайно печальный и совершенно, разумеется, ошибочный.

Значит, учение о некотором общем для всех религий начале не противоречит и убежденности христианина в истинности своей религии. Это очевидно так же и потому, что любая религия всегда основывается на некоторых общих понятиях: на убежденности в существовании кроме нашего материального мира и различных других некоторых сил – Бога или различных богов.

Но прежде чем перейти к вопросу о сущности религии, давайте познакомимся поближе со словом религия. Что такое религия? Изучение науки начинают с термина, которым обозначают эту науку. Я не случайно начал свою лекцию с вопроса о философии, говоря, что само слово философия ничего не обозначает (красивая фраза, не более того), но вводит в заблуждение человека. Так же и слово религия, как выясняется, частью поясняет, а частью запутывает. Религия – слово латинское, и оно переходит в своем латинском первоначальном варианте во все языки. Во всех славянских языках нет никакой замены этому слову.

Казалось бы, древние римляне должны были прекрасно знать, что такое религия, но мы читаем латинских авторов и видим, что они сами спорят друг с другом о том, что же обозначает слово религия. Гипотезы эти сводятся к следующим вариантам. Скажем, Цицерон изложил точку зрения, которая была принята в древнем Риме. Он предлагает считать, что слово религия происходит от слова *relegere*, что переводится с латыни как «перечитывать, тщательно обдумывать, откладывать в сторону». Смысл этого слов состоит в том, что объекты религии, объекты культа

отличаются от остальных мирских объектов тем, что к ним нужно относиться несколько иначе, т.е. религиозные люди – это те, кто тщательно обдумывают все вопросы, которые относятся к богам и откладывают их в сторону. Есть вопросы мирские, а есть вопросы религиозные. Их нужно отложить в сторону. Не нужно путать одно с другим. Проиллюстрирую эту точку зрения примером. Иногда среди современных православных людей возникают споры о том, что, может быть, стоит перевести богослужение с церковнославянского языка на современный русский язык. Среди людей не очень богословски подкованных слышал такой аргумент: как можно служить литургию на том же самом языке, на котором мы ругаемся на кухне, в магазине, толкаясь кошелками. Религиозный язык должен помогать нам отложить, как сказано в Писании, «всякое попечение». Забудьте обо всем мирском. Настройтесь только лишь на то, что сейчас начнется литургия верных. Церковно-славянский язык, как язык книжный, искусственно созданный для того, чтобы выражать Божественные истины, как раз и помогает отвлечься от всего мирского. Разделение мирского и религиозного аспектов, конечно, совершенно правильно отмечено Цицероном. Итак, перед нами одно из мнений, мнение Цицерона, которое хотя и было наиболее распространенным в древнем Риме, не являлось общезначимым.

Была еще другая точка зрения – точка зрения блаженного Августина, который считал, что слово «религия» происходит от латинского слова *reeligare*. В августиновском смысле слово «религия» означает «воссоединять». Таким образом, религия призвана воссоединить утраченную связь человека и Бога. Когда-то эта связь была нормальной. До состояния поврежденности первородным грехом Адам и Ева жили в раю и могли общаться с Богом, разговаривать с ним. Тогда связь между людьми и Богом была естественной. Затем эта связь в результате того, что произошло после вкушения плода с дерева познания добра и зла, оказалась нарушенной. Задача религии – восстановить эту утраченную связь. Такова точка зрения блаженного Августина.

Другой церковный писатель, в отличие от блаженного Августина не причисленный к лику святых, Лактанций, предложил еще один вариант – считать слово религия от слова *religare* – соединять, связывать. Точка зрения Лактанция в современном христианстве считается наиболее распространенной.

Религия – это учение о связи человека и Бога. Эта точка зрения получила признание уже в первые века существования христианства. Блаженный Иероним писал, соглашаясь с точкой зрения и Лактанция, и

Августина: «Его-то (Бога), ища и вновь отыскивая, от чего, кажется, получила название и религия, мы стремимся к Нему вновь, чтобы, когда достигнем, нам успокоиться», т.е. найти Бога и вновь связать, воссоединить утраченную связь Бога и человека.

Понятно, что точки зрения Лактанция и Августина существенно отличаются. Есть стандартный богословский вопрос: а была ли религия до грехопадения? С точки зрения Августина, религии до грехопадения не было – была естественная связь человека и Бога. Она-то и была утрачена. А с точки зрения Лактанция, религия была, была связь, была истинная религия, а сейчас мы только лишь восстанавливаем. Т.о. точки зрения Лактанция и Августина оказываются диаметрально противоположными.

Есть еще одна позиция, еще один вариант, гораздо менее распространенный, но его тоже нужно знать. Римский писатель Сульпиций Сервий предположил, что слово религия происходит от латинского слова, значащего «обходить молчанием», т.е. религия настраивает верующего человека на то, чтобы он обходил молчанием все, что относится к миру Божественному. Не сводить Божественный мир до житейского уровня. В XIX веке усилиями филологов появилась еще одна версия, которая основывалась на том, что, видимо, неслучайно древнеримские писатели сами не знали происхождения слова религия. По всей видимости, к тому времени, а Цицерон жил незадолго до пришествия в мир Иисуса Христа, слово религия уже ушло из обихода. Значит нужно искать это слово в древних латинских текстах. И это слово было найдено. Такие филологические поиски привели к появлению слова *ligere* – «благочестиво относиться», т.е. испытывать благочестие. Возвратная частица *re-* означает возврат к благочестию, т.е. возврат – это постоянное, вновь и вновь повторяемое, паки и паки, выражение этого чувства благочестивого отношения к предмету религиозного чувства человека.

Но, так или иначе, сколько бы мы не излагали концепций, мы видим, что религия как факт гораздо старше самого слова, которое обозначает это явление. Это, по крайней мере, заставляет нас сделать вывод, что религия существует гораздо дольше, чем существует культурное человечество с его языком. Это еще не повод считать, что религия существовала всегда, но, тем не менее, уже достаточно серьезная заявка на именно такое положение.

Что же такое религия, если мы не можем определить ее при помощи слова? Хотя как мы видим уже, нам слово помогает. Подход Лактанция: религия есть связь человека и Бога, то, что наиболее часто понимается в современном богословии. Это достаточно хорошо объясняет значения

слова религия. Связь человека с Богом – это понятно, и выражает главную сущностную черту. Но, тем не менее, прежде чем начать заниматься исследованием религии, нужно дать определение. И что получается? Опять же так, как и с философией. Мы знаем, что существуют различные философские учения и что единого определения философии не существует.

А может быть существует единое определение религии? Но можно догадаться сразу, что единого определения религии также не существует. Если мы откроем философский энциклопедический словарь, изданный еще в советские времена, то мы найдем там классическое определение Ф.Энгельса, которое гласит: «Религия есть фантастическое отражение в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, отражение, в котором земные силы принимают форму неземных». Даже будучи атеистом, с таким определением соглашаться нельзя, потому что любое определение должно всегда основываться на понятиях, которые, во-первых, понятны всем, а во-вторых, принимаются всеми. В этом определении, во-первых, присутствует убеждение, что религия есть фантастическое отражение, что соответственно неприемлемо для людей религиозных. Такое определение религии, таким образом, не является определением для людей верующих, что не может быть приемлемо по законам самого определения, не может существовать. Во-вторых, в это определение включены положения марксистско-ленинской философии: религия есть фантастическое отражение, т.е. учение об отражении как марксистско-ленинской теории познания, гносеологии. Учение об отражении так же не является общезначимым положением для всех философов. В-третьих, это определение включает в себя положения, которые не являются ясными и очевидными, что также не может быть определением. Скажем, что такое внешние земные силы, что такое неземные. Верующему человеку понятно, что такое неземные силы, а атеисту непонятно. И почему это земные силы принимают форму неземных?

В лучшем случае, мы должны, будучи строгими и последовательными, это выражение Энгельса скорее назвать теоремой, пользуясь математическим языком, чем определением, т.е. это положение, которое нужно доказать: что религия не существует, что религия есть фантастическое отражение в головах людей, что земные силы принимают форму неземных и т.д. Но критериям определения это выражение не удовлетворяет.

В различных энциклопедиях – российских и зарубежных, советских и

дореволюционных – я нашел различные определения, которые во многом друг с другом не соглашаются. Есть определение немецкого философа XIX века Шлейермахера (автора многих достаточно интересных книг по религиозному восприятию мира), который пишет, что религия есть чувство абсолютной зависимости. Ну, тоже определение достаточно афористическое, совершенно не выделяющее сущностный момент религии, поскольку чувство абсолютной зависимости испытывает человек не только верующий. Скажем, материалист понимает, что он абсолютно зависим от законов материального мира. Вот это чувство абсолютной зависимости не принимает характер религиозного чувства и не устраивает поклонения законам природы.

Есть определение Тэйлора: религия есть вера в духовные существа. Такое слишком общее определение, которое тоже нельзя назвать истинным. Почему? Возникает вопрос: что такое духовные существа? Во-первых, это слишком общее понятие. Нельзя сказать, что человек, сплевывающий три раза через левое плечо, как бы скидывающий с себя невидимого беса, или поворачивающий обратно, увидев проходящую перед ним черную кошку, религиозен. Это скорее человек суеверный, но не религиозный. Т.е. можно верить в духовные существа, не будучи человеком религиозным. Религия это нечто иное.

Возьмем определения религии менее афористичные, которые присутствуют в различных энциклопедических изданиях, т.е. что называется современные академические научные определения. Определение, данное в американской энциклопедии, гласит, что религия есть вера человека в силу, находящуюся вне его, посредством которой он пытается удовлетворить эмоциональные потребности и достичь стабильности жизни, и которую он выражает в культовых действиях и службах. Или другое определение, советского религиоведа Гараджи: религия есть мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение и специфические действия; культ, который основывается на вере в существование одного или нескольких богов, священного, т.е. той или иной разновидности сверхъестественного. Священное здесь соединяется со сверхъестественным, т.е. здесь можно поспорить, так как не все сверхъестественное священно. Для православного человека силы дьявольские это силы сверхъестественные, но отнюдь не священные. Поэтому здесь явно советский религиовед не учитывает специфику христианского учения.

Вспоминается фраза Козьмы Пруткова: нельзя объять необъятное. Так вот религиоведом быть сложно. Чтобы быть истинным религиоведом,

нужно знать все: православие, все протестантство, весь католицизм, мусульманство, буддизм и т.д. Здесь сложно выделить общие моменты, и момент незнания всегда будет присутствовать в силу специфики самого предмета религиоведения.

Мне очень нравится определение, которое было дано князем Сергеем Трубецким. Определение, как мне кажется, очень краткое в отличие от определения Гараджи. Но несмотря на свою краткость, оно схватывает все сущностные элементы религии. Князь Сергей Трубецкой говорит: религия это организованное поклонение высшим силам. Всего лишь четыре слова. Но в этой фразе каждое из этих четырех слов несет в себе серьезный концептуальный смысл. Религия это организованное поклонение, т.е. это церковь. Любая религия предполагает некоторую церковь, т.е. организацию. Религия – это поклонение, т.е. культ. Религия невозможна без некоего культа, т.е. совокупности богослужебной практики. Это поклонение высшим, превосходящим человека силам, т.е. активным духовным началам. Вы видите всего лишь четыре слова, но каждое из четырех слов невозможно выбросить из этого определения. Это определение легко запомнить, его не нужно зазубривать как определение Гараджи, но оно включает все необходимые сущностные элементы для существования религии. Это вера в высшие силы, вера в то, что эти силы активны, в необходимость поклонения этим силам и необходимость создания организации, которая называется церковью.

Но почему же существуют различные противоречия в определении самого термина религия. Как мне кажется, это не случайно. Иначе, честно говоря, быть не может. Если мы примем точку зрения Лактанция, согласимся с тем, что религия это связь человека и Бога, то как можно определить неопределимое? Можно ли поставить предел бесконечному Богу? Поэтому дать определение – это всегда положить предел. Определение одного термина означает определение его границы от другого понятия. Дать определение религии в данном случае смыкается с тем же, как дать определение Бога. Невозможно определить беспредельное. Невозможно ограничить безграничное. Поэтому, скорее всего, религию можно лишь определить как явление, которое существует на некотором феноменологическом уровне, т.е. на уровне явлений, на уровне сущности. Религия неопределима, непостижима. Она скорее постигается сердцем, постигается верой, о чем мы с вами будем говорить позднее. Нельзя религию определить на человеческом языке. Связь человека и Бога нельзя сводить только лишь на уровень человеческих знаний. Это значит лишать религию ее божественного аспекта. Отсюда и

все необходимые противоречия между различными определениями религии. Отсюда все неудачи добиться одного некоего определения.

Мы поняли, что говорить о религии лучше, не определяя ее, а просто называя некоторые основные объекты, предметы, которые свойственны для этой области человеческого знания. Можно найти некоторые аргументы, по которым религиозное мировоззрение отличается от нерелигиозного. И обычный подход в учебниках по основному богословию как раз основывается именно на том, что отличие религиозного мировоззрения от нерелигиозного ищется на основании конкретных примеров, конкретных элементов, которые определяются как сущностные для любого религиозного мировоззрения.

Что же это за элементы? Прежде всего, это вера в личного Бога или в личных богов. Любая религия включает в себя веру в личного Бога, т.е. учение, основывающееся на том, что Бог безличен, не является религиозным по самой своей сути. Почему? Как я говорил, многие современные люди согласны сделать такую уступку, на то, что существует некоторый дух, мировая душа, мировой разум, но не личный Бог. Религия всегда включает в себя не просто веру в наличие некоего мирового разума, мировой души – религия ищет связи с Богом, почитает Его, боится Его, ищет Его любви, боится Его гнева. Религия всегда воспринимает одного Бога, как бы Он ни назывался, или богов, какие бы имена в различных языческих учениях они не носили, но это всегда личные боги, которые, обладая другими своими качествами, обладают и свойством личности.

Как любая человеческая личность, Бог может любить, может гневаться, может поощрять, может наказывать. Отсюда и вытекают остальные свойства религиозного учения, т.е. человек ищет покровительства у этих божественных сил, ждет от них защиты, боится их наказания, благодарит за ту помощь, которую Бог ему дарует. Это отношения человека и Бога как отношения двух личностей: одной зависящей, другой ни от чего не зависящей. В любом случае религия подразумевает веру в личных богов. Эти боги могут быть совершенно разные, как скажем в римском и греческом пантеоне, боги могут совершать даже безнравственные поступки, могут кое-чего не знать, могут обладать пространственным невсеведением. Скажем, как начинается Илиада Гомера? Зевс не знал о событиях в Трое, о том, что там в это время происходило. Учение о Боге невсеведущем бессмысленно, но для языческой религии это нормально. Бог уехал в командировку, в это время в Трое какие-то события произошли. Бессмысленно, но главное, что личность Зевса сохраняется.

Такое учение как пантеизм в данном случае не является религией. Один из самых известных пантеистов – Спиноза, великий голландский философ, он учил о Боге как о разуме. И Бог, и природа были для него одним и тем же, что является, в сущности, пантеизмом. Пантеизм, то есть все есть Бог. Природа – это Бог. Пантеистом Спинозовского толка был Эйнштейн – великий современный физик, который считал себя человеком верующим. Но сказать, что он человек религиозный, в данном случае нельзя. Эта вера в бога, как сказал сам Эйнштейн, стала основой для создания им теории относительности, но эта вера не была основой для его нравственной жизни, основой для его хождения или не хождения в церковь и т.д. Т.е. это толчок для создания научной концепции, но не являющийся толчком для всей жизни человека. Религия же должна по своему интуитивному представлению понижать все человеческое естество, всю человеческую жизнь.

Как говорил великий французский ученый, философ, богослов Блез Паскаль, Бог – это Бог Авраама, Исаака и Иакова, а не Бог философов и ученых. Этот некий безличный разум, который нужен как некоторая гипотеза.

Наполеон спросил Лапласа: «Почему в вашей научной концепции нет ничего о Боге?» Лаплас ответил: «В этой гипотезе я не нуждаюсь». Действительно, для научной теории гипотезы о Боге не нужны. Но для жизни вера в Бога бывает необходима. И вера не в бога философов и ученых как в некий разум, а вера в Бога личного, вера в Бога открывшегося Аврааму, сказавшего ему, что от него произойдет целый народ, и его будет столько же, сколько песчинок на дне морском, и что этот народ будет верен Богу, и что этот народ спасется. Вот этот Бог Авраама, Исаака и Иакова, личный Бог, всегда является основным, главным элементом любого религиозного учения.

Сейчас очень модно стало говорить на языке научных теорий. Раньше говорили о некоем безличном мировом разуме. Сейчас, после создания компьютерных технологий, принято говорить о некоем информационном мире. Есть такая информация. Часто утверждают, что вера в этот информационный мир является как бы истинной верой, и то наивное учение о Боге, которое разрабатывалось христианской религией, в действительности на научном языке именуется верой в информационный мир. Но в действительности вера в информационный мир ничего нового в себе не имеет, потому что информация сама по себе ничего не говорит. Бог, в которого верит религиозный верующий человек, всегда имеет человека в качестве цели, которому нужно дать откровение. Религия

всегда существует в виде откровения сверхъестественного для человека. Человек не может только лишь силами своего разума познать Бога. Бог лично открывается человеку. А информация безлична, она постигается силами человеческого разума. Поэтому такая концепция веры в информационный мир, будучи нерелигиозной по своей сути, является одновременно и просто некой разновидностью научной гипотезы, не более того. Ничего религиозного здесь нет. Это другими словами выраженная вера человека в то, что он открывает некую истину, которую принято сейчас называть информацией.

Еще часто приводят пример буддизма как религии, в которой нет веры в личного Бога. Есть такая религия как буддизм, а личного Бога в ней нет. Поэтому, следовательно, учение о личном Боге не является необходимым элементом религии. Строго говоря, это возражение тоже является поверхностным. Буддизм – это очень сложное учение, в котором срослись исторический путь и историческое богословие. И первоначальный буддизм коренным образом отличается от современного буддизма. Современный буддизм от первоначального отличается как небо от земли. Первоначальное истинное учение Будды было атеистическим по самой своей сути. Будда свое учение направил против современной религии, против религии века, против брахманизма. И главное открытие состояло в том, что блаженства можно достичь путем отказа от своих желаний. Наши страдания есть следствие наших желаний. Отказываясь от желаний, мы сворачиваем с пути страдания. Вот краткая суть четырех благородных истин Будды. Все это чисто философское учение. Дальше идут, во-первых, книги, которые появились после Будды, дается онтологическая картина того, почему происходит избавление от страданий. Весь мир есть мелькание дхарм. Эти дхармы существуют в зависимости от человека. Желания человека приводят к тому, что эти дхармы начинают колебаться, и поэтому проявляется наш мир как некая иллюзия, как некоторая видимость. Отказываясь от желаний, человек приходит к тому, что дхармы перестают колебаться, приходят в состояние покоя, мир исчезает, наступает полный покой – то, что именуется нирваной. Опять-таки ничего религиозного здесь нет. Никаких богов, никакой надежды на спасение. Какая надежда, когда все зависит от меня? Если я не спасаюсь, если я страдаю, значит, я не отказался от всех своих желаний. Не более того. Значит, все зависит от меня. Никакая религия этого подтвердить не может. Все зависит от Бога – вот исходная позиция любой религии.

В дальнейшем отход от первоначального варианта буддизма показывает, что человек по своей сути религиозен, что любая попытка

насильственно внедрить в него атеизм, заканчивается возрождением той же самой религии, только много веков спустя: великий учитель стал богом, его воспитанники стали бодхисаттвами, т.е. мелкими божками. Современный буддизм – это возрождение в виде мешанины, в виде каши язычества с элементами учения Будды.

Поэтому главный элемент религии – это вера в личного Бога или в личных богов, что показывает история буддизма. Без этого обойтись никак нельзя.

С этим связан и второй элемент религиозного мировоззрения – это вера в существование сверхчувственного мира. Бог или боги всегда должны быть сверхчувственными, т.е. не познаваться чувствами. Бога нельзя увидеть. Бог не может быть просто идолом, т.е. некой фигуркой, вытесанной из камня или из дерева. Даже этот идол, которому поклонялись язычники, будучи выше этой скульптуры, по сути своей был все же местом обитания бога, который по своей сущности обладал сверхчувственным существованием. Фигурки можно было разрушить. Но это не означает, что одновременно разрушался Бог. Ни один язычник с такой глупостью не мог согласиться. Древняя Греция знала множество статуй Аполлона, Афины или Зевса, но это не значит, что древние греки верили в нескольких Аполлонов или нескольких Зевсов.

Любая религия, даже самая примитивная языческая, всегда верит в сверхъестественный мир. Это нужно учитывать, потому что очень часто атеисты в своей полемике с религией выдумают сами для себя религию как можно в более примитивном и легком варианте. Потом эту же самую выдуманную религию с успехом критикуют. Знаменитая в 60-е годы фраза: не хочется верить, что человек настолько глуп. Действительно, человек настолько глуп. Одни настолько глупы, что эти фразы высказывают, а другие настолько глупы, чтобы в эти фразы верить. В журнале «Наука и религия» появилась статья под названием «Человек летал в космос, и Бога там не видел». Но как можно использовать такие аргументы в борьбе с религией, когда открой Библию и прочитай: Бога не видел никто никогда! За 2 тысячи лет до полета в космос это было ясно людям, которые совсем по-иному представляли учение о мироздании. Но учение о Боге было ясно мало-мальски образованному человеку. Бога нельзя увидеть. Даже Моисей, как известно, видел только лишь, как сказано, спину Бога. На языке богословском или философском – не видел сущность, не видел Бога самого по себе. Он видел лишь то, как Бог ему явился.

По-разному Бог может являться: то в виде несгораемого куста –

неопалимой купины, то в виде спины, как во время откровения на горе Синай; то в виде трех ангелов, как Бог явился Аврааму под дубом – по-разному Бог может являться, но сущность Бога невидима. Это то, что я говорил о христианстве. Но если Бог обращается в человека, то мы видим и тело Иисуса Христа, истинное человеческое тело, но не Бога. Вот богочеловек, мы видим человека, Бога мы не видим. Бога мы познаем несколько иным, сверхчувственным познанием.

С этим связан следующий элемент любой религии – это откровение. В любой религии человек является не самым последним местом. Человек занимает верховное место в иерархии существ материального мира. И Бог, будучи личным существом, относится к человеку с высоты своей личности, а будучи сверхчувственным, знает, что знание о Боге человеку недоступно. Человек не может постичь знание о Боге сам. Поэтому необходимо откровение. Откровение по-разному описывается в разных религиях, но везде оно присутствует. Это Тора, Пятикнижие Моисея, в иудаизме. Это Ветхий и Новый Завет в христианстве. Это Коран в мусульманстве. Это сивилловы книги в древнеримской мифологии. Разные могут быть откровения, но это всегда сверхъестественное.

Приведу пример. На праздник римских царей пришла сивилла и предложила несколько книг, назначив за них баснословную цену. Царь ответил: «Слишком дорого, я их не куплю». Она половину книг сожгла и сказала: «Оставшиеся продаю за цену в 10 раз большую». Царь воскликнул: «Сумасшедшая!» Сивилла вновь половину книг сожгла и сказала, что оставшиеся продает за цену в 10 раз большую. И тогда царь понял, что эти книги священные и купил их. Т.о. появилась римская религия. Но в любом случае, каждая религия имеет такую легендарную историю. Это или откровение на горе Синай, или откровение пророку Мухаммеду в мусульманстве, или явление трех корзин в буддизме – Трипитаки. По-разному это может быть, но всегда откровение присутствует как необходимый элемент религиозного учения. То, что открывается, в данном случае неважно. Откровения могут быть разными. Но откровение всегда является необходимым элементом.

Конечно, в откровении всегда подчеркивается, что оно дается не первому попавшемуся человеку. Откровение всегда подразумевает встречный процесс человека и Бога. Бог ищет человека, человек ищет Бога, и они встречаются. Как замечательно было сказано в притче о пастухе и овцах в Евангелии, когда пастух может искать одну затерявшуюся овцу. Вот сравнение Бога с людьми. Мы как затерявшиеся овцы. Бог нас ищет. Не мы Его, а Он нас. Мы неразумные существа. Но это притча. Другая

притча говорит о возвращении – это притча о блудном сыне. Сын, который блуждал и питался вместе со свиньями, возвращается к Отцу, т.е. подчеркивается обратный процесс: человек должен двигаться к Богу. Откровение всегда дается тогда, когда Бог видит, что человек действительно ищет истину.

Не случайно в христианстве откровение дается еврейскому народу, как самому религиозному, самому близкому к истине. В Ветхом Завете откровение дается Моисею как человеку, сохранившему наибольшее знание об истине. В мусульманстве оно дается пророку Мухаммеду как также наиболее близкому к познанию истины, а не первому попавшемуся встречному случайному. Откровение всегда подразумевает встречный процесс, активность человека, его поиск истинного Бога или даже богов, как в язычестве.

Откровение может содержать в себе различные моменты. В нем может быть учение о сотворении мира, а может это учение и отсутствовать. Но главное – должно присутствовать всегда учение о спасении человека, учение о том, что человеку нужно делать для того, чтобы обрести Царствие Божие, Царствие Небесное. Так возникает учение о нравственности. Нравственность всегда религиозна. Источник нравственности – это учение о Боге, откровение Бога человеку о том, как следует жить. Нравственно то, что соответствует воле Бога или богов. Безнравственно то, что противно воле богов. В любой религии нравственность постигается всегда именно таким образом. Христианство здесь не исключение. Грех понимается как противление воле Божией.

Понятие откровения о том, как следует жить, и понятие о нравственности выводят за собой учение о спасении и воздаянии. Учение о загробной жизни также необходимый элемент любой религии. Учение о загробной жизни соединяется с учением о сверхчувственном бытии. Человек, оказывается, живет не только для того, чтобы удовлетворять свои животные побуждения в настоящем мире, он живет для высшей цели. И неподчинение себя тем заповедям, которые даны в этом откровении, означает, что после смерти человек будет низвергнут в соответствующее место. Оно по-разному называется в разных религиях, но оно всегда присутствует. И, наоборот, праведники, построив всю свою жизнь согласно заповедям Божиим, берутся на Небо в Царство Небесное, где обретают бытие божественное, соответствующее истинной природе человека. Для того чтобы обрести это спасение, человек должен жить нравственно, а жить нравственно означает слушать Бога или богов, а слушать Бога означает одновременно веру в Его всемогущество, веру в Его

бесконечную мудрость и бесконечную доброту, т.е. любовь. Следовательно, здесь возникает момент почитания Бога – то, что должно выражаться в культе. Если вера в бесконечную доброту Бога отсутствует, есть вера в его злую природу, которую можно замолить, чтобы Бог тебя не наказал. В любом случае Бог – это нравственное существо, которое может наказывать человека, воздать ему по заслугам, которому также нужно воздавать соответствующее поклонение.

Отсюда возникает богослужение или культ, который принимает организованные формы. Образуется церковь. Вот еще один необходимый элемент любой религии – церковь, т.е. организация. Мы не берем смысла Церкви как тела Христова, как это понимается в христианстве. Мы поговорим о тех элементах, которые являются общими для всех религий. В каждой религии есть всегда элемент церкви. Иногда возникает борьба, либо возникает война в церкви. Возникает представление, что никакая церковь не нужна. Что церковь – это ошибка. В католицизме возникает протестантизм с его первоначальным тезисом, что каждый человек – священник. Нет, не нужно никаких священников, не нужно организации. Организация существует для того, чтобы брать взятки, которые называются индульгенциями, а священники существуют для того, чтобы обманывать людей, якобы являясь промежуточным звеном между человеком и Богом. Но человек – это образ и подобие Божие. Он должен общаться с Богом непосредственно. Так что все это не нужно. Истинная религия состоит в непосредственной связи каждого индивида и Бога. Вот лозунг, на котором возникает протестантизм – лютеранство, кальвинизм.

Что мы видим дальше? История показывает, что дальше возникают общины. А в этих общинах возникает необходимость, поскольку люди разные – кто-то умнее, кто-то глупее, кто-то работоспособнее, кто-то ленивее – возникает необходимость организовывать и обучать. Появляются пасторы в этих общинах. Нужно где-то собираться – возникают здания. Короче говоря, восстанавливается церковь. Даже есть иконы в некоторых протестантских церквях, только под очень разными видами. В некоторых конфессиях в стене вырубается дырка. Православные беспоповцы, называемые дырочниками, боролись с иконами. Но как-то Богу надо молиться. Вот и в стене прорубается дырка – такая связь между человеком и Богом. Вот на нее и молятся. Все равно понимают, что что-то нужно. Нужна организация, нужен священник и иконы – все нужно. Но у них это принимает абсурдные формы. Вместо иконы – дырка, вместо священника – пастор, вместо храма – молитвенный дом, вместо церкви – община, просто организация. Но все равно на правильном пути, потому

что религии без этого не бывает. Это просто элементарный возврат человека к своей сущности. Это еще раз показывает, что человек – существо религиозное по своей природе. То, о чем будем говорить позднее, о возникновении религии. Т.е. религия не может возникнуть на определенном этапе. Религия есть сущностное свойство человека, т.е. нельзя говорить, что человек безрелигиозен, что он также безрелигиозен, как обезьяна, от которой он якобы произошел.

Возникновение религии

Учение о возникновении религии существует достаточно долго и главное, что мы должны сделать, – показать, что религия существовала всегда, хотя эта моя фраза смотрится несколько превратно. Я иногда буду отвлекаться, чтобы давать некоторые методологические указания, которыми я стараюсь пользоваться. Одним из таких указаний должно быть отсутствие желания, стремления выдавать желаемое за действительное. Никогда не нужно иметь в начале то, что доказывается, а потом доказывать. Это называется в школе, когда занимаются математикой или физикой, что мы подгоняем под ответ. Не важно, что мы там напишем, ответ мы уже знаем, а дальше мы можем писать все, что угодно. Обладая какими-то знаниями, мы можем показать это красиво, но истинным такое решение являться не будет. Кого-то мы сможем ввести в заблуждение, кто-то, может, не согласится, но это будет неправильно. Это будет грех против истины.

Если я убежден, что истина существует, то я должен действовать в соответствии с этим убеждением. Никогда нельзя обманывать даже во благо не только в большом, но и в малом. Попытки такого рода не могут привести человека к главной истине, пользуясь некоторыми второстепенными ложными послылками. Они заведомо обречены на провал, потому что на это человек должен согласиться. Скажем, он согласится потому, что ему надоест тебя выслушивать. Каждый день ты об этом зудишь, из месяца в месяц. Он согласится для того, чтобы от тебя избавиться. Можно согласится потому, что ты обладаешь авторитетом, знаниями, званиями. Но потом, когда человек освободится, останется один на один сам с собой, то увидит и поймет ошибочность твоих рассуждений, следовательно, и выводы также ошибочны. Поэтому истинная христианская апологетика никогда не должна прибегать к ошибочным догмам. Если на современном этапе твоих знаний этого доказать нельзя, тогда никогда не сможем сделать убедительным это доказательство. Нужно человеку сказать: «Я не знаю».

У меня первое образование, как я сказал, физическое, и для меня это имеет большой смысл. Я знаю, каким образом открывается истина. Истина не доказывается, а открывается. Человек в своих рассуждениях приходит к тому, что он когда-либо еще не знал. Вот именно такой способ рассуждения является истинным, а не наоборот: сначала ставится ответ, а потом ведем видимость каких-либо рассуждений для того, чтобы этот

ответ обосновать. В физике и математике это проще. Там есть четкий способ, метод рассуждения, метод классических теорем, доказательств. В философии это гораздо сложнее, и этим пользуются нечистоплотные философы и богословы, богословы по образованию. А с другой стороны, пользуются нечистоплотные атеисты. Вместо того чтобы спорить с серьезным богословом, они берут легкомысленного писаку, опровергают его заведомо ошибочные положения и потом говорят: «Все они такие». На основании одного утверждения делается вывод о ложности всех остальных.

Поэтому своим студентам я всегда настойчиво внушаю одну очень важную мысль. Здесь есть студенты, которые относятся к религии как к объекту своих теоретических исследований. Но фраза эта должна быть краеугольной для любого православного богослова. Когда человек получает некоторое образование, то он несет некоторую ответственность за него. Представьте, человек получил медицинское образование, приходит в клинику, лечит больного, а потом говорит: «Вам лучше обратиться к врачу». Что говорит больной? Он не говорит, что медицина ложна, а говорит, что этот горе-врач плохо учился. Если человек плохо учился в техническом вузе, ему дают задачу сконструировать некий автомобиль, и он выпускает некоего монстра, который ломается на первой яме, то не говорят, что наука ошибочна. Если же человек кое-как учился в богословском институте, и если к нему подходит человек в церкви или на улице с вопросом и не получает правильного ответа, то ситуация здесь коренным образом отличается от тех, которые я ранее описал. Выводы, которые делает человек, не получивший ответа на интересующие его вопросы, другой. Человек говорит: «Вот, я же говорил, что все они такие». Истинно такое положение, что каждый христианин отвечает за всю Церковь. Редко человек понимает, что, да, видимо, он плохой семинарист, он плохо учился в университете, он плохо учился в Духовной Академии. Приведу такой пример. Некий академик дает интервью. Его спросили: «Как вы относитесь к христианству?» И академик говорит: «Знаете, я зашел в церковь, спросил у бабушки то-то и то-то, и она мне не ответила». У меня уже просто нет слов! Для академика критерием знания о христианстве является бабушка! Я бы спросил: «В институте Вы тоже с гардеробщицей разговариваете?» Это делает любой человек, в том числе и академик. Это был настоящий академик, а не из числа академиков оккультных наук. Роль христианина в этом мире совершенно особая. Каждый человек отвечает за всю Церковь. Сейчас можно учиться за деньги. Хочешь – учишься, не хочешь – перестал. Но если ты человек

действительно верующий, то должен понимать ту меру ответственности, которую берешь на себя. Как сказано в послании апостола Петра: «Всякий должен дать в любой момент отчет о своем уповании». Всякий и в любой момент: ректор Духовной Академии, и бабушка, торгующая свечами, и на экзамене, и в 4 часа ночи разбуди – всякий в любой момент.

Это слишком серьезно, это гораздо серьезнее, чем сделать операцию или изобрести новый двигатель. Операция продляет жизнь человеку на несколько лет. Ни один врач не скажет: «Я сделаю операцию, которая дала бы тебе бессмертие». Он понимает, что человек еще проживет несколько лет, 50–70 в лучшем случае. А здесь речь идет о бессмертии человека. Поэтому и мера ответственности у каждого православного христианина гораздо выше, тем более у того, кто получает духовное образование.

Итак, о возникновении религии. Существуют различные способы классифицировать различные концепции возникновения религии. Сейчас мы рассмотрим концепции нехристианские, нерелигиозные, которые основываются на том, что религия есть заблуждение. Эти концепции можно свести к двум основным планам. Первая группа включает концепции, которые утверждают, что человечество по своей сути является безрелигиозным, и религия возникает на определенном этапе развития. А поскольку человечество существовало и без религии, то религия возникает как некоторое заблуждение в силу тех или иных причин, и поскольку она является заблуждением, от него нужно избавляться, причем избавляться различными способами. Избавившись, мы вернемся к первоначальному безрелигиозному состоянию, которое является истинным, соответствующим истинной сущности человека. Это первая концепция. Вторая концепция утверждает, что человечество имело религию всегда. Но, тем не менее, религия является заблуждением, вытекающим из некоторых сущностных моментов человеческой природы. Опять же религия как заблуждение, основывающееся на том, что человек не понимает свою сущность, и потом, по мере развития различных наук и философии, приходит такой момент, когда оно постигает свою сущность и понимает, что оно неправильно трактовало – трактовало религиозно, а нужно трактовать иначе. Вот такие две концепции.

В них включается различное количество мыслителей. В первую группу входят критики религии, которые считают, что человечество по своей сути безрелигиозно. Наиболее популярная, наиболее простая концепция сводится к тому, что религия возникает вследствие обмана. Религия есть выдумка жрецов. К такой формулировке можно коротко свести суть концепции. Эта концепция существовала издавна. Это, может

быть, одна из наиболее древних концепций. Скажем Секст Эмпирик – античный философ (это период поздней античности), живший во втором веке после Р.Х., упоминал уже о таких критиках. Основывается эта критика на том, что всегда появляется некий правитель, некий царь, который понимает, что главное в обществе – это порядок. Нужно прибегнуть к различным способам достижения порядка. Прибегают к различным методам: армия, полиция, выражаясь на современном языке, но любой преступник надеется, что никакая полиция за ним не усмотрит, никакой прокурор его не настигнет. Поэтому умный царь понимает, что никакими земными силами здесь не обойдешься. Нужно внушить людям, что есть некое существо или существа, которые являются невидимыми, вездесущими, всезнающими, всемогущими. Он или они все знают, от них никогда и нигде не скроешься, они могут всегда настигнуть человека, если он преступает закон. И, естественно, его накажут: не сейчас, так потом. Такие истоки этой концепции, которые сейчас, опять же, вольно или невольно, принимаются мыслителями.

Я говорил, что в современном обществе религии порой уделяется нравственная роль, что Православная Церковь должна отвечать за нравственность. Вот как раз имеется в виду этот аспект. Мы понимаем, что наша милиция, наша армия, наша прокуратура продажны и ничего сделать не могут. Но Церковь должна что-то сделать. Мы готовы пустить священников в армию, школы, лишь бы нас не трогали. Так я цинично утрирую. Я думаю, что я все-таки не слишком утрирую, т.к. к этому сводится суть современного отношения к Православной Церкви. И суть этой концепции о заблуждении заключается в том, что религия возникает как обман определенных людей. Эта концепция исходит из той позиции, что человечество безрелигиозно.

Возьмем, к примеру, работы Маркса и Энгельса, основателей марксизма и ленинизма. Энгельс писал в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», что человечество первоначально было безрелигиозно. Однако пока что наука не столь совершенна, чтобы открыть эти безрелигиозные истоки, но впоследствии археологические раскопки покажут, что первоначальный человек все-таки не был религиозен. Прошло больше ста лет, но какие бы захоронения не находили, они были выполнены с соблюдением религиозных обрядов, т.е. пока что теория сторонников безрелигиозного существования человечества на первоначальном этапе научно, археологически, не подкреплена. По современным научным данным человечество существовало на религиозном уровне.

С другой стороны, представим себе, каким образом реализуется эта концепция обмана. Давайте смоделируем ситуацию, проведем мысленный эксперимент. Вот мы с вами жрецы, хитрые и умные правители. Нам нужно все сделать, чтобы оболванить наших подданных. Нет телевидения, нет газет, нет ничего. Общество первобытное. Есть различные племена. Я, конечно умный египетский царь, но не подозреваю вообще, что есть народы в Китае, в Америке, а в Америке вообще ничего не знают о Китае. Во-первых, я должен сам себя убедить, чтобы вызвать своих советников и сказать: так-то и так-то. И я скажу им: «Это обман, это заговор». Они скажут это своим женам, детям: «Нам на ушко сказали, что это хитрый заговор». В результате все узнают, что это обман. Я должен убедить своих министров. Я должен разработать богословие. Я должен быть гениален, но даже мое имя забыли, что очень странно, поскольку история обычно знает имена гениев, а тут гений, разработавший богословие, создавший религию, остался неизвестным. Так не бывает. Но, допустим, забыли. Посмотрим, что происходит дальше. Невозможно в древнем обществе создать такую разветвленную сеть убежденных людей, которые будут доказывать, что есть такой бог. Люди ничего не знали о богах. Но приходит некий проповедник и говорит:

-Ты знаешь, есть некий Аполлон, есть Зевс-громовержец, он тебя накажет.

-Какой громовержец?! У меня дела и поважнее есть. Засуха сейчас, поливать надо.

Поэтому невозможно представить, что человечество поверит таким вот обманщикам. Но даже если представить себе (опять третье допущение нужно делать), что собрались опять-таки гениальные проповедники и гениальные слушатели, которые очень быстро в себя все это впитали. Представьте опять – это в большинстве своем безграмотное общество: крестьяне, солдаты и прочие. Однако, несмотря на отсутствие образования, все гениальные, умные, способные ученики – все впитали. Мы представили себе такой эксперимент над Римом. А греки за морем, индейцы за океаном? И там должна быть религия, и там много таких обманщиков. Эпоха Возрождения называет трех великих обманщиков: Моисей, Христос, Магомет. Но должно быть не трое таких обманщиков. Задолго до Моисея религия существовала, и там должны были быть обманщики. Но слишком наивная такая концепция. Она легко воспринимается некритически.

Поэтому возникает другая концепция, которая также появляется в Древнем Риме. Суть этой концепции: религия возникает вследствие

страха: перед природой, перед богами. У известного древнего философа, эпикурейца, вольнодумца, атеиста Тита Лукреция Кара «первых богов создал страх». Как правило, на эту концепцию накладывается предыдущая. Люди боятся, поэтому придумали богов, потом появляются хитрые обманщики, которые используют страх в своих интересах. Так возникают новые религии. Но что значит страх перед природой? Человек боится проявлений природы: грозы, грома, землетрясения, наводнения, вулканов, хищных зверей. Поэтому человек придумывает себе как бы сверхъестественные силы, которые этими природными силами управляют, и думает, что, боясь этих сил, я могу управлять природными стихиями. Конечно, я не настолько всемогущ, чтобы заткнуть вулкан, прекратить землетрясение, но я настолько всемогущ, чтобы познать волю бога Гефеста, который может этот вулкан задуть; познать волю Посейдона, чтобы он прекратил шторм на море. Конечно, в этом есть некоторая доля истины, но такая версия тоже должна заслуживать проверки.

Сейчас живем в современном обществе. Мы не боимся землетрясений, даже если живем в сейсмоопасной зоне. Мы не боимся грома и молнии, потому что мы знаем, что можно сделать громоотвод. А вот говорим, что древние люди боялись. Есть этнографические записки исследователей, которые ходили к современным диким племенам в попытке найти подтверждение каким-либо концепциям. Они беседовали с современными папуасами или неграми в Африке, или индейцами в джунглях Амазонки, которые остались в такой дикой форме развития. Эти этнографы с удивлением обнаруживают, что никакого страха у них нет. Они ничего не боятся. Люди в джунглях у себя дома. Чего им там бояться? Представьте себе, мы дома сидим у телевизора. Чего нам бояться? Конечно, телевизор может взорваться, сосед сверху может залить, снизу могут поджечь. Но мы об этом не думаем. Страх, конечно, должен присутствовать. Страх – это индикатор, если человек живет в своей атмосфере. Но если дикаря перевести сейчас в современный город, ему станет страшно. Огнедышащие чудовища на колесах ездят. Непонятные существа, говорящие в коробках. Страшно! А в том мире он чувствует себя дома. Чего ему бояться? Такая концепция не учитывает всех особенностей бытия человека. Человек, если бы он боялся, иначе бы реагировал. Когда человек придумывает себе богов, то делает это не из страха. Это скорее некоторый философский поиск, доступный как истинный философский поиск только лишь некоторым отдельным людям, но не каждому человеку. А если мы говорим о религиозности людей, то мы говорим о религиозности всех людей. Не нужно об этом забывать.

Здесь я скажу то, от чего я вас предостерегал на прошлой лекции, а именно: здесь я покажу во всех своих лекциях (вчерашних, сегодняшних и последующих) то, что истинно научный подход, истинно разумный подход подводит нас к вере в Пресвятую Троицу, в Иисуса Христа. Все атеистические выводы – это подгонка под ответ. Ни один атеистический вывод не может быть строго разумным. Всегда мы можем увидеть чисто логическую ошибку, подмену понятий, как это мы видели в тех концепциях, с которыми мы с вами знакомились.

И еще несколько слов о страхе как о причине возникновения религии. Как известно, английский ученый-биолог Чарльз Дарвин также разделял эту концепцию. И он, будучи сторонником традиционной теории эволюции, считал, что человеческий страх сродни страху животному, и поскольку именно страх создает богов, то, следовательно, некоторые зачатки религиозного чувства должны быть и у животных. Такая логика вполне правильная, и Дарвин рассуждал вполне логично и разумно, подводя под такие выводы. Но такая логика, можно сказать, сыграла злую шутку с самим основателем эволюционной теории, поскольку очевидно, что религия существует только у человека. Да, Дарвин говорил, что физиологический страх проявляется у животного и у человека одинаково, т.е. появляются некоторые нервные импульсы, начинают дрожать мышцы и другие физиологические реакции имеются. Но физиологические реакции могут быть исходные, а выводы, которые отсюда вытекают, тем не менее, совершенно отличные.

Да, Дарвин, правильно указывает на то, что животное, например собака, совсем иначе относится к своему хозяину, чем к другим людям. Она встречает хозяина, которого давно не видела, не просто радостно, а как бы с обожанием, выделяя его из всего остального мира. Но ни одна собака, ни одно высокоорганизованное существо никогда с таким же обожанием не относится к вымышленному объекту. Ни один собаковед не скажет, что собака уединяется в своей конуре для того, чтобы помолиться некоторому существу, которое она из-за страха перед палкой выдумала себе. Очевидно, что этого не может быть ни у низшего, ни у высшего животного. Но страх действительно существует у всех животных. Поэтому страх страху рознь. Одно дело – чисто физиологическая реакция у животных, а другое дело – оценка этой ситуации человеком. Человек – это существо разумное, и говорить о родстве человека с животными совершенно нельзя.

Еще одна концепция, которую мы должны рассмотреть, является наиболее популярной в XX в. особенно в нашей стране – концепция

марксистская, согласно которой религии так же возникают на некотором этапе. И марксистская концепция превосходит названные мною концепции, в том числе и некоторые другие, тем, что она включает их в себя как необходимые элементы. Марксистская теория научного атеизма утверждает, что и страх действительно является тем элементом, что привел к возникновению религии, и обман, безусловно, также присутствовал, но всего этого недостаточно.

Прежде всего, марксизм упирает на классовые формы возникновения религии. Религии возникают только лишь в обществе тогда, когда возникают классы – класс эксплуатируемых и класс эксплуататоров. До этого религия не имеет истинных классовых корней. Были корни, конечно же, другие: психологические, гносеологические. Но эти корни должны были реализоваться только лишь с появлением классов, именно с появлением эксплуатации человека человеком. У эксплуатируемых возникает ситуация безысходности, и в силу неразвитости общественных отношений, в силу забитости эксплуатируемых они не могут осознать истинных причин своего бедственного состояния. И тогда они обожествляют эти силы, которые над ними довлеют. Народ создает сам себе утешение, как сказал Маркс, опиум. Религия есть опиум народа. Мне очень часто в советское время приходилось говорить с секретарями райкомов. Меня всегда поражало, что так называемые наши правители никогда не знали марксизма-ленинизма. Они, собственно, не были коммунистами. Я даже понимаю, что для них это хорошо, потому что если бы они изучили Маркса и Ленина во всей полноте, то ужаснулись бы. В спецхраны нужно было помещать не произведения Солженицына, Сахарова, Бердяева, Отцов Церкви, а, прежде всего, Маркса и Ленина. Закон самосохранения не позволял учащимся школ и институтов читать работы Ленина серьезно, так как если бы они прочитали их серьезно, то волосы у них встали бы дыбом так, как они встали у меня. Работа Ленина «Задачи союзов молодежи» – безнравственна. «Великий почин» призывает к террору, убийству рабочих, не участвовавших в субботниках, а ведь некоторые до сих пор считают Ленина самым человечным человеком.

Мы немного отвлеклись. Вновь вернемся к классовой теории. Религия есть опиум народа. Не опиум для народа, как любят иногда произносить для благозвучия марксистскую фразу. Народ сам создает для себя опиум, в котором он ищет утешения от своих страданий. У Ленина, в силу его меньшей интеллектуальной глубины, есть похожая на высказывание Маркса фраза. Ленин по-русски назвал религию – сивухой. Религия есть род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свое бесправие и

нищету. Смысл не меняется – самогонка или опиум, у каждого народа свои обычаи. Но главное то, что религии создаются самим народом. Выводы марксистского научного атеизма: для борьбы с религией необходимо в первую очередь создание бесклассового общества. Любое просвещение, любые реформы в классовом обществе никогда не приведут к окончательной победе атеизма. Окончательная победа может быть достигнута только при коммунизме. Когда не будет эксплуатации человека человеком, тогда исчезнут самые главные классовые корни, исчезнут психологические корни, и можно будет достичь благосостояния людей, можно будет достигнуть огромных научно-технических успехов, и тогда исчезнет страх перед природой, поскольку человек будет полностью защищен.

На счет научности классовой теории сейчас вроде бы неудобно говорить. Классовая теория является совершенно ненаучной. Можно долго об этом говорить, но я приведу очевидный и простой пример. Если говорить о научности чего-либо, то логично обратиться к самим представителям науки, которые лучше, наверное, знают, что такое наука. В философии такими людьми, которые опираются на науку, являются позитивисты. Позитивизм – направление в философии, возникшее в начале XIX в., которое считает все философские проблемы псевдопроблемами, и единственным источником научного истинного знания, по их мнению, является наука. И философия должна опираться на науку и черпать свои познания только лишь из науки. Известный позитивист, несколько лет назад скончавшийся, Карл Поппер, представитель постпозитивизма, вывел такой критерий научности теории – критерий фальсификации. Научной является та теория, которая является фальсифицируемой, в смысле опровергаемой, т.е. теория, с которой можно спорить. Это теория, которую можно не ложно опровергнуть, а которую можно опровергать, поскольку она воспринимает аргументы, с ней можно спорить. Критерии истинности имеют давнюю историю. Это уже вопрос истории философии. Этот критерий один из наиболее поздних, наиболее приемлемых критериев. В качестве иллюстрации ненаучных теорий Поппер привел три примера того, какие теории не являются научными, поскольку не являются фальсифицируемыми. Это диалектика Гегеля, психоанализ Фрейда и научный коммунизм Маркса-Ленина.

Не фальсифицируемы, т.е. ненаучны они по простой причине. Диалектика Гегеля основывается на принципе единства и борьбы противоположностей, т.е. А равно не-А. Иначе говоря, ученый высказывает некоторую фразу. Ему возражают: «Нет, это неверно. Верно

вот то-то и то-то». А он отвечает: «Совершенно верно. Мы ведь с вами сходимся в принципе – единство и борьба противоположностей. И это верно, и это верно». Понимаете? Противоположности борются – это бессмысленно, ненаучно. Это только в некоем возбужденном философском уме возникает такая псевдонаучная теория. С ней нельзя спорить.

Психоанализ Фрейда также не является научным, поскольку если начинаешь спорить с психоаналитиком, то, как известно, он на тебя посмотрит ласковым взором, и скажет: «У вас, видимо, было трудное детство, у вас не до конца преодолен Эдипов комплекс, у вас были интимно-мечтательные отношения со своими родителями. Вам надо долго проводить психологический тренинг. Мы вас вылечим, и тогда вы будете думать совсем иначе». Это тоже ненаучный подход.

Ну и, разумеется, научный коммунизм, который люди старшего поколения прекрасно помнят, тоже не является научным.

Это концепции ненаучные. Поэтому так называемый научный атеизм, опирающийся на классовую теорию, является некоторой философской концепцией, философской в плохом смысле, т.е. ненаучной. Я, хотя и философ по образованию, но всегда призываю своих студентов и слушателей очень настороженно относиться к разным философским концепциям. Не все то, что выходит из под пера философов, является истинным. Бывают такие страшные вещи, как я уже сказал о Гегеле, Марксе и Фрейде, что ни о какой истинности и научности здесь говорить вообще не приходится.

Когда я учился в МГУ, я слушал лекции по научному атеизму. Тогда я еще был человеком невоцерковленным и лекции по научному атеизму слушал с большим интересом и с некоторым страхом. Я все ждал, когда же, наконец, меня припрут к стенке и приведут те неопровержимые аргументы, которые доказывают, что Бога нет. И после помню совершенно точно, когда я прослушал последнюю лекцию, то вздохнул сразу спокойно, свободно. Я узнал обо всех атеистических концепциях, понял, что все они высосаны из пальца и гроша ломаного не стоят.

Фрейдовская концепция концепцией не является. Это просто имитация того, до чего можно дойти в своем желании опровергнуть религию. То, о чем я сказал, когда говорил, что все концепции опровергающие религию, – это концепции ненаучные, а скорее попытка подогнать под ответ, заранее будучи уверенным в том, что Бога нет (это тоже форма веры – веры в то, что Бога нет). И те, кто это делал, пытаются найти некоторые аргументы.

Вы знаете, этот путь, концепцию, которую предлагает Фрейд, о

сотворении религии. В своей работе «Тотем и табу» Фрейд приводит историю о том, как в некотором первобытном племени, от которого мы все с вами произошли, возникла религия. По концепции Фрейда, религия возникает на некотором этапе. В племени был очень мощный вождь, у которого было множество детей. Дети его очень любили, почитали, боялись. Но, почитая его и любя, и боясь, они очень завидовали, потому что все самки в этом первобытном человеческом стаде принадлежали ему. И тогда сыновья собираются и убивают своего отца, и съедают его для того, чтобы, съев, приобщиться к его силе. Вкусив его, они почувствовали чувство сытости. Потом, когда чувство сытости прошло, никакой силы у них не появилось, никакие самки к ним не прибежали, и они поняли, что совершили что-то нехорошее. Стало формироваться чувство вины перед своим отцом. В последующем это чувство вины стало приобретать характер религиозный. Они стали обожествлять своего отца, наделять его все большими чертами всемогущества, всеведения. Им казалось, что отец везде за ними смотрит, все видит. И они стали создавать культ, чтобы задобрить дух отца. Стали создавать моральные законы. Сначала возникает заповедь: не убий. Потом поняли, что нельзя вступать в половую связь с самками своего племени. Потом на определенном этапе они понимают, что в съедении своего отца хоть и есть что-то плохое, но это какая-то форма общения со своим богом. Создается христианство как форма убивания своего отца, культивируется, возникает причащение ну и т.д. Форма того, что мы назвали неврозом человечества, – миф, который создается в XX в. и выдается за научную теорию. Но согласитесь, что только лишь в таком нелогическом уме такая теория может быть выдана за научную. Никаких тебе археологических доказательств, ничего. Элементарный миф на уровне Древней Греции, который выдается за истинное учение. Психиатрия сейчас в моде, считается научной ветвью психологии.

Еще есть не только атеистические концепции, есть и концепции религиозные. Есть концепция евгемеризма – предположение, что люди обожествляют царей, неких великих людей. Конечно же, в истории всегда находятся такие люди, которые перерастают своих соотечественников умом, своими способностями управлять. Таких царей недостает, люди начинают сожалеть, что раньше правители были достойные, теперь время не то. Впоследствии люди начинают наделять царей все более возвышенными чертами. И со временем, когда в памяти потомков истинные черты забывались, то люди говорили, что были боги, т.е. те древнегреческие боги – Зевс, Артемида, Аполлон, Афина и прочие. На

самом деле это были реальные люди, впоследствии их стали наделять божественными чертами. Но о том, что наделение божественными чертами возможно только лишь тогда, когда у людей есть представление о Боге, о том сторонники евгемеризма не задумываются. Невозможно наделить человека даже самого умного, самого наиталантливейшего чертами Бога, не зная о том, существует ли Бог. Не имея в своем уме понятия о Боге, это невозможно. Для того чтобы что-то обожествлять, надо уже иметь в своей душе знание о Боге, т. е. евгемеризм, как концепция, попадает в замкнутый круг: для того, чтобы создать богов путем обожествления некоторых идеальных людей, нужно уже у себя иметь знание о Боге, т.е. боги создаются только лишь тогда, когда боги уже созданы. Понятно, что такой замкнутый круг не может называться научной теорией.

Среди концепций появления религии на определенных этапах развития человечества есть и религиозные концепции, не только атеистические. К таким религиозным концепциям относятся некоторые концепции, распространенные среди протестантских деноминаций, согласно которым религия появляется в результате откровения. Жили люди, не знали ничего о Боге, не имели никакой религии. Затем на определенном этапе Бог выбирает себе некоего человека более нравственного, чем другие, скажем, Моисея. Бог призывает его к себе, затем дает ему откровение о Себе со скрижалями, на которых выбиты заповеди. И с тех пор общество живет, опять руководствуясь только этими знаниями; живет до тех пор, пока вновь не дается следующее откровение, заключенное в Новом Завете. Бог становится человеком, опять учит людей, дает им новые заповеди и вновь покидает их. Люди опять живут, не имея никаких контактов с Богом, никакой Церкви, никакого общения человека с Богом, никакого встречного движения человека к Богу. Конечно, такой теории быть не может.

Религия, как мы с вами знаем из вчерашней лекции, есть связь человека и Бога, а не просто разовые откровения. Из таких разовых откровений возникает теория невидимой церкви. Скажем, в протестантизме объясняется, почему возникают с их точки зрения различные заблуждения, которые существуют в православных и католических церквях: потому что после Христа церковь стала невидимой. Она существует на небе, но на земле ее нет. Она стала видимой опять только лишь после Лютера и Кальвина. Тогда опять этим мужам было дано некое откровение. Но такая концепция напоминает нечто от мусульманства, где есть Аллах и Магомет, пророк его: нет бога кроме

Аллаха и Магомет пророк его. Т.е. Бог общается через некоторых пророков, а остальные люди – это как стадо неразумное. Они себе это позволить не могут. Христианство основывается на том, что каждый человек отвечает перед Богом сам, а не через неких пророков и святых, ибо каждый человек несет в себе образ Божий и каждый человек обязан стремиться к Богу самостоятельно.

Такая концепция, хоть и имеет в себе черты видимости христианской, истинно христианской названа быть не может, даже истинно религиозной, потому что здесь нет вообще понятия о религиозной жизни, понятия о нравственном совершенствовании, о стремлении человека к Богу и т.д.

Я говорил о различных видах классификации теории возникновения религии. Здесь кроме учения о том, что религии возникают на определенном этапе, есть теории, которые утверждают, что религия существовала всегда. Но, тем не менее, она не является истинным учением.

Теория второго рода относится к концепциям немецкого философа-материалиста Людвиг Фейербаха, согласно которому религия возникает вследствие неправильного самопознания человека. Как говорил Людвиг Фейербах: правда о человеке есть антропология.

Человеческий разум, человеческая природа вообще очень сложна и обращает внимание на свою душу. Под душой, конечно же, Фейербах понимает не нематериальную бессмертную субстанцию, а некую форму организации высшей материи. Я сказал, что Фейербах был материалистом. Человек обращает внимание на то, что он имеет бесконечный разум. Это значит, что он имеет объективные законы, а поскольку они объективны, то они кажутся человеку независимыми от него. Человек путает понятие объективности как независимости от него, существование его разума с тем, что существует независимо и вне его. Человек объективирует свой собственный разум, утверждает, что его разум существует вне его, т.е. ставит свою собственную сущность вне себя и утверждает, что этот разум является Богом, хотя на самом деле это есть не что иное, как просто свойство его собственной природы. Далее кроме разума есть еще и воля. Есть еще эмоциональная область, чувства, которые выражаются в чувстве любви, ненависти, дружбы. Он понимает, что это все существует в одной единой душе и опять же все это объективирует. Утверждает, что Бог не просто един, а Он един в трех лицах, т.е. Бог соединяет в себе и разум, и волю, и чувства, объективируя которые, человек называет их соответственно именами – Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой.

В своей работе «Сущность христианства» Фейербах подробно

выводит практически все доводы христианства из свойств человеческой природы.

Фейербах показал, что он действительно прослушал христианство, и его ученикам Марксу и Энгельсу действительно все это очень понравилось. Они сказали: «Фейербах раскрыл психологические корни религии, но, к сожалению, ему не удалось раскрыть классовых корней».

Когда я читал «Сущность христианства», я видел, что Фейербах действительно талантливый философ. Неслучайно он получил образование на теологическом факультете Гейдельбергского университета. Но впоследствии такое образование он использовал совершенно не по назначению. Когда читаешь работу «Сущность христианства» Фейербаха, понимаешь, что читаешь совершенно правильную богословскую работу, но в этой работе все перевернуто с ног на голову. Вместо того чтобы сказать, что поскольку Бог один, а человек есть образ и подобие Божие, то разум у всех людей одинаков; что поскольку Бог един в трех лицах, то человеческая природа троична; что поскольку Бог есть любовь, то человек как образ и подобие Божие имеет в себе нравственное чувство Фейербах переворачивает все эти очевидные для любого христианина положения и утверждает, выдает их следствия за причины. Но если богословская точка зрения действительно имеет глубокие корни, то концепция Фейербаха, с одной стороны, принижает человечество, считает всех людей сумасшедшими. Что такое сумасшедший человек? Это человек, который выдает свои фантазии за реально существующие вещи. Человечество, которое выдает все то, что существует в его уме за реально существующего Бога, – это сумасшедшее человечество. Так относиться к людям как к сумасшедшим, ну, по меньшей мере, безнравственно. Точнее говоря, нельзя относиться ко всем людям как к сообществу дураков. С другой стороны, концепция Фейербаха слишком возвышает всех людей. Ибо если предположить, что все люди столь гениальны, для того чтобы уметь проводить в себе самопознание и обнаруживать в себе все свои способности, и таким образом создавать Бога, то это опять же достаточно наивно. Ибо далеко не все люди являются философами научными, познавая свою собственную природу и таким образом объективируя свою собственную сущность.

Эта концепция Фейербаха противоречива. С одной стороны – наивна, с другой стороны – бесчеловечна. Но в любом случае она ненаучна и не отвечает на вопрос об истинном происхождении религии.

На вопрос об истинном происхождении религии отвечает, прежде всего, христианство, начиная с Ветхого Завета. Религия, согласно Ветхому

Завету, возникает тогда, когда был сотворен человек. Как известно, человек был сотворен в райском саду, в Эдеме. И в первоначальном своем бытии Адам и Ева имели возможность общения с Богом непосредственно до тех пор, пока наши прародители не ослушались Бога, не съели плод с древа познания добра и зла и не были изгнаны из рая. Вот после того как Адам и Ева были изгнаны из рая, то непосредственное богообщение, непосредственная связь человека с Богом прервалась.

Прародители живут воспоминаниями. Вначале эти воспоминания живые. Непосредственно прародители помнят о тех днях, когда они могли непосредственно общаться с Богом. Это общение прекратилось. Но они знают, что Бог есть, и эта непосредственная память у них жива. Эту же память они передают своим детям. Но дети, которые не имеют опыта истинного богообщения, уже воспринимают эти слова по-разному. Одни, как Авель, верят своим родителям и живут благочестивой жизнью, вознося хвалу Богу. А другие, как Каин, также верят, что Бог существует, но, в своей гордыне надеются на то, что может Бог не такой не такой уж всемогущий, как рассказывают мама с папой. Подобные Каину делают дела непотребные – как убийство собственного брата, а потом за это убийство наказываются. Оказывается, что Бог, действительно, всеведущ и всемогущ, может настичь убийцу везде.

Но в дальнейшем, с увеличением людей на Земле, это воспоминание о Боге все более и более стирается из памяти людей. В конце концов, остается только лишь смутное понятие о Боге. Смутное знание о том, что Бог есть. А что Он из себя представляет? Каков Он? Как с Ним общаться? Как Его познавать? Этого знания у людей уже нет, и остается одно знание, что Бог есть.

Каждая философия имеет понятие о Боге. И человек в своем постоянном поиске Бога начинает искать: где же можно найти Бога? Будучи теоретически необразованным, не имея таких научных и философских органов познания, человек наивно, первобытно подходит и к этому вопросу познания Бога.

Вначале человек начинает обожествлять явления природы. Действительно, многие из них превосходят человека своей мощью. Скажем, он думает, что Бог – это солнце, которое может дать жизнь, а может дать ему смерть, как в засуху. Человеку кажется, что Бог – это молния, которая мгновенно уничтожает то, что этому Богу неугодно. Ему кажется, что Бог – это море бесконечное, бескрайнее и т.д.

Но для того, чтобы что-то обожествить, как совершенно правильно говорил профессор МДА Михаил Юрьевич Кудрявцев-Платонов, нужно

всегда иметь понятие о Боге. Никакая материалистическая теория познания, на каком бы принципе абстрагирования она не обосновывалась, не позволяет прийти до того, что из небытия, из ничего, если Бога нет, вдруг возникает понятие об этом существе. Для того чтобы обожествить явления природы, для того чтобы населить мир божественными духами, у человека должно уже быть понятие о Боге, иначе он попадает в замкнутый круг, о котором я говорил, рассказывая о теории евгемеризма. Дальше, как говорится, больше. Люди начинают задавать себе все больше и больше вопросов. Они видят богов за животными, за растениями. Возникают различные виды первобытных религий. Возникает тотемизм – поклонение тотему. У каждого племени есть свой тотем – животное или растение. Возникает анимизм – обожествление духов. Это форма познания, следующая по очереди. Человек понимает, что у него у самого кроме тела есть некая душа, и тело приводится в движение посредством этой души. А значит и в природе, которая также должна осуществить движение: ветер дует, молния сверкает, море волнуется – все это тоже должно приводиться в движение некими духами. Возникает анимизм, т.е. концепция, согласно которой мир населен духами. Но все это, опять же повторяю, предполагает неосознанное, смутное, неправильное, искаженное познание Бога.

И, обращаю ваше внимание. Какие бы древние книги вы ни читали, высококультурных народов типа древнегреческого или самых забытых африканских племен – всегда у этих народов существует представление о некотором именуемом, всепроникающем Боге. Не только о Зевсе или Гефесте, Посейдоне, Афродите, а о некоем Боге, как говорили древние греки, – о некоем Хроносе, о некоей судьбе, которой подчиняются все боги. Даже Зевс не всемогущ, как говорили древние греки. Всем управляет Хронос – Бог времени, т.е. представление о некоем едином истинном Боге, пусть искаженное, пусть в неправильном виде все равно сохраняется в любом народе.

Оказывается, что концепция, которая получила название прамонотеизма. Монотеизм – учение о едином Боге. Прамонотеизм – учение о том, что до всякого политеизма существовал первобытный монотеизм. Политеизм возникает как искаженное знание об истинном Боге. Потом в любой политеистической религии всегда существуют следы прамонотеизма. И этнографические, и этимологические исследования всегда отчетливо показывают истинность именно этой христианской концепции.

В Ветхом Завете в книге Иисуса Навина говорится о том, что люди стали создавать себе богов. И только лишь один человек – Авраам имел в

себе истинную память об истинном Боге. И именно поэтому Авраама и призвал к Себе Господь. И сказал ему: «Иди в другую землю. Там от тебя произойдет великий народ, которого будет больше, чем песчинок на дне океана».

Естественнонаучная апологетика

Библия и наука

Если я утверждаю, что противоречия между христианством и наукой не существует, то это мое высказывание должно иметь два одинаковых утверждения. С одной стороны, это утверждение должно привести к тому, что христианство, т.е., прежде всего, Библия не утверждает ничего, что не совпадало бы с современным научным знанием. А с другой стороны, современная наука не должна утверждать ничего, что противоречило бы Библии. Такие два утверждения мы с вами и рассмотрим. И первоначально, я думаю, следует обратиться лучше всего к первому подходу, т.е. к анализу Библии, к тому, как она относится к науке. Можем ли мы, читая Библию, вывести из нее то, о чем говорится в современных научных теориях? Не нужно видеть науку только лишь в физике, наука – это и математика, и биология, и астрономия, и история. Мы с вами будем говорить об отношении к различным наукам со стороны Библии.

Итак, вначале мы поговорим о библейской картине мира, о библейской научной теории и посмотрим: насколько можно с ней разговаривать, как к ней относиться, может ли она считаться научной? Или, действительно, как утверждают современные атеисты: «Наивные держатся прошлого, с которым нужно расставаться, смеясь», повторяя слова классика марксизма-ленинизма.

Высказываний, которые можно было бы отнести к научному исследованию, в Библии не так уж и много. Практически все они сосредоточены на одной странице, на самой первой странице Библии – в книге Бытия, которая получила название Шестоднев, т.е. которая повествует о сотворении мира, о шести днях творения.

Прежде чем поговорить подробно об этом, несколько таких соображений: об истории написания Ветхого Завета и как относиться к его достоверности или недостоверности, мы поговорим позднее. Но сейчас просто я напоминаю вам, что время жизни Моисея – автора Ветхого Завета, это примерно за тысячу лет до Рождества Христова, т.е. где-то современник Гесиода, Гомера. Поэтому то, что мы сейчас будем говорить, рассказано за три тысячи лет до нас.

Можно взять концепции вавилонские, египетские, древнеиндийские или древнегреческие, и ни одна из этих концепций не может даже сравниться с ветхозаветной. Ну, как серьезно можно говорить о возникновении мира из яйца или праяйца? Как можно серьезно говорить о том, что некий бог разделился на части? Поэтому мы и называем такие

концепции мифологическими. В лучшем случае мы можем их исследовать с точки зрения сознания народов той эпохи, но ни один серьезный и даже несерьезный ученый не будет рассматривать древневавилонские, древнеиндийские, китайские, египетские тексты как предмет для научного спора.

Но библейский текст является до сих пор предметом научного спора. А мы помним из прошлой лекции, что принцип фальсификации является принципом научным. Поэтому если с ветхозаветным текстом спорят ученые, то тем самым его предполагают родственным себе, т.е. научным. Это первое соображение.

Второе соображение. Возьмем Древнюю Грецию. Не более отсталые в развитии страны как Египет, Вавилон или Шумер, а Древняя Греция позднего периода, образованные, гениальные для своего времени философы – Эмпедокл, Анаксагор, Демокрит. Что они говорили о возникновении мира, о возникновении жизни? Если мы сейчас читаем Демокрита, то видим его учение об атомах, его учение о существовании небытия, которое он называет вакуум. Мы говорим, что в этом много истинного, это предвосхищение идей современной физики. Когда мы посмотрим на его концепцию о возникновении жизни, то она опять же ничего, кроме улыбки, у нас не вызывает. Демокрит пишет, что на земле в какое-то время стали образовываться пузыри, а потом из этих пузырей стали выходить в готовом виде животные и, конечно же, человек. Ничего научного в такой концепции нет. Или рассмотрим концепцию Эмпедокла (V век до Р.Х.), который говорил, что вначале были созданы отдельные члены, отдельные органы различных тел. Эти органы стали соединяться друг с другом. Таким образом появлялись сторукие, тысяченогие, безголовые животные, которые, естественно, не могли жить. Они умирали. Выживали только лишь те животные, те живые существа, которые имели соответствующее количество органов, что позволяло им питаться, размножаться, передвигаться и т.д. В этом некоторые видят такое гениальное предвосхищение теории эволюции, теории образования видов на основе естественного отбора. Но это можно увидеть только лишь при большом желании. Ничего научного здесь нет. И научной критикой теории Эмпедокла никто не занимается. Не забудем, что речь идет о гениях, о действительных светилах древнегреческой науки.

Кто такой был Моисей, автор Пятикнижия Моисеева, в том числе и книги Бытия – Шестоднева? Моисей был, как известно, пастух. Хоть он и был воспитан при дворе фараона в Древнем Египте и получил там некоторое образование, известное жрецам, но, тем не менее, он был

пастухом. Тем более, он жил за 500 лет до Эмпедокла, т.е. ни о каких особых научных знаниях говорить не приходится. И, тем не менее, о том, что было написано Моисеем за 1000 лет до Р.Х., до сих пор идут разговоры. Хотя бы это уже заставляет нас задуматься, что обычными человеческими силами этого добиться невозможно. Естественно, что такой текст, который является современным до сих пор, современным с научной точки зрения, может быть результатом только лишь Божественного Откровения.

Немного отвлекусь. Сейчас, к сожалению, богословом можно быть, не принадлежа к Церкви, сейчас может заниматься богопознанием человек, что называется, с улицы. Хотя интересно представить себе физика, который не верит в существование законов природы, или представить себе врача, который не верит, что больного можно вылечить. Зато может быть богослов, который не верит в бытие Бога. Это нормально! Хотя в других дисциплинах это понятие сумасшествия. А здесь, наоборот. Это ненормально. Научный исследователь должен на самом первом этапе соглашаться с фактом существования того, что он исследует. В противном случае этот человек является психиатром. Он не верит, что тот предмет, который видит его больной, на самом деле реально существует. Ему кажется, что это болезнь, ее нужно вылечить. Поэтому богослов, который не верит в бытие Бога, это скорее такой психоаналитик, для которого религия есть невроз.

Но сейчас в наше время научного исследования, еще раз повторяю по основному критерию науки: если я не верую в существование объекта моего исследования, такого исследования быть не может. Это первое соображение со стороны научности. И второе соображение – элементарное. Опять же прошу прощения, все время приходится отвлекаться в область истории философии. Великий французский философ и ученый, математик и физик, пожалуй, самый гениальный за все века существования ученый Блез Паскаль как-то высказал совершенно правильную мысль: человек – это удивительное существо. Он посвящает всю свою жизнь решению ничего не значащих проблем, тратит на них все свои силы, все свои знания, все свои деньги, все свое время. А самой главной проблеме, которая реально существует (ведь то, что человек умрет – это факт известный, это факт не абстрактный), проблеме – что будет после смерти, действительно ли душа умирает вместе с телом, или может быть, она бессмертна? – человек не уделяет достаточно внимания. Этот вопрос каждый человек решает походя. Этот вопрос имеет для него гораздо меньшее значение, чем какая угодно проблема.

Паскаль совершенно правильно пишет, что такая поврежденность человеческого ума не может быть естественным свойством человека. Понятно, что это результат грехопадения. Потому что в нормальном уме человек всегда естественно выбирает – на первое место ставит главную проблему, потом – менее главную, потом еще менее главную и т.д. Но действительно главная проблема – проблема бытия после смерти – ставится человеком на самое последнее место. На первое место ставятся проблемы, без которых вполне можно обойтись, в том числе и проблема научного познания, которую, как говорил Паскаль, дают познать, поскольку ее знают гораздо лучше, чем мы. Вот это меня больше всего, как и Паскаля, всегда поражает.

Человек всегда бывает легкомысленно относящимся к себе: не к преподавателю, не к своим друзьям, а именно к себе. Он не задумывается о самом себе. Он самого себя не любит. Ему наплевать на самого себя, что будет с ним после смерти. Хотя бы почитай пару книжек для того, чтобы действительно убедиться в том, что твоя душа после смерти умрет. Так даже и этого не делается. Принимаются на веру слова первого встречного, как будто это сто первая проверка.

Итак, остановился я на том, что результат того, о чем говорил Моисей в своей картине происхождения мира, явно является результатом откровения. Человек той культуры, того уровня научных знаний не мог сказать ничего, что было бы интересно современному человеку – человеку после создания теории относительности, квантовой механики, теории эволюции и прочего...

Как вы помните, я не буду зачитывать, вы это помните, создание мира описывается как шесть дней. Каждый из этих дней повествует об определенном периоде, определенном этапе сотворения мира.

Что значит шесть дней? На это есть различные точки зрения. Вы, наверное, уже заметили, мою такую методологическую особенность. Это особенность не моя. Это особенность, которую я привнес с собой из физики. Есть в современном естествознании метод экспериментальный. Там, где можно проводить эксперимент, эксперимент проводить нужно. Там, где эксперимент проводить нельзя, нужно проводить эксперимент мысленный – то, что я вам предлагал на прошлых занятиях. Вот здесь мы тоже не можем провести эксперимент с сотворением мира и с получением откровения Моисеева. Естественно, мы должны провести эксперимент мысленный. Сказано, как были записаны эти пять книг Моисеевы?

Ну, понятно, что четыре книги – это история собственно Моисея, которую он записывал. Жизнь – это исход и т.д., то, что было

впоследствии. А то, что было до Моисея, как он получил? Об этом тоже сказано: Моисей был взят на гору Синай, и там, в облаке, им было получено откровение. Моисей – это особый человек. Каждый из нас может попытаться встать не на место его святости, а просто на его место как человека. И мы можем представить себе, что перед ним, по всей видимости, развертывалась какая-то картина или, может быть, ему диктовалось то, что он мог записать на языке, понятном ему, именно понятном ему. Нельзя слишком многого требовать от Моисея. Мы не должны говорить, что если мы не видим здесь уравнения теории относительности, то это значит, что об этом нельзя разговаривать. Моисей бы ничего не понял из такого откровения. Поэтому Бог открывался ему именно на понятном ему языке. Он записал так, как он мог это понять. Или можно представить, что Моисею открывалась некоторая картина. Он ее видел со стороны – откровение сотворения мира. Ну, как бы в кино. Он это видит и записывает по памяти то, что он видел.

Сопоставив эти две концепции, именно так можно понимать шесть дней творения. Шесть дней на горе Синай перед Моисеем развертывались эти картины. В первый день – сотворение неба и земли. Во второй день – отделение неба от земли и т.д. Эта концепция не самая распространенная, но она тоже существует. Шесть дней творения – это шесть дней откровения Моисею.

Наиболее распространенная концепция, согласно которой шесть дней – это шесть этапов. Ибо сказано в книге Бытия, в книге Иисуса Навина, в псалмах, что для Бога один день, что тысяча лет. Тем более что слово «день», которое мы переводим на русский язык как некоторые сутки, на древнееврейском понимается как (по-гречески «эон») некоторая вечность, некоторый огромный промежуток времени, т.е. шесть дней принято понимать как шесть огромных периодов времени. Такая точка зрения является наиболее распространенной.

Хотя есть и такая более радикальная, фундаменталистская точка зрения, распространенная среди протестантов, но встречающаяся и среди православных. Скажем, сейчас есть книга священника Тимофея «Православное мировоззрение и современное естествознание». Он является сторонником того, что шесть дней – это именно шесть дней. Для Бога нет ничего невозможного. Мир был сотворен именно в шесть дней. Хотя, помнится, еще Вольтер иронизировал: как это можно говорить о шести днях, когда солнце и луна появляются только лишь на третий день? Сказано, что сотворил Бог два светила: светило большее – для управления днем и светило меньшее – для управления ночью. В четвертый день они

появились: как же можно говорить о днях до того, как появились эти дни? Ну, Вольтер Вольтером. Мы этот вопрос также попытаемся рассмотреть. По крайней мере, существуют разные точки зрения. Наиболее распространенной является та, что день – это огромный промежуток времени.

Итак, в первый день, как сказано, сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И отделил Бог свет от тьмы.

Прежде чем прокомментировать эти слова, приведем несколько общих соображений: о сотворении мира Богом и вообще об отношении Бога и мира. В религиозной философии и в различных религиозных концепциях существует различное представление об отношении Бога к миру и о сотворении мира Богом. Наиболее правильной концепцией является та, что Бог творит мир из небытия. И мир существует с одной стороны – независимо от Бога, с другой стороны – зависимо от Бога, и без Бога мир существовать тут же перестанет, но в то же время он не существует как часть Бога. Он существует независимо. Вы дальше будете изучать в богословии Вселенские соборы, узнаете о так называемом Халкидонском соборе, который установил принцип соединения естеств в Господе нашем Иисусе Христе, и узнаете, что Божественная и человеческая природа в Нем соединялись неслитно и нераздельно. Вот такая противоречивая форма. С одной стороны, Иисус Христос как человек и Иисус Христос как Бог, как ипостась Пресвятой Троицы – это не одно и то же, а с другой стороны – это одно и то же. Это не поддается рамкам формальной логики, но, тем не менее, когда мы вторгаемся своим наглым, дерзким умом в познание Божественного, то та граница, которая нам указывает на наше место – на шесток, на котором нужно остановиться – это проявление противоречий.

Принцип отношения мира и Бога подобен халкидонскому. Мир существует отдельно от Бога и вместе с Богом: произвольно он тут же перестал бы существовать, но если бы он являлся частью Бога, он не развивался бы, в нем не было бы движения, не было бы несовершенства и других свойств, которые не свойственны Божественной природе. Это концепция теизма.

Есть и другие концепции не являющиеся истинно христианскими, но продолжающие считать себя таковыми. Есть концепция, которая называется деизм (от слова «деоз» – Бог). Деизм обозначает, что мир был сотворен Богом, но существует независимо от Него. Мир был сотворен,

Бог дал миру законы, как бы первый толчок, и дальше мир развивается по законам независимо от Бога. Бог сам по себе, мир сам по себе. Эта концепция возникает и становится наиболее распространенной в XVII веке, когда с ростом протестантизма и с ростом научных теорий, некоторые ученые хотели соединить христианство и науку, т.е. в мире есть некоторые законы, сотворенные Богом, но эти законы позволяют миру существовать самому по себе. Есть концепции, которые называются пантеизмом (от слов «пан» – все, «теос» – Бог). Это название можно перевести «все есть Бог», т.е. мир и Бог это одно и то же. Эта концепция появляется позже. Ее наиболее ярким представителем является Спиноза. Мир и Бог это одно и то же. И отсюда известная опасность: поскольку мир и Бог это одно и то же, то всегда возникает желание одну из частей этого тождества вычеркнуть. Если Бог и мир это одно и то же, то можно убрать Бога, останется мир. Зачем нам нужен Бог? Можно оставить одну часть тождества. Из пантеизма опытно можно легко вывести материализм. Такой вывод делали Фейербах, Маркс и Энгельс, считавшие Спинозу своим предшественником. А с другой стороны, отсюда легко сделать другой вывод: поскольку мир и Бог это одно и то же, то мир представляется некоторой видимостью. Можно мир вычеркнуть, оставить Бога. Реально существует лишь Дух, а мир только лишь кажется нам. К этой концепции мы можем отнести Беркли, некоторые современные мистические концепции также можно отнести к пантеистическим взглядам. Понятно, что эта концепция не является правильной, потому что мир оказывается вечным. Мир не сотворен. Даже если мы и будем разделять чисто теоретически мир и Бога, то мир оказывается вечным. Мир совечен Богу. Мир в данном случае не сотворен Богом, не зависит от Него, а имеет в себе Божественную природу. А это уже является чисто формальным противоречием. Согласно чистой формальной логике, независимым самодостаточным существом является только лишь Бог. Мир, если он существует самостоятельно, тоже является Богом. Существование двух богов противоречиво. Эта логика была замечена еще греческим философом Ксенофонтом. Потому как ясно видно, что эта концепция взаимопротиворечива.

И поэтому в христианстве утверждается зависимость мира от Бога не по природе Бога, хотя высказывалась и точка зрения, что Бог творит всегда. Что Бог творит по своей природе, поэтому не может не творить. Отсюда мир существует тоже всегда. Ибо, если было бы время, когда не было бы мира, то тогда Бог не был бы Творцом, а это невозможно, поскольку Бог творит по своей природе. Значит, мир творится Богом

всегда. Мир совечен Богу. Это концепция, которая была высказана Оригеном. Она была осуждена на V Вселенском соборе, ибо опять же здесь оказывается для Бога некоторое ограничение – Бог не может не творить. Это опять же нелогично по отношению к Богу, по отношению к Его всемогуществу.

Поэтому в христианстве утверждается сотворение мира по Его воле. Мир вытекает не из сущности Бога, а из Его благодати. Мир сотворен по Его любви, по Его воле. Хотя, помнится, еще в первые века противники христианства задавали вопрос: «А что же делал Бог тогда, когда мира не было?» Вот такими словами начинается знаменитая глава «Исповеди» блаженного Августина. Я вам всем рекомендую прочитать Августина и его «Исповедь», хотя бы с той точки зрения, что это классика мировой литературы. Такого рода книг, написанных в жанре исповеди, история мировой литературы насчитывает только три: Августин, Руссо и Л.Н. Толстой. Конечно же, книга Августина возвышается и над книгой Руссо, и над книгой Толстого на несколько порядков. Это уникальная книга по своей религиозной глубине, по философской глубине, по своему литературному достоинству. Со всех сторон это замечательнейшая книга. Я рекомендую вам эту книгу прочитать.

Эта замечательная книга включает в себя рассуждение о времени, которое Августин начинает с вопроса, который задают ироничные противники христианства: «А что же делал Бог до того, как Он сотворил мир?» Августин пишет: «Я не буду отвечать так, как отвечают некоторые: Бог выдумывал наказания для тех, кто будет задавать подобные вопросы. Я отвечу не такой шуткой, а отвечу по существу».

Кстати, об уровне современных критиков. Приведу такой пример. В интернете есть различные сайты, где происходят споры на религиозные темы. Я недавно просматривал один из них. Один из атеистов, как казалось ему, положил на лопатки своего православного оппонента. Он говорит: «Что вы пишете, если ваш отец Церкви написал сам, что «Бог (далее он якобы ссылается на блаженного Августина) до сотворения мира придумывал наказания для тех, кто будет задавать подобные вопросы». Понимаете: человек даже не удосужился прочитать Августина, нормально процитировать, забыл частицу «не». О каком уровне критики тут можно говорить?

После этих общих соображений переходим к анализу того, что было сказано Моисею в этой книге, в этом Шестодневе. Во-первых, обращаю ваше внимание на порядок этих шести книг. В первый день творится небо и земля, и свет. Во второй день твердь посреди воды, которая отделяет

воду от воды и является суша. Затем в третий день производится зелень, трава, сеющая семя, дерево плодovitое и т.д. В четвертый день производятся светила на тверди небесной для отделения дня от ночи и для знамений, и для управления ночью и днем. В пятый день творятся живые существа. И в шестой день творится человек. Вот какой порядок мы наблюдаем задолго до космогонических теорий Лапласа, до теории эволюции Дарвина. Обращаю ваше внимание: в самом общем смысле Моисей высказал порядок, совершенно разделяемый современной наукой. Ни один из ученых никогда не говорил в то время именно так – в начале материальный мир, потом растения, потом животные, потом человек. Мы с вами можем предположить, что Моисей, видимо, был супергениальным ученым на уровне Лапласа, Эйнштейна и Дарвина одновременно, что, простите, просто невозможно за 2000 лет до нас.

Что касается первого дня, в который творится небо и земля, то здесь есть общехристианское понимание этого. Небо – это мир духовный, мир ангельский, мир духовных сущностей. Земля – это мир материальный. И далее говорится везде о мире земном: отделение земли от воды и т.д. О мире ангельском не говорится, говорится только лишь о мире материальном. Земля же была безвидна и пуста. И тьма над бездною. И Дух Божий носился над водой. Как понимать эти слова? Меня всегда удивляло то, что современные материалистические ученые не замечают в своих теориях вопиющего противоречия: говорят о возникновении Вселенной, о возрасте Земли, о времени появления жизни и одновременно говорят о вечности мира. Как сопоставить, извините, эти два положения? Если мы говорим о вечности мира, то на основании чего мы говорим о времени Земли, о возрасте Вселенной, о времени появления жизни? Ведь мир вечен, и жизнь должна быть вечной. Хорошо! На это утверждают, что Вселенная вечна, но звезды в ней и солнечные системы различные, и планеты возникают и исчезают. Но отнюдь не выделявшийся религиозными умозрениями академик Шкловский в связи с этой теорией заметил, что если предположить так, то тогда жизнь должна появляться не только на Земле. Жизнь должна возникать и на других планетах, где есть условия для появления жизни. А поскольку Вселенная вечна, то на таких планетах жизнь должна была существовать уже достаточно давно. И цивилизация, на одной из них, должна была развиться до такой степени, что она значительно превосходит цивилизацию земную, т.е. они уже открыли все те законы, о которых мы даже еще не слышали. Нашли способ передачи информации на другие солнечные системы, галактики. Нашли способ передвижения среди галактик. Все это нашли. Поэтому мы должны

были о них уже узнать, как только начали исследовать космос. Но какие бы ни были мощные телескопы, сколько бы не исследовали космос, никаких сигналов братьев по разуму нами получено не было. Вследствие этого академик Шкловский делает вывод из всего этого (он отнюдь не религиозный человек, просто здравомыслящий ученый): человечество существует только лишь на земле. Он не делает вывода, что мир сотворен и прочее. Просто он чисто логически отметил, что других человечеств в космосе нет. Если бы они были, то при наличии вечной, бесконечной Вселенной обязательно должны были о себе дать знать. Значит, человечество существует только лишь здесь на Земле, больше нигде.

Итак, возвращаемся к толкованию первого дня творения. И сказал Бог: «Да будет свет!» Знаменитая фраза, самая знаменитая. Как ее только не пародируют! Почему свет? Как говорит современная наука о возникновении мира? Еще одно отступление – возникновение мира. Сейчас наиболее распространенной является концепция «Большого взрыва», и тем самым современной наукой признается возникновение мира из «ложного вакуума». Концепция «Большого взрыва» признается потому, что она получила экспериментальное подтверждение. Этим подтверждением являются два знаменитых открытия – красное смещение и реликтовое излучение, т.е. тот самый фон, который остался от того самого огромного по энергии «Большого взрыва», который до сих пор как бы гуляет по нашей Вселенной. Это все экспериментально обнаружено. Есть другие способы объяснения этого, но, тем не менее, большинство ученых-физиков мира признаются в существовании именно «Большого взрыва».

«Большой взрыв» был результатом взрыва некоего «ложного вакуума» (фактически небытия), в котором возникает огромная энергия, затрачиваемая на расширение образовавшейся Вселенной. Таким образом, наука не противоречит фундаментальному тезису Библии о сотворении мира из небытия. Квантово-механическое подтверждение того, что возможно возникновение мира из небытия путем разделения небытия на два вида миров – на вещество и антивещество, было получено академиком Гинзбургом, опять же человеком нерелигиозным. Я это подчеркиваю, чтобы вы не говорили, что они подтасовывают некоторые факты. А до этого гипотеза о возникновении такого диполярного мира: миров и антимиров, т.е. $0^{++}1^{-+}$, была впервые высказана академиком Нааном и затем была теоретически обоснована академиком Гинзбургом.

Не то что необходим, а возможен такой ход событий, который описан в книге Бытия. А как же научно это не противоречит? Еще раз

подтверждаю, ни одна, кроме моисеевой, космогония никогда не утверждала возникновение мира из ничего. Все космогонии всегда утверждали возникновение мира из чего-то. Этот принцип является разумным. Если бы человек начал что-то придумывать, он никогда в страшном сне не пришел бы к выводу о том, что из «ничего» возникает «что-то». Поэтому такая «сумасшедшая» теория может появиться только в результате откровения.

Что согласно физической теории, происходит на первом этапе? Есть различные книги, которые повествуют о механизме этих первых мгновений: «Первые три минуты», «Суперсила» и другие книги, которые с физической точки зрения повествуют об этом «Большом взрыве». Естественно, вначале возникает поле – электромагнитное излучение. Мог ли Моисей, находясь на уровне его научных познаний, так вот написать: «В начале сотворил Бог электромагнитное поле». Разумеется, нет, он таких слов даже не знал. «Что такое свет?» – спрашиваю я вас, имеющих, по крайней мере, среднее образование? Свет – это электромагнитное поле, имеющее определенную длину волны. Вот Моисей так и написал: «Да будет свет». Вначале появился свет, т.е. электромагнитное поле с длиной волны от 2 до 8 тыс. ангстрем. Поэтому, опять же, ничего антинаучного здесь нет.

Земля же была безвидна и пуста, т.е. материя была бесформенна. «И Дух Божий носился над водой». Вода – это образное сравнение той самой материи, которая безвидна. Какая материя безвидна? Вода! Она не имеет собственной формы, она принимает форму того, во что ее наливаешь. Ее нельзя увидеть, если она чиста. Поэтому то, что сказано в первый день, вполне соответствует современным научным воззрениям.

Во второй день, в который отделяется твердь от тверди, происходит согласно проводимой параллели с современными космогоническими теориями поле. А согласно теории современной физики, поле – это первоначальное и исконное состояние вещества. Вся теоретическая физика есть не что иное, как теория поля. Вещество – есть просто лишь определенный сгусток этого поля. Так вот, это поле начинает сгущаться, т.е. на образном языке Моисея отделяется твердь от тверди, образуется некоторое образование, которое называется веществом. Плавности, галактики, солнечные системы, светила, планеты и т.д.

Вот «и сказал Бог: Да будет твердь посреди воды» (посреди того поля). «И отделяет она воду от воды». Создал Бог твердь. Вполне опять же на образном языке, доступном Моисею, не сказано никакой чуши, которая бы вызывала улыбку современного человека. Наоборот, все понимается

именно так, как и должно пониматься.

Далее происходит следующий процесс. Сказал Моисей: «Соберется вода, которая под небом в одно место, и да явится суша». Это процесс образования Земли. Образуется Земля. На Земле также происходят события.

Да, еще поговорим об одном моменте, о котором я забыл сказать: о сотворении мира во времени, том моменте, что всегда вызывает некоторые смущения. Как же так? Мир существует, пусть не 8000 лет по старому православному календарю, пусть 13,7 млрд. лет. Ну, а до этого? Ведь невозможно даже себе представить, что мир сотворен когда-то. Он сотворен. А вот до этого все равно что-то было. Этапы? Да? И, соответственно, миру будет какой-то конец. Конец света. А что будет после конца света? Как вот на этот вопрос отвечать?

Опять же обращаемся к современной науке, если мы считаем науку критерием истины. Об этом мы тоже поговорим на следующих лекциях. Возьмем наиболее авторитетную теорию «Большого взрыва». Вещество, которое существовало до Большого взрыва, имело бесконечную плотность. Как протекают пространственно-временные процессы в таком веществе? Согласно теории относительности Эйнштейна, если плотность превышает 10^{30} кг/м³, то пространство в веществе такой плотности является ограниченным. Пространство, как известно, зависит от вещества. Начиная с 20-х гг. XX века, это азы общей теории относительности. Время так же зависит от плотности вещества. Чем больше плотность вещества, тем медленнее текут временные процессы. Поэтому говорить о сотворении мира, если мы принимаем современную физическую концепцию, как во времени, совершенно нельзя. Время само зависит от материи.

Когда я говорил об Августине, я прервался именно для того, чтобы вспомнить об этом в настоящий момент. Августин так и сказал, что нельзя говорить о времени до сотворения мира. Бог творит время вместе с миром. Августин, живший в V веке, за 1,5 тысячи лет до Эйнштейна, сказал, собственно говоря, положение общей теории относительности. Мир творится вместе со временем. Иначе мы о Боге судим в языческом смысле. Что делал Бог до того? С этой точки зрения, Бог существует во времени, время выше Бога. Такого нельзя представить. Бог сверхсущностей, Он выше всего – это общее понимание христианской Церкви. Время творится вместе с миром, во-первых. Во-вторых, если вы принимаете теорию относительности, которая утверждает неоднородность времени, неоднородность его процессов, протекающих в веществе с различной

плотностью, то мы будем утверждать, что время течет по-разному в нашем мире и в том мире, который существовал сразу после «Большого взрыва». Скажем, в веществе, которое имело бесконечную плотность, время вообще не текло, согласно опять же теории относительности Эйнштейна. Времени нет. Плотность бесконечная, время – ноль. Мир начинает развиваться, плотность уменьшается, начинается время течь. Оно течет медленно. Потом оно начинает течь все быстрее и быстрее. Потом что получается? Вот, опять же, одно основное положение теории относительности. Я, прошу прощения, не сказал, что некоторые моменты будут для вас сложны, но стараюсь упрощать все положения современной физики. Думаю, что всем все понятно. Одним из основных положений, принципов, без которых нельзя объяснить теорию относительности является принцип наблюдателя. Существуют не только общие, но и специальные теории относительности. Так вот, необходимо представить себе наблюдателя для общей теории относительности. В зависимости от наблюдателя процессы меняются. Вот основной принцип теории относительности. Наблюдатель может находиться в разных местах. Вот временная ось. Вот ее начало. Вот она движется в некотором направлении. Вот мы живем, скажем, здесь сейчас. Пытаемся сделать эксперимент, двигаемся в прошлое. Вот пошли по годам. Пока мы уходим на каждый промежуток времени, у нас расстояния одни и те же. Приближаясь к началу мира, мы обнаруживаем, что эти участки оказываются неравномерными. Они ложатся все ближе и ближе друг к другу. Если мы становимся на позицию наблюдателя с внешней стороны, то понятно, что этот промежуток имеет ограниченное временное расстояние, т.е. с точки зрения Бога – внешнего наблюдателя. С точки зрения человека, который живет во времени, вне времени существует только лишь Бог. Человек, существующий во времени, двигаясь к началу с бесконечной плотностью, все время будет двигаться с замедлением времени. Он начала никогда не достигнет. Ему будет казаться, что начало бесконечно, т.е. мир бесконечен именно опять же в силу того, что время течет с другой скоростью. А с точки зрения внешнего наблюдателя мир имеет начало во времени. То же самое, пожалуйста, симметрично можно отразить и на конец света.

Вообще меня всегда поражает излишнее любопытство, которое возникает в последнее время, в прошлом и в этом году, к концу света. Оно наблюдается у всех – и у атеистов, и у оккультистов, и у православных. Вопрос о конце света для них – самый важный вопрос. Меня это отношение поражает. Даже мои студенты были удивлены, что на этот вопрос нужно смотреть совсем по-другому. Я не понимаю, почему такой

интерес к концу света? Я понимаю интерес к концу света со стороны атеиста. Да, он боится, скажем, пожара в своем доме, боится землетрясения, боится любых катаклизмов, которые нарушат его покой. Но мы-то христиане православные, мы-то понимаем, что смерть тела есть только лишь переход в другое бытие. Душу материальное, к счастью, не может изменить, поэтому нас это не должно по большому счету страшить. Бойтесь, как сказано, не того, кто уничтожает ваше тело, а бойтесь того, кто уничтожит вашу душу. Уничтожит не в том смысле, что она станет смертной, а того, кто ее испортит, низвергнет в ад. Вот основной закон для христианина. Опять основное положение для христианина то, что человек при этой жизни заслуживает свою посмертную участь. Вы об этом будете говорить более подробно на других предметах. Вот просто некоторые соображения общего плана. Когда бы человек ни жил – в V, XV, XX, XXV веке – он прожил свои 70–80 лет, затем, согласно православной догматике, он помещается в некоторое место в раю или в аду, где несет наказание или, наоборот, получает вознаграждение за свою праведную жизнь до Второго пришествия. Он уже ничего не может сделать. Душа без тела, как сказано, упокаивается. Как сказано в молитве, ждем место, где души покойных упокоятся. И затем душа ждет спокойно Второе пришествие, на котором будет Страшный суд после которого уже будет вечное разделение, вечное воскресение в телах. Поэтому для человека Страшный суд фактически начинается с его смерти, когда бы он ни умер, еще раз повторю – в первом веке, двадцатом веке или тридцатом веке. После своей смерти он уже ничего не может сделать. Поэтому для православного человека бояться Страшного суда бессмысленно. Неважно, когда он произойдет, хоть через миллиард лет. Я буду отвечать через миллиард лет за то, что я сделал сейчас. Здесь опять же нет никакой логики. Здесь некоторый невроз современного человечества, которое непонятно чего боится.

Итак, возвращаемся опять к нашей теме. Возникает земля. Что происходит в дальнейшем на земле? И сказал Бог: «Да произрастит земля зелень, траву сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод. И произвела земля зелень, траву сеющую семя, дерево приносящее плод, в котором семя по роду его». Вот эти два абзаца, которые, казалось бы, повторяют друг друга, на самом деле ничего не повторяют. Во-первых, обратим внимание на порядок: «...земля зелень, траву, сеющую семя и дерево плодовитое». Такой порядок соответствует теории эволюции. Трава, сеющая семя, по представлениям современных ботаников, – это папоротник. Сначала возникает зелень – просто

некоторые водоросли. Затем возникают папоротники. Затем возникает «дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод» – это высшие растения. Опять же, еще раз подчеркиваю, данные, совпадающие с современными эволюционными теориями, удивительно были предвосхищены простым пастухом Моисеем. Это первое. И второе. Обращаю ваше внимание на второй абзац, вспоминая то, каким образом было получено откровение Моисея. Вполне возможно, что это было некоторое видение, которое перед ним раскрывалось. В начале ему подается замысел: «И сказал Бог», т.е. Бог дает приказ, дает Слово: «Им же вся быша», как сказано в Символе Веры. По Слову все происходит. Бог сказал: «Да произрастит земля зелень». А дальше для наблюдателя все происходит так, как будто сказано здесь: «И произвела земля зелень». Как будто все происходит самостоятельно, как будто земля сама производит. Если смотреть не без веры в Бога, да, мы видим, как будто сама земля производит зелень, папоротники, деревья. Все это происходит само по себе. Но первоначально жизнь – это Слово Божие.

Закончился день третий. И сказал Бог: «Да будут светила на тверди небесной для разделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и годов... И создал Бог два светила великие: большее, для управления днем (солнце), и светило меньшее, для управления ночью (луна). Вот Вольтер, помнится, все смеялся: «Ну, как же так, в начале возникают растения, которые поглощают хлорофилл, хлорофилл поглощает световую энергию, потом возникает солнце. Несерьезно!» После Вольтера, который, казалось, уже не оставил камня на камне, возникает более серьезная концепция возникновения земли, и оказывается, что первоначально земля до появления на ней растений имела в себе повышенное содержание углекислого газа, повышенную влажность, так что она была покрыта сплошным облаком. И если находиться в позиции наблюдателя на Земле, что вполне можно себе представить, если Моисею открывалась огромная картина мироздания, то ничего не видно! Никаких светил не видно. Никакого светила на земле не было. Появляются растения. Они поглощают углекислоту, поглощают влагу из атмосферы. Облака рассеиваются. Облака такой мощности, такой плотности, что они рассеивают любой свет. Не было ни дня, ни ночи. Растения поглощают углекислоту, поглощают влажность, появляются светила. Светила для отделения дня от ночи. Не просто они возникают, они были и раньше, а для отделения дня от ночи – четко сказано. Никакого противоречия научным концепциям, наоборот, подтверждение того, что было сказано ранее.

После этого, в следующий день, на пятый день: «И сказал Бог: да

породит земля пресмыкающихся, душу живую, и птицы да полетят над землей по тверди небесной. Сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которую произвела вода по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее». День пятый. «И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их».

Опять обращаю ваше внимание на порядок: пресмыкающиеся, птицы, скот, звери. Порядок, подтверждающийся современными палеонтологическими находками: рыбы большие, динозавры, ихтиозавры. Все об этом сказано. «И сказал Бог: да произведет вода»: опять мы видим то же самое, и вода производит так, как будто это происходит самостоятельно. Это вопрос, который касается отдельного спора. «И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее – скотов, и гадов, и зверей». Ну, понятно, что такое скот. Скот – это домашние животные, в отличие от зверей, которые являются дикими животными. Это совершенно не укладывается в концепции появления наших домашних животных, которых, как утверждается, приручали наши далекие-далекие предки.

Обратим внимание на следующие слова: «по роду», т.е. появились все роды одновременно. Никакого возникновения видов согласно дарвиновской теории здесь не предусмотрено. О теории эволюции будем говорить более подробно на следующих занятиях. Замечу, что теория возникновения видов подразумевает существование видов промежуточных. За всю многолетнюю историю различных археологических раскопок ни одного промежуточного вида никогда найдено не было. Тем самым пока еще не опровергнута наукой, и, думаю, не будет опровергнута теория появления видов сразу. Виды не возникают. Они появляются сразу. Здесь мы видим, что Моисей гораздо умней, чем современные ученые, которые сейчас пытаются спорить с ним. Но Слово Божие гораздо выше людей.

И второе – домашние и дикие животные, скот и звери. Опять же генетический анализ не находит подтверждения первоначальным гипотезам, которые иначе как гипотезами быть не могут, что собака есть прирученный волк, что лошадь есть прирученная лошадь Пржевальского и т.д. Итак, это совершенно разные животные, совершенно разный генетический код.

Как это происходило, каким образом появлялся скот домашний до человека, об этом здесь не сказано. Об этом сказано просто. Библия не может говорить все. На все должна искать ответы наука. Моисей сказал на том языке, на котором он мог сказать в свое время. Он и так сказал

слишком много, настолько много, что современная наука с этим не может разобраться.

Шестой день – сотворение человека. Отдельный вопрос, на который мы с вами будем пытаться найти ответ. Ведь мы все уверены, что человек произошел от обезьяны посредством труда. Не буду забегать вперед. Оставлю для вас некоторую загадку, а то неинтересно будет слушать, как мы с вами разберемся с человеком: от какой обезьяны какой человек произошел.

Я достаточно кратко остановился на отношении Библии к науке, мы видим, что удивительная книга – Книга Бытия – нисколько не противоречит современным научным концепциям. Наоборот, она не то, что их подтверждает, а сами научные концепции подтверждают верность библейской картины мира. Библейская картина мира оказывается в большей степени истинной и перспективной, чем многие научные гипотезы.

Итак, мы познакомились с одним из вариантов трактовки Шестоднева – шести дней творения. Я обращаю ваше внимание, что это не официальная православная точка зрения, обязательная в Православной Церкви. Вообще, позиции Православной Церкви по вопросу научного изложения шести дней творения нет, и, я думаю, не будет. Что получается из того, когда Церковь начинает догматически вмешиваться в вопросы научного познания, мы знаем из истории отношения науки с Церковью на Западе, когда Галилей пострадал за свое учение о вращении Земли вокруг Солнца.

Затем концепция «Большого взрыва». Католическая Церковь уже многому научилась, и как не предлагали некоторые ученые на Западе канонизировать «Большой взрыв», Западная Церковь проявила здравомыслие и сказала, что это определенная научная гипотеза, что дело Церкви совсем иное, не надо вмешиваться в научный поиск. Ученые могут заниматься своими делами. Позиция одна. Она может быть опровергнута. Может появиться другая, потом третья, четвертая. Церковь должна быть ориентирована на пути спасения человека, а не на пути его познания научного мира. Православная Церковь, слава Богу, избежала таких соблазнов, хотя они появлялись. Как, например, сейчас появляются предложения догматизировать отношения к компьютерам, еще к чему-нибудь. Церковь всегда занимает здравомыслящую позицию. Большой взрыв Большим взрывом, компьютеры компьютерами, а Церковь Церковью.

Отношение к науке должно быть нравственным, прежде всего, а какая

картина мира получается в результате научного поиска, дело иное. Тем более, то, что я сейчас сказал – это всего лишь одна из концепций. Существуют и другие толкования, которые мне лично представляются менее близкими к истине. Но я не настаиваю на том, что если что-то нравится мне, что я считаю истинным, является единственно истинным. Другие ученые считают иначе. Я настаиваю на другом: поскольку учение о шести днях творения является объектом научного анализа, то это означает лишь одно – такое откровение могло быть даровано Моисею только Богом. Это у нас в России пока что одиночки занимаются этими исследованиями. В нашем институте, благодаря усилиям Андрея Борисовича Ефимова, доктора технических наук, проводится научный семинар, на который приглашаются виднейшие ученые, где просматриваются наиболее спорные, сложные вопросы космологии, физики, биологии, антропологии, генетики и другие.

Но на Западе эта традиция более сложившаяся. Существует институт креационных исследований в Калифорнии. Существует Папская академия наук в Ватикане. Огромные научные центры. Журналы издаются, монографии, исследования. Современный научный мир занимается исследованиями того, что было написано две тысячи лет тому назад. Это означает только лишь одно: написанное не могло быть открытием простого человека. Это явно откровение. Об этом мы поговорим на следующих лекциях – о критериях истинного откровения. Но, забегаю вперед, отмечу, что мы видим один из критериев того, что Ветхий Завет действительно является священной книгой, книгой, которая дает истинное откровение, в отличие от других книг, которые называют себя богооткровенными, как, скажем Трипитака в буддизме или Коран в мусульманстве, но таковыми в действительности не являются. Критериям истинного откровения они не удовлетворяют.

Возникновение науки

Сейчас мы поговорим о вопросе отношения христианства и науки с позиций самой науки. Вопрос этот тоже достаточно интересен. Одна из хороших книг, которую я могу рекомендовать, называется «Философско-религиозные истоки науки». Это сборник статей, написанный авторами института философии. Если кто-нибудь из вас захочет почитать эту книгу, то обращаю ваше внимание на статьи П.Гайденко и В.Визгина. Это две наиболее важные статьи. Есть еще одна замечательнейшая книга – Э.Тайнов «Трансцендентальное. Православная мета-физика». Мета-физика пишется здесь через дефис, чтобы подчеркнуть двусмысленность этого термина. С одной стороны метафизика как философия, а с другой стороны мета-физика. Тайнов – физик, физик-ядерщик, работающий в институте ядерных исследований Академии наук. Эта книга небольшая по объему, но очень емкая по содержанию. Автор не любит лить воду, и в каждом абзаце содержится очень много мыслей. Ее нужно читать и изучать. Неслучайно этой книге было посвящено спонтанно несколько научных семинаров в университете. И я очень рад, что сам рекомендовал эту книгу к изданию, был редактором ее выпуска.

О проблеме времени со времен Августина ничего нового сказано не было. То, что я говорил, это то, то было сказано в философии истории Августином. Эйнштейн только лишь перевел сказанное Августином на язык физических и математических принципов. Что такое время? Сколько не пытались подойти до сих пор к этой проблеме, ни философы, ни богословы ничего сказать не могли. Тайнов – православный человек, очень хороший философ. Эта книга посвящена, в частности, взгляду на православное богословие и философское учение о субстанции с точки зрения квантовой механики. Он удивительно четко показывает, что представление о материи как о субстанции не выдерживает ни научной, ни философской, ни богословской критики, что субстанциальным началом в мире является начало духовное. И это духовное начало выражается на языке уравнения Шредингера – центрального уравнения квантовой механики. Это удивительная вещь. Я разговаривал со многими православными физиками, и они в один голос говорят, что это наиболее правильная, наиболее разумная научная концепция, которую надо развивать. Есть много хороших книжек, в том числе книга священника Тимофея. Он тоже бывший физик. У него тоже есть интересные рассуждения. Но стройная научная теория предлагается только лишь в

книге Тайнова.

Итак, вопрос об отношении науки к христианству. Принято считать, и в школе до сих пор утверждается, что наука существовала всегда, что история развития человечества и история развития науки совпадают, что наука развивается с разной скоростью, начиная со времен Фалеса и с VII-VI вв. до Р.Х. Но эта концепция, честно говоря, неправильна. В действительности правильной является точка зрения, согласно которой наука возникает в XVII веке в Европе. До XVII в. наука не существовала. Что мы имеем в виду под наукой? Прежде всего, математическое естествознание. Конечно, математика существовала. Нельзя сказать, что до XVII в. не существовало геометрии Евклида или теоремы Пифагора. Разумеется, нет. Существовала биология, как описание видов, созданное Аристотелем. Существовала астрономия знаменитого Птолемея. Но истинная наука, которая является научной картиной мира, объединившей в себя все остальные науки – и математику, и астрономию, и физику, и все остальное – такое научное понимание мира, возникает только лишь в XVIII веке.

Однако до сих пор некоторые философы начинают выдвигать аргументы против. Очень распространена концепция американского философа Куна, автора книги «Структура научных революций», основной тезис которой гласит, что в разные времена существуют разные научные парадигмы. До этого была аристотелевская научная парадигма. Собственно научного познания мира не существует. Есть разные парадигмы, разные средства, разные взгляды. Как в искусстве нельзя сказать, какое искусство истинно. Можно сказать, что Левитан в большей степени фотографически описывает природу, чем Шагал, а Кандинский совершенно не описывает природу. Но искусство не сводится к фотографированию. Никогда не скажем, что простой Вася с фотоаппаратом гораздо более талантливый художник, чем Левитан. К искусству нельзя подходить только лишь с критерием истинности. Так же утверждает и Кун: к науке также нельзя подходить с точки зрения истинности. Такая философия. Но, разумеется, это не так. Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что в науке есть свой критерий. Современный научно-технический прогресс показывает справедливость этого критерия. Любой человек, имеющий дело с достижениями современной науки, никогда не будет утверждать, что возможно создание компьютера или телефона, или автомобиля, руководствуясь некой другой научной парадигмой.

Вопрос отношения науки и христианства является важным еще и

потому, что отношение к науке в современном мире особое. За 300 лет своего существования с начала XVIII в. наука достигла столь высоких успехов, что слово «научный» стало синонимом слова «истинный». Когда мы хотим сказать, что это неверно, мы часто употребляем слово – это ненаучно. Хотя кроме научного познания есть другие виды познания: философское, художественное, религиозное, познание здравого смысла. Но, тем не менее, наука действительно показала, что только лишь она одна обладает правом на познание истины. И этот ее приоритет приводит к очень печальным последствиям для других областей, в частности для религии, хотя и другие области страдают. Пострадала философия. Отношение среди естествоиспытателей, среди ученых к философии как к некоторому бесполезному мудрствованию идет еще от родоначальника позитивизма Огюста Конта. Пострадало и искусство. Современный человек не любит ходить в художественные галереи, слушать нормальную настоящую музыку, заставлять свою душу трудиться. Музыка существует для того, чтобы усладить мой вкус. Можно слушать Таню Буланову и при этом считать, что ты приобщился к высокому искусству. Зачем заставлять себя слушать Бетховена или, не дай Бог, Шнитке? Это же скукотища. Ну, наукой можно заниматься, хотя тоже станет скучно, но это истинно: можно что-нибудь открыть, а искусство ничего открыть не может. Такая вот точка зрения современного прагматичного человека.

Но в большей степени, конечно же, пострадала религия. Ибо почему-то до сих пор бытует убеждение, что наука противоречит религии, а поскольку наука истинна, то из этого утверждения мы гениально легко определяем религию заблуждением человечества и выбрасываем ее, оставляя в лучшем случае в этнографических музеях и считая себя сторонниками той или иной религии только лишь на основании культурной принадлежности. Если я русский, то должен быть православным. Если я китаец, то я конфуцианец. Если я индус, то я буддист, и никак иначе. Часто такой аргумент звучит из уст православных: «Как ты можешь петь «Харе, Кришна», ведь ты русский».

Меня это сильно возмущает. Религия может быть истинной или ложной. Если кришнаизм истинная религия, значит, все русские должны быть кришнаитами. Если это ложная религия, значит, индусы должны отказаться от кришнаизма. Но если вы так говорите, значит, православие – истина и кришнаизм – истина, т.е. обе религии истинны, они друг друга стоят. Тогда ученые говорят: «И православные, и кришнаиты – сумасшедшие. Бог вам судья, играйте в свои детские игры, живите в своем сумасшедшем доме. Я ни в ту, ни в другую, ни в десятую религию играть

не буду. Я занимаюсь делом, познаю истину». Как сказано в Евангелии: «Для Бога нет ни эллина, ни иудея». Если человек играет в религию, он должен играть где-то в области своей национальной принадлежности и достигает ее истины. Это антиаргумент для православных. Он указывает на равноценность всех религий, значит, на ошибочность Православия.

Но вернемся к науке, к тому, что она истинна. Для того чтобы рассмотреть, почему наука истинна, нужно более подробно познакомиться с вопросом возникновения науки. Почему наука возникает в начале XVII в., и не где-нибудь, а именно в Италии? Случайно ли это? Пока что обратим наше внимание на этот хронологический и географический факт. Наука возникает в начале XVII в. в Италии и существует на протяжении 300 лет только в Европе. В конце XIX в. она проникает в Америку. А в XX в. она распространяется уже на страны Азии. Но даже в XX в. наука продолжает существовать только лишь в Европе и Северной Америке. Как это ни парадоксально будет звучать из моих уст, и как это, может быть, несправедливо с точки зрения гостя, который сегодня находится в нескольких сотнях километрах от Японии, но наука в Японии существует сейчас совершенно на другом уровне, чем наука в Европе.

Когда я учился на Физтехе, студенты часто шутили, называя Физтех институтом иностранных языков с небольшим физическим уклоном. У нас отчисляли с первого курса в основном из-за английского языка. Если не знаешь иностранные языки, то не сможешь читать иностранные журналы. Первый язык, естественно, английский, ну, а дальше изучаешь на выбор еще французский или немецкий, или японский язык, что косвенно указывает на то, что Япония огромный вклад в науку делает. Но при серьезном размышлении, я обнаружил, что вклад Японии в науку – это скорее вклад в технологии. Они делают радиоаппаратуру, делают автомобили так, как никто в мире лучше их не делает. Но все это основывается на открытии тех законов, которые были сделаны в Европе и Америке. Я не знаю ни одного физического закона, открытого в Азии. Все законы, которые я изучал, все, кроме одного (из законов квантовой механики, открытый индусом), носят имена европейцев или американцев. Ни одного основополагающего закона, открытого японским ученым, нет. Я не случайно об этом говорю. Это очень важный факт, на который необходимо обратить внимание. Но прежде, чем мы проследим этот феномен европейского статуса науки, мы должны разобраться с ситуацией, которая существовала в конце XVI – начале XVII вв. в Западной Европе, в частности в Италии.

А вообще, до этого, как известно, существовала наука в той форме, в

которой она была создана Аристотелем. И поэтому творцы современного научного естествознания, прежде всего Галилео Галилей, боролись с аристотелевской наукой. Рассмотрим основные черты современного научного естествознания, создателем и открывателем которого был Галилей. Посмотрим на то, что такое наука античная и средневековая, т.е. наука аристотелевская. Опять я вынужден здесь несколько отвлечься и прочитать часть лекции по истории философии. Но это необходимо, иначе мы ничего не поймем. Аристотель в своей «Метафизике» указывает такой принцип классификации наук. Все науки, познающие истину, делятся на три типа в соответствии со своими предметами, т.е. объектами познания. Объект познания может существовать независимо от человека и быть неподвижным. Такая наука называется «первая философия» или метафизика. Прежде всего, это Бог, как неподвижный объект познания, существующий независимо от человека. Поэтому Аристотель называет свою первую философию теологией, учением о Боге, богословием. Студенты кафедры теологии, вы можете себя считать учениками непосредственно Аристотеля. Именно он ввел в обиход это слово. Я иронизирую, конечно, но нужно знать, что это слово было введено Аристотелем.

Далее объект познания, который может существовать независимо от человека и быть подвижным. Это физика: тела, которые существуют вокруг нас, находятся в движении и не зависят от нас. И третье: объект познания должен существовать независимо от человека и неподвижно – это математика. Числа в природе не существуют. Они возникают в уме человека в результате абстрагирования от объективной действительности. Число не движется: двигаться можно лишь в пространстве. Число существует в человеческом уме. Поэтому математика и физика по своим предметам отличаются коренным образом.

Сочетание «математическая физика» – для Аристотеля чужд. Математической физики быть не может. Математика занимается числами. Числа неподвижны. Число не может описать движение, а физика занимается описанием движения. Физика может быть наукой только лишь качественной, а не количественной. Вот первый принцип, главный принцип аристотелевской физики. Физика качественна, а не математична.

Второе положение аристотелевской физики, как он пишет уже в начале своей «Физики»: метод познания физика должен быть направлен от очевидного и понятного для нас к очевидному и понятному по природе. Говоря на современном философском языке, это именуется восхождением от конкретного к абстрактному. Сначала мы наблюдаем то, что очевидно и

понятно для нас. Существуют предметы, вещи чувственные. Затем мы постигаем их природу, т.е. сущность. Смотрим за их видимость, вглубь сущности, проникаем за их явления. А что для нас очевидно и понятно? Прежде всего, понятно, что любое движение возможно только лишь тогда, когда на него действует сила. Если сила не действует на тело, то оно покоится. Лошадь тянет телегу, телега катится. Лошадь стала, телега перестала катиться. Камень катится с горы. Наклон есть – камень движется. Наклона нет – камень лежит неподвижно.

Третий принцип – это принцип неоднородности пространства. Все те принципы, которые высказал Аристотель, – это принципы средневековой физики, которые существовали вплоть до XVI в. Вы увидите, почему наука возникает в XVII в. Начинают спорить даже физики: закон Архимеда – это физика, а Архимед жил в античности. Но начинаешь объяснять, что статика – это не вся физика, что статика была, а динамики не было и быть не могло. Так же как была геометрия Евклида, а неевклидовой геометрии не было. И разница между ними качественная, сущностная.

Так вот, третье положение, это положение неоднородности пространства, неоднородной картины мира. Мир имеет качественно отличающиеся друг от друга места. Центр мира является естественным для материальных тел. Поэтому Земля находится в центре мира, поэтому она неподвижна. Тела падают на землю потому, что они стремятся вниз, к центру мира, к своему естественному месту. Земля неподвижна, потому что она уже находится в центре мира, и потому она круглая, т.к. все неровности, в конце концов, стараются сгладиться. Но есть другая часть Вселенной, которая находится выше Луны, где находятся планеты и звезды. Наш мир состоит из четырех элементов, из четырех стихий: земля, вода, огонь и воздух. А мир надлунный состоит из эфира, так называемой пятой сущности, т.е. это квинтэссенция, которая имеет совершенно другую природу, чем мир подлунный. И законы этого эфирного мира совершенно иные, чем законы мира нашего. За миром надлунным находится Бог.

Такая четкая иерархия – три мира: мир земной, мир эфирный и Бог. Он бесконечен, т.к. Он не материален, Он духовен. Почему огонь тянется вверх в отличие от тела? Просто огонь имеет эфирную природу, стремится к своему естественному месту – к месту эфира. А тела падают вниз потому, что они стремятся к естественному месту. Движения в эфире – движения совершенные. Совершенно то, что вечно. Может ли быть вечным движение прямолинейное? Разумеется, нет. Мир ограничен, поэтому пройти его можно за конечный промежуток времени. Поэтому вечное

движение должно быть лишь круговое. На Земле круговое движение невозможно. Оно имеет всегда какие-то отклонения. Наш материальный мир такой. Истинное круговое движение возможно лишь в эфире. Это вечное круговое движение совершают планеты и звезды, эфирные тела. Приводятся они в движение Богом как неподвижным перводвигателем. Вот такая картина мира, показывающая качественную неоднородность пространства.

Аристотелевская концепция существовала 2000 лет. Если современная наука существует 400 лет, и мы считаем, что Галилей жил когда-то давно, то тут 2000 лет! Поэтому эта наука имеет не только церковный авторитет в Средние века, но и авторитет временной. Ведь обычный человек считает, что не может 2000 лет существовать нечто ошибочное! Поэтому статус средневековой науки был достаточно мощным, освященным авторитетом Церкви, которая приняла эту физическую картину мира, освящен и авторитетом времени, ну, и авторитетом имени Аристотеля.

Далее, еще одно свойство – это свойство научного познания. В чем состоит деятельность человека? Деятельность человека состоит в обмане природы. Человек занимается тем, что все время пытается природу обхитрить. Античный и средневековый человек исходили из принципа, что человек умнее природы, что природа глупа. Она не догадалась до того, чтобы сделать колесо, а человек догадался. Он ее обхитрил. Он изобрел колесо, поставил на четыре колеса телегу и может гораздо меньшими усилиями передвигать тяжелые грузы. Природа глупа, она не могла создать такого небольшого орудия, как лук, а человек догадался, обхитрил. Натянул тетиву и может убивать животных на расстоянии, а животные глупые, они гоняются друг за дружкой до посинения. Вот основные положения.

И еще космологическое положение Аристотеля: в основе мира лежит хаос, т.е. никаких закономерностей в мире не существует. Человек может познавать лишь некоторые качественные положения на основании своих органов чувств. Чувства дают основной источник знания. Такой классический пример: что падает быстрее – пушинка или дробишка? Естественно, пушинка падает медленнее. Значит, тела падают со скоростью в зависимости от своего веса. Этот вывод делался на основании чувственного познания. Такова была наука конца античности и средневековой Европы.

Что происходит в XVI в. и до XVI в.? Во-первых, средневековая Европа – это Европа христианская. И постепенно, не забывайте, что изменения в сознании людей происходят очень медленно, человек

принимает веру сначала как нечто внешнее, как обрядовый культ, как что-то внешнее, что должен исполнять, но до конца не осмысливает. И только с поколениями то, что является религиозной верой людей, начинает осмысливаться, переводиться на уровень не только объявленный, но и на уровень богословский, теоретический – то, что проникает в плоть и кровь народа.

Западное христианство существовало в принципе не так уж и долго. Это только говорится, что с I века. На самом деле христианство отрицательно принимается даже в III веке. На Западе (современные страны Италия, Франция), где находилась так называемая Римская империя, не прекращались войны из-за постоянных набегов варваров. Мир наступил только лишь в VIII в. И то ненадолго, в IX-X вв. Европу сотрясали набеги Викингов. Поэтому спокойное осмысление началось на Западе с XI в. Возникает схоластическая философия. Т.е. развитие христианской мысли на Западе происходит фактически с IX-X в.в. и охватывает период до Возрождения, до XV в.в. За это время западное человечество впитывает в себя совершенно иной принцип, отличный от античности, – то, что мир несамостоятелен. В основе мира лежит не хаос, а мир сотворен Богом и управляется Богом, и зависит от Него. Человек в этом мире является ни царем, ни главой, а также тварью (от слова «творить», «сотворенный»). Человек это такая же тварь, как и все остальные тварные вещи, а не тот, кто главенствует над природой, кто может ее обхитрить. Вот этот принцип постепенно переходит на уровень сознания людей. Так что к концу XVI в. это уже само собой разумеется.

В XV-XVI вв. в Европе происходят некоторые события, которые называются периодом Возрождения. Что подразумевается под термином Возрождение? Возрождение античной культуры. Античная культура понимается не только как расцвет искусства. Конечно, мы знаем о Возрождении, прежде всего, с этой стороны. Эпоха Возрождения – это появление таких титанов искусства как Леонардо да Винчи, Рафаэль, Петрарка и других. Но эпоха Возрождения характеризуется возрождением и других сторон античности: возрождение религиозных культов, возрождение религиозных представлений, т.е. отказ от христианства, отказ от христианской нравственности.

Есть книга нашего замечательного философа Алексея Федоровича Лосева «Эстетика Возрождения». Там есть глава, которая называется «Оборотная сторона титанизма». В ней подробно говорится о том, к чему приводит попытка переосмыслить ценности средневековья. Как правильно пишет Лосев, мы считаем Средневековье мрачным временем. Есть клише –

темное Средневековье. На самом деле, Средневековье было спокойным временем, временем господства нравственности. Эпоха Возрождения призвала людей к отказу от христианской нравственности. А что означает отказ от христианской нравственности? Это отказ от принципов: не убий, не укради, не прелюбодействуй. Поэтому, как пишет Лосев, времена были настолько страшными, что воды Тибра были красного цвета от крови. Но что делать, отказываемся от нравственности. Что значит – не убий? Это темное Средневековье. Нужно быть свободным от всего. Прелюбодействовали даже римские папы, настолько это настроение эпохи Возрождения проникло во все области жизни.

Опять же эпоха Возрождения – это прежде всего возрождение религиозных античных представлений, которые совершенно далеки от христианства, в частности, оккультизма, магизма, колдовства. Того, что сейчас у нас цветет пышным цветом. В противовес появляется инквизиция. Это действительно реальные ведьмы, реальные противники христианской церкви. Часто забывают, что инквизиция – это не порождение средневековья. Это порождение эпохи Возрождения – реальный ответ на реального врага. Я не оправдываю практику инквизиции. Нужно просто не искажать истину. Институт инквизиции возникает несколько раньше – в XIII в. для борьбы с альбигойской ересью в Испании. Но расцвет инквизиции – борьба с ведьмами – приходится на эпоху Возрождения.

Появляются и другие способы борьбы с этими античными представлениями, перешедшими на европейскую почву. Ведь магизм переносится и в кабинеты философов. Появляются такие философы как Парацельс, Джордано Бруно, которые утверждают совершенно иные философские и богословские положения, отказываются от того, что мир был сотворен Богом, утверждают, что Бог и мир это одно и то же. По их мнению, каждая частица мира несет в себе божественные черты, каждый кустик, каждый камешек – это демон или ангел, или дух. Происходит поворот к анимизму, к анимической картине мира. Миром управляет не Бог в своей бесконечной воле, а маленькие духи. У каждого своя воля, у каждого свое желание. Вообще, материя оказывается способной к самодвижению. Вот основное положение философии Джордано Бруно, естественно, коренным образом отличавшееся от христианского учения. Поэтому сказать, что Джордано Бруно был ученым, нельзя. Джордано Бруно был типичным магическим философом, над которым за это и начали инквизиционный процесс. Так совпало, что я в феврале читал лекцию о Джордано Бруно как раз в тот день, когда он был сожжен, в четырехсотлетний юбилей этого события. Как раз утром я прочел статью в

известиях, где Джордано Бруно был объявлен мучеником науки, а вечером, так сказать по свежим следам, я развенчивал все эти устоявшиеся псевдонаучные мифы об учении Джордано Бруно. Сожжение на костре, безусловно, не может являться средством борьбы, но что Джордано Бруно был великим ученым – это, конечно же, неправильно. Он схватился за теорию Коперника не из-за того, что увидел в ней научную истину, а потому что она отвечала его магическим представлениям. Мир, который существует в Боге, представляется миром конечным, а если мир и Бог одно и то же, значит, мир должен быть бесконечным, т.е. подтверждение своему пантеизму Бруно увидел в теории Коперника.

Многие церковные люди видели свою задачу в борьбе с этой магией. Кто-то шел работать на инквизицию для того, чтобы бороться с колдунами и ведьмами. А кто-то, из более умных и честных людей, занимался другими делами, пытаясь научно опровергнуть эти заблуждения современных оккультистов. Эти люди как раз и создали то, что теперь называется современным научным естествознанием.

В западных странах в конце нашего тысячелетия спрашивают: «Каких людей считают самыми гениальными?» На первое место статистика поставила Эйнштейна, определив его как самого гениального человека второго тысячелетия. Я как физик, могу сказать, что теория относительности Эйнштейна – историческое следствие одного из положений, высказанных Галилео Галилеем. Одним из переломных моментов, способствовавших возникновению современной науки, было новое учение об однородности пространства, на основе которого Галилей сформулировал принцип относительности, утверждающий, что законы природы действуют в любой точке пространства одинаково, независимо от того, движется тело или покоится. Поэтому никакими физическими средствами невозможно определить, покоится тело или движется равномерно и прямолинейно. В 19 веке с исследованием проблемы распространения электромагнитных волн появилась мысль, что существует некая абсолютная система отсчета – эфир, так что в принцип относительности Галилея следует внести поправку: не физическими, а механическими средствами. Заслуга Эйнштейна состояла в том, что он, доказав отсутствие абсолютной системы отсчета (эфира), фактически подтвердил принцип относительности Галилея. Естественно, для этого пришлось значительно расширить горизонты физического знания, использовать гораздо более сложный математический аппарат и отказаться от многих привычных нам представлений о мире. Но тем не менее именно Галилей первым поставил проблему, и поэтому

исторически теория Эйнштейна есть дальнейшее развитие теории Галилея.

Галилей основывался на совершенно иных принципах, чем основывалась наука до него. Перечислим их. Во-первых: мир сотворен Богом и управляется Богом. В основе мира лежит не хаос, как считал Аристотель и древнегреческие философы, а слово Божие. Слово Божие на нашем человеческом языке называется законом природы. Так же как Бог неизменен и постоянен, так же неизменно и постоянно Слово Божие, поэтому неизменны и постоянны законы Бога, законы, которыми Бог управляет миром. Эти законы, неизменные и постоянные, человек и должен познавать, т.е. задача физика состоит в познании воли Божией, в познании Его законов. Нет познания органами чувств. Чувствами Бога нельзя увидеть. Человек – это образ и подобие Божие, а образ и подобие Божие, согласно учению Церкви, состоит в душе человека, в его разуме. Поэтому познать Слово Божие человек может только лишь разумом своим. Галилей коренным образом отказывается от физического аристотелевского принципа, согласно которому физика, свойства мира познаются при помощи чувств. Физика переносится на область разума. Познаются законы разумом, ибо мир управляется Богом, Словом Божиим, а Слово Божие проявляется в человеческом разуме. Физика рационализируется.

А каков язык? Как разумом познать законы природы? Галилей указывает, что число, т.е. математика, – это и есть тот способ, которым мир познается. Математика – это тот язык, которым можно выразить Слово Божие, которым можно описать законы природы. Галилей произносит свою знаменитую фразу: «Книга природы написана языком математики». Что это означает? Законы природы, т.е. Слово Божие, для нас выражаются законом математики. И эти математические формулы действительно описывают сущность природы, сущность природного тварного мира. В Книге Премудрости Соломона сказано, что Бог сотворил мир мерою, числом и весом. Эту мысль тоже часто повторяли в это время.

Но вообще, нужно ли и можно ли познавать материальный мир? Ведь Церковь всегда утверждала, что задача человека – это спасение своей души. «Не любите мира, ни того, что в мире» – сказано в послании апостола Павла. На это Галилей указывает: Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного. Бог Сам стал человеком, приняв на себя человеческую мирскую природу со свойствами этого мира, жил в этом мире и освятил его таким образом. Поэтому познание законов природы не только не вредно, но является познанием Бога. Есть две книги, есть два пути познания Бога – путь Божественного Откровения, это путь Церкви,

путь чтения Священного Писания, и путь божественного творения, ибо сказано апостолом Павлом, что «вечная сила Его и Божество с создания мира в творении видимы». Познавая творения, мы познаем Бога. И познание творения не то что предосудительно, а, наоборот, Сам Бог вошел в этот мир, он освятил его. Поэтому познание мира – это и есть главная задача христианина.

И эта задача была важна именно в конце XVI в., потому что, показывая, что мир имеет математически выраженные законы, наука наносила серьезнейший удар по всяким там Джордано Бруно, Парацельсам и прочим колдунам и мистикам, которые утверждают, что в природе нет никаких законов, что мир управляется различными духами, и можно ими манипулировать. Нет, открывая единые вечные законы, ученые показывали единую вечную роль Творца.

Наука в XVII в. возникает как средство борьбы с ересями, в защиту христианской Церкви, возникает на христианских принципах. Она возникает как следствие приложения некоторых догматов христианской веры. Отсюда и истинность научного метода. Христианство является истинной религией. Научное познание открывает истину, потому что оно применяет эти христианские положения на практике, а эти положения – вера в вечность и неизменность законов, вера в познаваемость этих законов и вера в то, что эти законы управляют миром.

Вот почему-то сейчас принято считать, что закон – это свойство материи. Но не может материя иметь в себе такое свойство, как закон. Закон всегда нематериален. Есть основной принцип философии, который называется «подобное познается подобным». Не может нематериальный разум познать нечто неподобное ему. Разум познает только лишь нематериальное. Если наш разум открывает законы, то законы нематериальны. Материя подчиняется законам, и нельзя говорить, что закон есть свойство материи. Об этом много писал великий немецкий ученый, философ и богослов Вильгельм Годфрид Лейбниц. Он говорил о нематериальности законов и о том, как эти законы управляют миром. Я говорил о книге Тайнова. Тайнов на современном языке очень четко иллюстрирует тезис о несубстанциональности материи, а, наоборот, субстанциональности законов, которые для современного физика выражаются на языке квантовой механики.

Мы видим, как Галилей последовательно опровергает принципы аристотелевской физики. Естествознание оказывается математическим. Математика – язык, посредством которого описываются законы природы. В основе мира лежит не хаос, а воля Бога. Мир оказывается не

разнородным, а однородным, ибо мир пронизывается Богом. Нигде в Библии не сказано, что где-то в мире существуют особые сферы. Законы, которыми Бог управляет миром, одни и те же. Они вечны и неизменны. Поэтому законы, которые действуют на Земле, точно такие же, как и законы на Луне, на Солнце и т.д. Поэтому возникает возможность познания законов Вселенной. Поэтому Галилей переносит свой интерес на Луну, на спутники Юпитера, на Солнце. Он уже не говорит, что там какие-то другие явления, как говорили раньше. На Луне тоже могут быть кратеры, тоже могут быть моря. На Солнце могут быть пятна. Все это описывается теми же законами, которые мы найдем на Земле. Вселенная однородна. Пространство однородно и бесконечно. Поэтому возможности человеческого разума не ограничиваются только лишь этой маленькой сферой, в которой человек живет.

Еще одно следствие из галилеевского принципа касается античного учения о хитрости человека. Человек – это такое же творение, как и все остальное. Поэтому человек может не обхитрить природу, а познать ее законы. Познав эти законы, человек может применить их для своей пользы. Человек не царь природы, а слуга и истолкователь природы, как скажет чуть позднее английский популяризатор науки Френсис Бэкон. И в дальнейшем тот же принцип будет разрабатываться другими западными учеными. Например, Рене Декартом, который доведет этот принцип до своего логического конца. Декарт доведет до логического конца и принцип экспериментального естествознания, хотя этот принцип также предложен Галилеем. Но здесь есть некоторые сложности. Где критерий того, что человек правильно познает закон природы? Ведь человек образ и подобие Божие, и в своей душе может познавать законы природы, данные миру Богом. Но человек имеет разум, испорченный первородным грехом. Поэтому он всегда может ошибиться и неправильно понять волю Бога. Как узнать, правильно ли я постиг закон или неправильно? Декарт утверждает, что у человека есть вполне четкий критерий – Божие творение, природа. Она сотворена Богом, поэтому человек может всегда свои собственные теоретические размышления проверить на природе, провести эксперимент. Вот мы проверяем на природе свои размышления. Если они совпадают с моей первоначальной гипотезой, значит мои размышления истинны. Возникает экспериментальное естествознание, как соединение двух методов познания – познания Слова Божьего напрямую посредством своего разума и познания Божьего творения через экспериментальные способы.

И еще важно отметить. Аристотелевская физика ориентировалась на

чувства, а принцип Галилея ориентируется на разум человека. Одним из следствий этого принципа, как я говорил, является тот факт, что любое движение возможно при применении силы. Галилей высказывает совершенно противоположный принцип – принцип инерции, который гласит, что любое тело находится в состоянии покоя или движения до тех пор, пока какая-нибудь сила не выведет его из этого состояния, т.е. движение будет длиться бесконечно. Принцип совершенно противоположный аристотелевскому. Принцип, совершенно не выводимый из чувственного познания. Бесконечное движение увидеть невозможно. Это принцип совершенно рациональный, т.е. первый закон, который был открыт в истории физики – закон инерции, ставший впоследствии первым законом Ньютона, это принцип чисто рациональный, а аристотелевский принцип тем самым отвергается.

Галилей заложил основы и для опровержения другого принципа. Я приводил пример: что падает быстрее, дробишка или пушинка? Подтверждение этому было сделано известным итальянским физиком Торичелли и французским физиком Паскалем, который применил открытие Торичелли вакуума для того, чтобы в вакууме экспериментально доказать что пушинка и дробишка падают с совершенно одинаковой скоростью.

Вот еще насчет хитрости человека. Задача физики была обхитрить природу. Эта задача была чисто прагматической. Человек узнает новое только для того, чтобы что-то создать, чтобы улучшить свою жизнь. Современное естествознание создается на совершенно иных принципах – на принципах богопознания. Здесь ни о какой выгоде речь не идет. Все современное естествознание, все научные открытия проходят под этим знаменем. Никакой практической выгоды. То, что мы получаем совершенно другой результат, мы можем назвать случайным следствием.

Вот два небольших примера, которые перевернули современную цивилизацию: открытие Герца и открытие Фарадея. Герц, как известно, открыл радиоволны, а Фарадей открыл электромагнитное поле. У Герца спросили: «А можно что-нибудь создать на основе Вашего открытия? Можно ли передавать эти радиоволны и ловить их на расстоянии?» Герц ответил: «Это невозможно, потому что антенна для приемника должна быть величиной с континент. А поскольку такую антенну построить физически невозможно, то мое открытие имеет чисто теоретическое значение. Никакого практического применения радиоволнам быть не может». То, на чем основывается современная наука, Герц открыл из чисто детского любопытства. Примерно такая же история произошла с

Фарадеем. Когда Фарадей на заседании королевской академии наук в Британии докладывал о своем знаменитом открытии: связи электричества и магнетизма, его спросили: «А какие-нибудь практические применения здесь могут быть?» Как известно, Фарадей даже несколько смутился – от таких уважаемых людей, академиков, такой глупый вопрос. Мы занимаемся познанием законов природы без какого-либо практического применения. И Фарадей, смутившись, сказал: «Вряд ли, но может быть можно будет детские игрушки делать». Т.е. тот принцип, на основании которого существует вся современная электроиндустрия, создавался без какого-либо практического интереса, просто как открытие законов природы. Ну, а о тех законах, которые открываются без всякой надежды на какое-то практическое применение, например, закон общей теории относительности, различные космологические теории – об этом даже рассказывать не стоит.

Подвожу итог сегодняшней лекции. Как мы видим, современная наука вырастает как следствие некоторых принципов христианского вероучения. Как говорят, наука есть одно из частных следствий христианства. Наука просто подтверждает истинность христианской веры, христианского учения. Когда я в самом начале говорил: «Обратите внимание на то, где возникает и существует наука», то это было не случайно. Наука возникает и существует в Европе, в христианских странах, у людей, которые мыслят согласно категориям сотворения мира Богом и управления им. Это, прежде всего, христиане и иудеи – те люди, которые признают Ветхий Завет. Конечно, наука не сводится ко всему христианству. Было бы странно сказать, что наука выводится из всех положений христианства. Христианство гораздо шире. Христианство – это общие учения о мире и о Боге. Наука – всего лишь небольшое частное приложение к тварному миру со стороны его познания человеком. Не более того. Никакого антагонизма науки и христианства быть не может именно по этой причине. По причине того, что наука есть следствие христианства. И когда говорят, что наука противоречит христианству, я все время задаю вопрос: назовите мне хоть одного действительного ученого XVII-XVIII веков, который выступал бы против христианства. Истинные ученые делятся на три плана: истинные христиане, такие как Галилей, Кеплер, Паскаль, Декарт, Лейбниц, Фарадей, Менделеев, Планк, Максвелл, Гейзенберг (творец квантовой механики), или люди, сочувствующие религии, или те, кому религиозные вопросы безразличны: они столь погружены в науку, что другие вопросы их не интересуют. Гейзенберг, в своей статье посвященной процессу над Галилеем, пишет, что, действительно, папа римский был прав, а Галилей

ошибался. Это говорит современный ученый. Галилей ошибался не в том плане, что Земля вращается вокруг Солнца. Церковь оказалась права в другом. Галилей ошибался в том, что он наивно верил во всемогущество науки. А Церковь его поправляет: «Подожди, наука более опасна. Не нужно без благословения Церкви творить и открывать новые законы. Ты еще увидишь, что будет». Гейзенберг за 10 лет до атомной бомбы говорил: «Мы уже видим, насколько права была Церковь, сколько вреда принесла наука». Сам Гейзенберг, если бы знал, к чему приведет открытие его принципа неопределенности, что на основе этого принципа будет построена атомная бомба, может быть, с детства пошел бы по другому пути. Я опять иллюстрирую, что среди христиан было больше всего истинных ученых. Второй лагерь – это люди, которые приходят к какой-то вере своим разумом. Это люди типа Эйнштейна. Их религия пантеистична или деистична. И третий тип ученых – те, которые безразличны к вопросам веры. Ни одного истинного ученого, который занимал бы откровенно враждебную позицию по отношению к христианству, я не знаю. Есть политики, есть философы, но ученых среди них нет. Маркс, Ницше, Фрейд, Сталин, Ленин – это не ученые.

О чудесах

Таким образом, никаких противоречий между наукой и христианством не существует. Все, что описано в книге “Бытия”, соответствует научным представлениям. Все, что говорили ученые в XVII веке, соответствует христианской картине мира. Все это замечательно. Но вот на самое-то главное внимания не обращаете и как бы упускаете, причем довольно часто. А ведь главное в христианстве – это не законы мира, не Шестоднев, не то, каким образом мир был сотворен и появилась жизнь, а главное в христианстве – это чудеса. Ведь сказано апостолом Павлом: «Если Христос не воскрес, то вера наша тщетна», т.е. в основе христианства лежит самое главное событие – Воскресение Иисуса Христа, что само собой является непосредственно чудом. И более того, все Евангелие насыщено описаниями, начиная от Благовещения и Непорочного Зачатия, за которыми следуют бесконечные цепи чудес, идущие за всей канвой трехлетнего служения людям Иисуса Христа, начиная от претворения воды в вино в Кане Галилейской (чудо хождения по водам, исцеление различных больных, слабых и прокаженных, слепых и т.д., чудо Преображения на горе Фавор) и до чуда Воскресения и телесного Вознесения. Ну и дальше в книге Деяний апостольских мы также видим чудеса, которые творили силою Господа нашего Иисуса Христа апостолы. Начиная с чуда Пятидесятницы – говорение на незнакомых языках – и заканчивая различными чудесами, которые творили апостолы, прежде всего, чудеса исцелений. Затем вся история Христианской Церкви на протяжении двух тысяч лет так же полна различных чудес, которые творили силою Креста, силою Господа наши многочисленные святые.

Но как же, спрашиваете вы, как быть с чудесами, что мы их должны отбросить? Ведь наука же на том и стоит, что законы мира неизменны, что чудес не бывает. А я вам в ответ на это скажу так. Я вчера говорил, что когда возникла наука в конце XVI – начале XVII веков, именно в эту драматическую для Европы эпоху пышным цветом расцвели различные языческие и оккультные учения, тогда люди типа Галилея, Кеплера и другие, создавая современное научное естествознание, выполняя, прежде всего, свою церковную миссию, борясь с оккультизмом, с магией и различными колдовскими учениями, старались доказать научным путем, что чудеса существуют. Это парадоксальное казалось бы утверждение. Но это факт. Из убежденности, что существуют чудеса, вырастает наша современная наука.

В первом томе русского перевода творений замечательного немецкого философа и ученого В. Лейбница есть приложение – переписка Лейбница и Кларка. Кларк был секретарем Ньютона, выдающегося ученого XVII века. Письмо Кларка читал и редактировал сам И.Ньютон, поэтому это фактически переписка Лейбница и Ньютона. Между ними много лет была оживленная дискуссия, и несколько писем друг другу они написали как раз по проблеме чудес. Два величайших ученых. Как часто бывает в науке, не обходится без скандалов. Но если вы знакомитесь с азами дифференциально-интегрального исследования, то знаете о так называемой формуле Ньютона-Лейбница, формуле, описывающей правило вычисления определенного интеграла. Но вот между Ньютоном и Лейбницем была, к сожалению, (история об этом говорит) даже не переписка, а судебная тяжба: кто первый открыл принцип интегрирования. Лейбниц утверждал, что он. Ньютон утверждал, что он. Судились, но ни к чему не пришли. История распорядилась по-своему, назвала интеграл правилом вычисления формулы Ньютона-Лейбница (через дефис), потому что они действительно пришли к этому независимо. Но кроме этого скандала, немного омрачившего их совместную жизнь, между ними была и серьезная научная дискуссия. В частности, когда они писали о чудесах друг другу, они не спорили о том, есть чудеса или нет. Они спорили о том, какова природа чудес. В том, что чудеса существуют, ни Ньютон, ни Лейбниц не сомневались. Ньютон, даже более того, в последние годы жизни отошел от науки. Все эти открытия трех законов: закон всемирного тяготения, интеграла и прочие – он не считал самыми важными делами своей жизни. Главное, считал Ньютон, – это понять самую чудесную книгу Библии, книгу Откровения Иоанна Богослова – знаменитый Апокалипсис, и последние главы пророка Даниила, также насыщенные апокалиптическими вопросами. И в последние годы Ньютон забрасывает научную деятельность, занимаясь толкованием этих двух книг Священного Писания, одна из которых Ветхого и одна Нового Завета. Оба эти человека были чрезвычайно религиозными. Ньютон был человеком блестящего ума. Лейбниц тоже был мудрейшим человеком, но главную свою задачу всегда видел в научном обосновании христианства. Вот такая небольшая иллюстрация.

Что же такое чудо? Проблема, которая возникает из наличия в мире чудес, сводится не только к тому, что некоторые современные ученые не верят в то, что существуют чудеса, и, наоборот, вся наука основывается на том, что законы мира неизменны, и поэтому чудес не бывает. Наличие в мире чудес наталкивается, как бы это не казалось странным при

поверхностном взгляде, на богословские проблемы. Ведь что такое чудо? Чудо, по богословскому взгляду на эту проблему, есть вмешательство Бога в ход событий. Но что же получается? Если мы прочитаем первую страницу Библии, то видим, что каждый день заканчивается словами: «И увидел Бог, что это хорошо», т.е. мир создан хорошо, но не с нашей точки зрения, а с точки зрения Бога. Зачем еще после этого вмешиваться? Вмешательство Бога означает, что в мире как бы что-то не доделано. Значит, мир был создан нехорошо. Тоже получается некоторая неувязка: или мир существует по каким-то своим независимым от Бога законам (такой неявный дуализм), или Бог создал мир так нехорошо, что каждый раз его будет переделывать, как автовладелец свой старенький «Запорожец», т.е. принципы, явно не вписывающиеся в стройную богословскую картину. Поэтому сложности возникают не только с научной точки зрения. Сложности возникают и с богословской точки зрения. И поэтому возникает всегда несколько крайностей. Особенно богата ими наша современная Россия. Вообще современный мир богат на крайности. Лет 15 назад был отменен диалектический материализм, отменена общая единая система мира в нашей стране, когда каждому предписывалось верить во всемогущество науки. С тех пор каждый волен верить во все, во что ему хочется. И поэтому в головах людей часто уживаются совершенно противоположные взгляды. А вот другие люди, более последовательные, можно считать, разделились на два плана.

Одни люди считают, что в мире действительно все закономерно, но будучи людьми все же нематериалистического склада ума и считая, что кроме материального мира существует мир духовный, тем не менее полагают, что все равно в мире все закономерно: и материя, и дух подчиняются всеобщим законам. В мире это называется наукой. В мире материальном эти законы исследует наука, в мире духовном также это исследует наука. Какая наука? Ну, здесь появляются различные взгляды. Мир духовный, духовные законы начинают именоваться кармой. Явления этого духовного мира приобретают свои названия, пришедшие в наш язык из восточного лексикона. Они именуются чакрами и т.д. Возникают такие псевдонауки, как астрология, валеология и прочие, которые предписывают подчинение всеобщим законам мира материального и духовного.

Другие же люди считают, что нет, нельзя говорить о всеобщей закономерности. Мир духовный – это мир свободных сущностей. Поэтому там нет никаких законов. Это мир существующий сам по себе. Это фактически сплошное чудо – чудо как неподчинение законам. Мир материальный также связан с миром духовным. Это опять же мир, полный

чудес. Никакой науки. Все это выдумки шарлатанов. На самом деле есть высшая истина. Высшая истина, показывающая превосходство человека над всем миром: и материальным, и духовным. Человек может управлять миром по своему желанию, по своей воле. Возникает оккультизм в разных его разновидностях, магия, колдовство, наведение порчи, снятие сглаза и т.д. по одному желанию некоего экстрасенса. Ну, а экстрасенсом сейчас может стать каждый человек. Заплатишь кругленькую сумму очередному умельцу, который научит тебя лечить по фотографии, предсказывать будущее по мыслям и т.д. Такая вот каша. А многие люди сочетают эти каши, не задумываясь о том, что они друг другу противоречат. Но в действительности, конечно же, мир материальный и мир духовный существуют. Но связь между ними не такая однозначная, как хотелось тем, кого я сейчас описал достаточно схематично, но, в принципе, достаточно правильно.

Материя всегда неподвижна и косна. Она сама не несет в себе принципов развития. То, что современный материализм и материалистическая наука считают законами свойством материи – это явное заблуждение, которое не имеет в себе даже научной основы. Мы вчера с вами убедились в том, что сама по себе наука вырастает из убеждения, что законы – это свойства мира умопостигаемого, мира духовного. Закон – это Слово Божие, которым Бог управляет миром. Поэтому материя сама по себе есть нечто косное, неподвижное, пассивное, а закон – это активное духовное начало, которое вмещивается в материю, управляет ею и упорядочивает ее, заставляет ее двигаться и развиваться. На этом принципе зиждется наука. Если современная наука считает, что материя имеет сама в себе свои законы, то это просто непонимание того, что такое закон, что такое сила и что такое наука. Это означает, что современная наука, начиная с середины XIX века, просто отошла от своих основ. Она забыла, откуда она сама растет, откуда происходит. Это все равно, что сын, родившийся от отца, вырастая и потеряв своего смертного отца, утверждает, что никакого отца у него и не было. Он думает приблизительно так: «Я сам по себе существую. Вот такой я есть и родился потому лишь, что сам этого захотел». С этим странным положением можно сравнить такое представление современной науки.

Так вот, закон есть свойство умопостигаемого мира, который управляет миром материальным. И поэтому для вас, для тех, кто немножко может размышлять, этот образ чуда становится более-менее ясным. Но прежде чем разобраться, давайте дадим определение чуда. Любое научное исследование начинается с определения. Как говорили схоласты, кто

хорошо определяет, тот хорошо мыслит. Обычные ошибки всегда происходят из-за того, что начинают рассуждать о какой-либо теме, не определив, как следует, исходное понятие. И вот здесь начинается самое интересное. Каждый человек, не чуждый научным изысканиям, понимает, что в вопросе определения всегда кроются самые большие сложности. Ну, мне казалось, что чудо – это настолько очевидное, самая очевидная вещь. Я думал, что определить чудо будет достаточно легко. Я помню: я делал доклад на конференции нашего Богословского института лет 7 назад о проблеме чудес и там предложил свое определение. Казалось, что оно очевидно. С тех пор я делал много докладов на очень спорные темы, всегда боясь, что сейчас набросятся, начнут критиковать. На какие бы спорные темы я не выступал, это всегда воспринималось достаточно спокойно. А здесь было очень интересно. Я выступал, будучи полностью уверен, что меня поймут, согласятся. И было такое смущение, что я буду говорить такие тривиальные вещи: это ненаучный доклад. До сих пор мне возражают, пишут, говорят, что я неправильно определил, что такое чудо. Сейчас говорят, это неправильная самооценка. То, что кажется очевидным, оказывается спорным; что кажется спорным, является, наоборот, очевидным для этих людей. Однако я до сих пор не понимаю того, что возник такой бурный спор. То, что я говорю, действительно очевидно, и я думаю, что вы тоже со мной согласитесь.

Чаще всего я слышу от студентов и сотрудников нашего института следующее возражение: «Вот, посмотрите, Виктор Петрович, любой учебник догматики, и вы увидите, что чудо определяется там, как воздействие Бога на тварный мир. Вот что такое чудо. Вот как нужно его определять». На я утверждаю, что это не определение. Часто мы слышим от людей неверующих фразы типа: «Я бы поверил в Бога, если бы были в мире чудеса, но ведь чудес нет, значит, нет Бога». Да, мы видим из этой фразы, что человек неверующий тоже понимает: чудо – есть воздействие Бога на наш мир. Но поскольку человек неверующий исходит из того, что Бога не существует, то он должен иметь некоторый другой критерий чудес. Он должен увидеть некоторое явление, понять, что это чудо, и на основании этого явления сделать вывод о существовании Бога. Связь чудес и Бога, безусловно, существует, но чудо должно говорить само за себя. Т.е. определение чуда должно находиться несколько в другой плоскости, понятной для любого человека: и верующего, и атеиста.

Вот когда я говорил о споре Ньютона и Лейбница, то пошел спор об определении, и Ньютон высказал точку зрения, согласно которой чудо есть редко встречающееся событие. Полностью такая точка зрения была

высказана еще известным древнеримским философом Цицероном, который также сказал, что чудо есть событие, которое редко встречается. Блаженный Августин иронизировал по поводу этой фразы Цицерона, сказав, что в таком случае и умный человек – это величайшее чудо. Действительно, много вещей встречается слишком редко. Но мы понимаем, что это далеко не чудо. Бывает, что снег где-нибудь в Египте может выпасть. Для египтян это может показаться чудом. Но люди, живущие в средней полосе, понимают, что это никакое не чудо. Это просто определенное стечение потоков ветров, которые привели к таким редким, необычным событиям. Конечно, чудо всегда бывает редко. Но это случайная акциденция, как говорится в философии, несущественное свойство. Чудо всегда встречается редко, но не все, что редко встречается, всегда является чудом. Действительно, люди часто связывают редкость с чудесностью. Кометы, которые прилетают на нашу Землю достаточно редко, на этом основании также считались чудесными явлениями. Но наука развивается. Сейчас каждый школьник понимает, что комета – это обычное небесное тело, имеющее неизвестную нам траекторию движения, но не более того. Все можно познать. Даже то, что бывает редко. Это очень сложно, но, тем не менее, возможно.

Лейбниц предложил другое определение, которое я совершенно разделяю и которое мне кажется совершенно очевидным, к тому же очевидным для всех людей. Чудо – есть явление, противоречащее законам природы. Возьмем, к примеру, закон Архимеда, согласно которому тело погружается в жидкость, и на него действует некоторая сила. Согласно этому закону, человек не может ходить по воде. Если мы видим глазами апостолов, что Иисус Христос идет по воде, то понимаем, что это чудо, ибо это событие противоречит законам физики. Если мы понимаем, что Иисус Христос, прикоснувшись рукой к глазам слепого человека, исцелил его, мы понимаем, что это чудо, потому что это противоречит законам физиологии, законам медицины. Мы понимаем, что если Иисус Христос своим словом воскресил четверодневного Лазаря, который уже начал смердеть, т.е. уже настали необратимые процессы, мы также понимаем, что это чудо, ибо оно противоречит законам медицины. Все остальные события: превращение воды в вино, Непорочное Зачатие, Рождество Девы – все это описывается именно этой очень простой и понятной формулировкой. Чудо всегда нарушает один или несколько законов.

Но вот удивительная вещь: сейчас существует много разных книг об апологетике, и во многих книгах я вижу такое неявное уважение к науке, что даже православные богословы боятся этой формулировки. Есть книга

профессора Андреева “Лекции по христианской апологетике”. Эти лекции были прочитаны в Свято-Владимирской Нью-Йоркской семинарии, где он утверждает, что чудеса не противоречат законам природы. В таком же ключе рассуждает известный английский англиканский философ и богослов Клайв Льюис в своей знаменитой книжке “Чудо”, переведенной на русский язык. Также очень я вам ее рекомендую. Андреев и Льюис исходят из другой концепции, что чудо есть несколько иное соединение законов. Вот, скажем, один из примеров, которые приводит Льюис. И тут известное чудо – превращение воды в вино. Никакого чуда в принципе здесь нет. Любой крестьянин вам скажет: «Это обычное событие. Я сам это делаю каждый год». Весной тает снег, идет дождь – есть вода. Эта вода через корни, через листья, через стебель проникает в виноград, затем виноград мы превращаем в сок. Этот сок начинает бродить, получается вино. Т.е. то же самое превращение воды в вино. Только здесь проходит почти год, а значит, Христос соединил этот год в одно мгновение. Законы те же самые. Просто время действия их иное.

Профессор Андреев привел другой пример. Если бы, скажем, сейчас вдруг самопроизвольно из кусков железа, валяющихся на улице, образовался паровоз, вы бы сказали, конечно, что это чудо. Но с другой стороны, никакого чуда здесь нет, потому что законы не были нарушены. Ведь когда человек делает из того же железа паровоз, он тоже действует по законам, тот же паровоз ездит по земле, также есть трение и прочее. Чудо состоит лишь в том, что это соединение произошло само по себе, а вот законы остались теми же самыми. Но здесь не обращается внимания на другое: чудо никогда не является нарушением всех законов. Чудо есть нарушение хотя бы одного закона, но этот закон оно нарушает. Когда я говорю о таком известном чуде, как хождение по водам, то мы помним, как написано это в Евангелии. Спаситель идет по воде, и апостолы видят волны, видят, как брызги летят из-под ног Иисуса Христа, т.е. все другие законы существуют. Есть волны, законы передвижения жидкости, законы гидродинамики. Все это существует. Эти законы не нарушаются. Нарушается один закон – закон оптики, по которому человек видит. Все это сохраняется. Поэтому чудо нарушает не абсолютно все законы, а какой-нибудь один или два, или несколько законов. Иначе человек не может сказать, что это событие является чудесным.

Поэтому я все же настаиваю на этом определении и я думаю, что вы со мной согласитесь, потому что оно является очевидным. Я бы так долго не сопоставлял, если бы не слышал слишком много возражений в свой адрес. Итак, поскольку законы природы есть вещь, в которой никто не

сомневается, и эти законы познаются науками, в сущности которых никто не сомневается, то любой человек имеет вполне ясный и очевидный принцип определения того, что некоторые события эти законы нарушают. Нарушаться могут не только законы гидродинамики или законы медицины, или законы электромагнитного излучения – любой закон может нарушаться. И тогда, проведя исследование, можем определить, скажем, на каком принципе основаны современные еретики. Атеисты критикуют различные чудеса. Говорят, вот, икона начинает мироточить. Верующие понимают, что просто так из ничего на стекле или на доске, на которой нарисована икона, благоухающая маслянистая жидкость появиться сама по себе не может. Это чудо. Атеист тоже понимает, что если эта жидкость появляется сама по себе, значит это тоже чудо. Поэтому он говорит, что никакого чуда здесь нет, потому что ночью пришел батюшка, намазал своим елеем или подвел там какую-то трубочку, которая там с другой стороны капает, или еще что-нибудь. Он тоже пытается объяснить это существованием вполне естественных связей. Атеист понимает, т.е. неявно соглашается именно с этим, иначе это будет нарушением закона. Также обстоит дело с другими различными чудесами: атеисты пытаются найти какие-то естественные механизмы реализации этих явлений.

Я специально поставил вчерашнюю лекцию перед тем, чтобы поговорить о чудесах. Теперь нам будет легко понять, что такое чудо, почему оно существует и почему наука в XVII веке боролась с оккультизмом, считая, что она борется за Христианскую Церковь, отстаивает право и возможность чудес на существование. Если чудо есть нарушение закона природы, а закон природы есть не что иное, как Слово Божие, которым Бог управляет миром, а Бог есть личность, имеющая кроме разума еще и свободную волю, то Бог может своим желанием, своей волей эти законы изменить. Он может их приостанавливать, может их вообще отменять. Закон не есть нечто существующее само в себе и само для себя. Это понятие закона противоречит самому принципу закона, который вытекает из самого понятия науки. Закон так же кем-то создается. Это разумная субстанция. Как наша мысль не существует без человека, без того, кто мыслит, так же и закон, как говорили в средние века, закон есть мысль Бога. Вот есть Бог, вот мысль.

Чудо возникает тогда, когда Бог отменяет или приостанавливает закон так, что мы наблюдаем явления, которые начинают течь совсем по-иному, чем они были до этого. Это очевидно для каждого человека. Даже неверующий человек, когда говорит: «Покажи мне чудо, и я поверю, что

Бог есть», никак не понимает, что именно таким вот образом возможно вмешательство Бога в настоящий мир. Поэтому я вам и рассказывал, что ученые XVII века, создавая современную науку, говорили: «Если мы докажем, что существует закон в природе, мы тем самым докажем, что существуют чудеса», как говорили в средней школе: нет правил без исключения. Пример по такому же принципу. Если есть закон, значит, есть и его исключение, есть его нарушения. Значит, неправы различные колдуны, маги и оккультисты, которые утверждают, что природа жива, что все существует согласно каким-то магическим свойствам и желаниям самого человека. Есть законы, которые не зависят от человека, законы, которым сам человек подчиняется. И человек подчиняется также и нарушениям этих законов, нарушения происходят от Того, Кто эти законы устанавливает. Поэтому сам проект чуда не только не противоречит науке, а наоборот, вырастает из тех же истоков, из каких вырастает и современное научное естествознание.

Но опять же вы мне можете сказать: «Замечательно, все хорошо, все очень красиво, даже может быть соответствует исторической канве. Ну, а где же чудеса? Чудес ведь все равно нет. Мало ли что люди могут придумать! Выдают желаемое за действительное. Раньше люди темные были, не понимали много чего. Теперь-то мы понимаем. Мы обладаем научным знанием». Отсюда возникает такая точка зрения, которая основывается еще на одном понимании чуда, таком чисто атеистическом. Чудо есть явление до конца не познанное. Мы не знаем, как объяснить некоторое событие, и говорим, что оно чудесно. А потом узнаем его и говорим, что здесь ничего чудесного нет, все понятно, все разумно. Часто человек не может отличить непонятное явление от действительно чудесного. Нужно иметь серьезный аналитический ум, большие научные познания, чтобы иметь четкий критерий отделения непознанного от действительно чудесного. Но не нужно, как говорится, иметь семь пядей во лбу, чтобы сказать, что если кирпич, лежащий на земле, вдруг самопроизвольно поднимется вверх и начнет летать, то нетрудно понять, что это действительно есть чудо. Даже если мы забыли формулу закона всемирного тяготения, то, тем не менее, прекрасно понимаем, что все тела падают на землю, если они тяжелее воздуха. Этого достаточно, чтобы сказать: если кирпич вдруг летает сам по себе безо всяких технических ухищрений, то это чудо. Поэтому существует вполне четкий критерий. И как бы мы не старались расширить свое познание в данной области, все равно летающий или плавающий кирпич – это явление чудесное. Но ни летающих, ни плавающих кирпичей, вы скажете, не существует.

Иногда люди верующие начинают упрекать: «Если есть чудеса, покажите нам». Иногда слышишь такой ответ: «Сейчас другое время. Чудеса были тогда, когда жил на земле Иисус Христос, когда были апостолы, когда была непосредственная благодать. Тогда были чудеса, а сейчас, ну, время такое. Мы с вами такие. Мы виноваты: у нас нет веры. Поэтому и чудес нет. Чего требовать от нас грешных». Эта точка зрения имеет право на существование. Ведь действительно, если мы внимательно читаем Евангелие, на что, прежде всего, обращаем внимание? Чудес в Евангелии, как ни странно, очень мало. Гораздо меньше, чем нам хотелось бы. Первое чудо – превращение вина в воду на свадьбе в Кане Галилейской оговаривается чем? Когда подходят к Иисусу Христу говорят: «Вино на свадьбе кончилось, надо бы еще». Гости грустят. Что говорит Иисус Христос: «А я Бог, мне это запросто. Сколько вам вина сделать»? Нет, Он говорит: «Время еще не пришло. Не буду этого делать». И только лишь, когда уговорила Его Мать, Он согласился тайком, чтоб никто не знал: пусть теперь будет вино, как будто хозяин запаса. Когда к Нему подходили на улице и говорили: «Господи, излечи нас, меня или моего раба, сотника или мою дочь», что Он спрашивал, прежде всего? Веры? Правильно. Если Он видел, что у человека есть вера, тогда он творил чудо. Веры нет? Не будет чуда. Первоначально требуется вера в то, что чудо возможно, тогда чудо творится. Если веры нет, то чудо не творится. Такой пример. Распятие. Спаситель висит на кресте. Что кричат солдаты? «Если Ты, Бог, сойди с креста. Спаси Себя и нас». Такая насмешка. Ну, действительно, если Ты Бог, то все это очень просто сделать. У них веры нет. Он этого не делает не только потому, что это нужно по другим более серьезным причинам. Спаситель должен был искупить грехи человечества. Это, конечно, главная причина. Но в том числе существует и другая, психологическая. Сначала должна быть вера, а потом только чудо.

Вот я хотел об этом поговорить. Если бы Евангелие было придумано людьми, как бы вы думали, чем Оно закончилось скорее всего? Как заканчивается хороший роман. Христос воскрес, пришел в синедрион, пришел к Пилату, сказал: «Ну что, получили? Слабо?» Не пришел ни к тому, ни к другому. И даже не сказал, и даже не просил передать. Они так и остались с убеждением, что Его тело похитили. Нет веры – нет чуда. Он даже апостолам не явился. Он является им путником, идущим в Эммаус. Он с ними разговаривает, слушает о том, какие события произошли. И потом, когда Он услышал, что они действительно верят, что Иисус Христос воскрес, тогда Он сказал: «Это Я и есть». Т.е. всегда от самого первого до самого последнего, всегда в начале лежит вера. Дело не в ней,

дело в нас. Потом эта точка зрения совершенно правильна: чтобы увидеть чудо, нужно иметь веру. Вот замечательная притча о богаче и Лазаре. Лазарь попал в рай, а богач попал в ад. И богач ощущает страдания, жаждет и видит Лазаря, наслаждающегося в прохладе. Он просит Бога: «Отпусти меня в мир, я скажу своим друзьям и родственникам, чтобы они не делали того же, что делал я, чтобы они после смерти не мучались в аду, как мучаюсь я». Что говорит Бог? Он говорит: «Вы не слышали. Я посылал пророков, вы не слушали их, поэтому, если и мертвые воскреснут, вы не поверите». Совершенно правильно! Человек прежде должен иметь веру. Если веры нет, даже если четырехдневный, даже стодневный человек воскреснет, неверующий человек будет искать естественные причины. Он никогда не поверит. Он всегда будет искать какие-то такие непознанные еще законы, которые нужно как-то объяснить. Поэтому нужна, прежде всего, вера.

Никогда нельзя говорить, что чудо лежит в основе веры. Наоборот, вера лежит в основе восприятия чуда. Опять же, я думаю, что мы с вами еще об этом поговорим. Но основное свойство веры – это свободный акт человека. Вера всегда свободна. Вера не может быть насильственной. Нельзя заставить человека поверить. Если человека заставляют верить, то нарушают его свободу, а основное свойство человека, сближающее его с Богом – наличие в человеке свободы. Так вот когда человека заставляют поверить в Бога, это означает, что его лишают свободы, ставят человека на уровень животного, а заставить можно ведь по-разному. Заставить можно, являя чудо. Таким образом, Бог являл бы насилие над человеком. Он насильно заставил бы его поверить, а это уже насилие над человеком, насилие над его свободой. Именно таков философский смысл слов Спасителя, когда в начале Он требовал веры, а потом являл чудо. Но все же Спаситель понимает, что человек слаб, и иногда нужно дать хотя бы небольшую помощь ему, чтобы он понял, что чудеса существуют. Как скажем с апостолом Фомой, который говорил, что не поверит ни за что, что Иисус Христос воскрес. Господь сказал: «Вложи персты твои в раны Мои». Он вложил и сказал: «Да, Ты Господь мой и Бог мой! Я истинно вижу, что эти раны не кажущиеся, а реальные. Я могу пальцами своими их пощупать, увидеть ребра, увидеть кровь».

Вот так же и мы с вами, подобны Фоме, в отличие от других, как сказал Спаситель: «Что вложил ты, Фома? Ибо ты увидел и уверовал. Но блаженны те, кто не увидели и уверовали». Этот путь тоже возможен. Есть такая небольшая брошюрка “Уверение Фомы” с подзаглавием “Симфония веры и знания”. Тоже физик по образованию, сотрудник физфака МГУ,

рассматривает здесь некоторые физические аспекты, соотношения их с православным богословием. То, о чем мы с вами сейчас говорили, тоже является возможным путем, путем, по которому, как принято говорить в православной традиции, шел Фома – вера от видения. Это то, чем мы с вами занимаемся, апологетики. Это всегда тот путь, по которому Церковь тоже позволяет идти, ибо как сказал апостол Павел: «Вечная сила Его и Божество от создания века в творениях видимы». Только надо уметь смотреть на творения, уметь смотреть разумными человеческими глазами, а не глазами животного, которое ничего не понимает.

Поэтому я утверждаю, что чудеса существуют, и чудеса очень легко увидеть. Чудес полно. И даже сейчас мы с вами можем, никуда не выходя из этой комнаты, назвать десятки, сотни различных чудес, к которым просто привыкли. Почему я начал с определения? Потому что психологически человек часто исходит из концепции, что чудо – действительно редкое событие. Вот если мы не видим летающих камней, то понимаем: если бы камень полетел, то было бы чудо. А если бы камни летали каждый день, что тут чудесного? Ну, камень полетел. Ну, еще один полетел. Осень настала. Стаи камней собираются в теплые края. Мало ли что происходит. Привыкли бы так же, как мы привыкаем к различным чудесам, не понимая того, что это чудо.

Мы даже не задумываемся, и даже многие православные верующие не задумываются над теми мудрыми словами, которые говорятся отцами Церкви. В Евхаристических канонах на литургии слово “чудо” очень часто употребляется. Мы понимаем, что оно затаскано. Мы думаем, что это образное выражение, какое-нибудь литературное сравнение, а ведь все, что в Церкви сказано, имеет истинный смысл. Сказано, что человек – это чудо. Хотя мы думаем, что никакого чуда нет. Ведь человек произошел от обезьяны в результате эволюции, естественных законов?! Однако человек действительно есть чудо. Но не только человек – это чудо. Существование мира само по себе – это чудо. Существование этого стула, на который я опираюсь – это чудо. Существование этой книги – это чудо.

Все, что мы сейчас видим – это огромное множество законов. Но все это множество законов подчиняется трем основным. Как, скажем, в государстве есть законодательство, которое основывается на Конституции. Так и в физике есть своя конституция, есть свои частные законы. Эта физическая конституция сводится к так называемым трем началам термодинамики. Есть первое начало термодинамики – закон сохранения и превращения энергии, открытый Лейбницем. Второе начало термодинамики – закон возрастания энтропии, открытый Карло

Клаудисом и Больцманом в середине XIX века. И третье начало термодинамики – закон недостижения абсолютного нуля. Вот это основные законы, на которых держатся и все остальные.

Особый интерес для нас представляет второе начало термодинамики, которое гласит: все процессы в естественных системах протекают с увеличением энтропии. Энтропия – это некоторое математическое понятие, обозначающее меру беспорядка. Иначе говоря, все процессы в естественных системах протекают в таком направлении, что беспорядок в них увеличивается. Это настолько очевидно, что даже, как говорится, не хочется называть это законом. Действительно, стоило больших усилий, чтобы в середине XIX века это явление перенести на язык математики и сформулировать в виде закона. Любой человек это понимает. Можно привести такое сравнение. У нас есть некий дачный дом. Мы привезли к нему осенью груды кирпича и оставили до весны. Если мы приедем через несколько месяцев, то вероятность того, что мы увидим две груды кирпича: вместо домика и привезенной нами груды – вполне есть. Но вероятность того, что мы увидим два домика, настолько мала, что о ней можно даже не говорить. Из груды кирпича сам по себе домик не построится. Такого даже самый оптимистичный оптимист себе представить не может. Мы понимаем, что надо нанять строителя, пристроить флигель или надстроить второй этаж, или построить другой дом. Сам по себе порядок в мире не образовывается. Все идет только в сторону разрушения.

Интересна история создания этого закона. Когда австрийские физики Клаузиус и Больцман пришли к этому закону, то они, будучи верующими христианами, признавали, что мир сотворен Богом. Они, правда, были деистами. Они считали, что Бог сотворил мир, Бог дал миру законы и дальше в него не вмешивается, т.е. такая деистическая позиция. Второе начало термодинамики – это закон, которому подчиняется настоящий мир, а одна из формулировок второго начала термодинамики, одно из следствий гласит: все процессы в мире протекают таким образом, что все виды энергии переходят в тепловую. Иначе говоря, тепло может передаваться только лишь от теплого тела к холодному, но не наоборот. Есть еще следствие – о невозможности существования вечного двигателя. Масса следствий из этого. Физика – слишком разветвленная наука, поэтому не будем говорить об этом.

Отсюда и вывод, который сделали австрийские физики о будущей тепловой смерти Вселенной. Поскольку, все процессы в мире протекают с увеличением беспорядка, то со временем наступит тепловая смерть

Вселенной. Все виды энергии превратятся в тепловую и не будет ни электромагнитной, ни потенциальной гравитационной энергии – ничего. Все развалится на атомы. Что такое тепловая энергия? Это движение. Вот атомы будут хаотично двигаться. Наступит тепловая смерть. Не будет звезд, планет, жизни. Будет полный хаос.

Когда Энгельс узнал об этом выводе этих австрийских физиков, он сказал, что это чушь. Этого не может быть, потому что этот закон предполагает сотворение мира Богом. Понятна логика Энгельса. Энгельс исходил из того, что мир вечен. Если мир вечен, то тепловая смерть должна была уже наступить. Но она не наступила. Значит, никакого второго начала термодинамики нет, потому что это следствие вполне правильное, если закон открыт правильно.

Значит, или нужно предположить сотворение мира – то, что мир существует пока что ограниченное время, или неправильность этого закона. Время показало справедливость физиков, а не материалистов. Закон действительно существует. Он имеет математическое выражение и сохраняет общий статус, которому подчиняются все тела, все явления, все процессы.

Но, тем не менее, мы также видим огромное количество нарушений этого закона. Вот первое начало термодинамики – закон сохранения и превращения энергии. Может ли человек нарушить этот закон? Нет, даже человек не может нарушить. Как бы мы не старались, мы всегда можем взять одну энергию, переработать ее в себе и обратить ее в другую энергию. Энергии не меняются.

Но человек удивительное существо. Оказывается, он может спокойно нарушать второе начало термодинамики. Не нужно знать физики, не нужно быть гениальным и умным человеком. Нужно быть простым работягой. Нужно взять немного раствора, некоторые строительные инструменты и кирпичи. Даже не нужно быть строителем, просто сложить кирпичи аккуратно. Это уже нарушение беспорядка, это уже упорядочение. Уже человек нарушает этот закон. Но может ли человек нарушить другой закон? Вообще нет. А вот этот закон человек спокойно нарушает. Мы все его нарушаем, причем не задумываемся об этом. Мы каждый момент творим чудо. Вот вы сейчас пишете буквочки. Это чудо. Вы пишете их в определенном порядке. Беспорядочные чернила, пасту, гель вы приводите в некоторый порядок. Это есть чудо. Человек нарушает этот закон. Почему? До сих пор никто не знает? Единственный ответ – воля Божья. Потому что в данном случае Господь оставил человеку, даже поврежденному первородным грехом, маленькую способность, чтобы он

видел, не забывал, что он образ Божий. Он не просто тварь дрожащая. Он правду имеет, говоря словами Достоевского.

Но не только человек – чудо, величайшее чудо – вообще существование мира: то, что мир существует и не разваливается. Приведу вам еще пример чуда, которое мы с вами таковым не считаем. Сейчас весна, потеплеет. Многие из вас поедут на дачи и будут творить чудеса просто в массовом порядке. Каждый из вас приедет на дачу, возьмет семечко – кто морковки, кто репы, кто редиски, сельдерея, укропа – и бросит в землю, и уйдет, не задумываясь над тем, что творится величайшее чудо: само по себе нарушается второе начало термодинамики. Есть хаос, есть вспаханная беспорядочная земля. Опускается туда семечко, маленькое или большое, и происходит удивительное событие: частицы земли приходят в движение, причем не просто в движение, а в очень упорядоченное движение – в зависимости от того, какое семечко брошено. Эти частицы становятся частями корня, стебля, листьев, цветков, плодов. Получается удивительное упорядоченное, красивое творение, а часто еще и вкусное.

Мы съедаем спокойно огурцы, морковь и репу, не задумываясь, что дальше происходят такие же чудесные события. Частицы этих овощей превращаются: что в печень, что в мышцы, что в волосы, что в ногти. Опять же все знает свое место. Все идет с очевидным нарушением второго начала термодинамики. Вообще жизнь сама по себе есть процесс нарушения этого закона.

У известного немецкого физика Шредингера есть книжка, которая так и называется “Жизнь с точки зрения физики”. И он показывает, что жизнь, с точки зрения физики, существовать не может, ибо все процессы в живых организмах происходят с нарушением законов физики, прежде всего, этого второго начала, ибо они происходят с увеличением порядка, процесса обратного. Поэтому существование жизни – это все равно, что плавающие камни, плавающие топоры, о которых я говорил несколько минут назад. Но мы привыкли к этим плавающим камням: к растениям, к животным и к нам самим. Мы создаем науки, которые называем биология, физиология, медицина, не понимая, что с точки зрения физики это лженауки. Они основываются на нарушении законов, а если это нарушение законов – это чудо, строго исходя из определения.

Обращаю ваше внимание. Еще раз возвращаюсь в конец первой нашей лекции, к первым строкам книги Бытия. Там есть одно слово. По-еврейски оно звучит “бара”, по-русски оно переводится как “сотворил”. Так начинается, как вы помните, Ветхий Завет: «Вначале сотворил Бог небо и

землю». Слово “сотворил” вообще очень редко употребляется, обычно слово “создал” и прочие.

На богословском языке, в этом заключается разница, когда пишут о творении из ничего. Создание – это создание из уже имеющегося материала. Когда пишут “сотворил”, имеется в виду творение из ничего. Второй раз употребляется слово “сотворил”, когда речь идет о сотворении жизни. Для того чтобы появилась жизнь, недостаточно существования только лишь материи. Нужно привнесение еще иного начала, не существовавшего ранее, но нарушающего те законы, что управляют нашим миром.

И третий раз употребляется слово “сотворил”, когда говорится: «Сотворим человека по Образу Нашему» – человека, который сам может нарушать вот это начало термодинамики. Разум, душа человека – это тоже начало, которое необходимо сотворить, это начало, возвышающиеся над мирозданием. И это все уже было сказано в Библии. Вот эти три принципа: мир, жизнь и сознание. Они не вытекают один из другого, они наслаиваются. Необходим творческий акт для каждого из них. Жизнь не выводима из физики, сознание не выводимо из жизни. Для появления каждого из них необходим божественный творческий акт и, кроме того, необходимо шире открыть глаза, чтобы посмотреть на наш мир разумными глазами. Мы действительно увидим, что это так, что чудеса есть, они действительно существуют, но потом к ним привыкают.

Вот Лейбниц, он мне очень нравится, это очень умный философ. Он сказал, что есть два вида чудес: чудеса постоянно встречающиеся и чудеса редкие. Само существование мира есть чудо. А есть чудеса редкие, которые действительно являются чудесами. И опять же эти редкие чудеса также присутствуют. Мы их видим, но не замечаем их, потому что мы слепы. Каждому православному христианину известно о величайшем чуде – о чуде Евхаристии, чуде, которое происходит на литургии, чуде превращения вина и хлеба в Кровь и Тело Христовы. Неверующий человек, конечно, говорит, что все это ерунда, что человек на причащении съедает кусочек хлеба, запивая его вином. Ничего чудесного здесь нет: и запах и, вкус точно такой же, как у обычного хлеба и вина.

Не знаю, правда это или нет, но легенды говорят, что Володя Ульянов, молодой еще, поспорил со своими друзьями о том, что после причащения он не проглотит Святые Дары, а, выйдя на улицу, в присутствии своих друзей, их выплюнет на землю. Не знаю, правда это или нет. Это вполне возможно. От этого человека, действительно можно такого ожидать. Но наша православная вера состоит именно в том, что мы действительно

понимаем, что мы принимаем: принимаем Тело и Кровь Христовы.

Но даже не веря в это, мы, тем не менее, все равно сталкиваемся с другим чудом, которое постоянно. По сравнению с этим главным чудом – оно рядовое событие, но для нас людей слабых это чудо заметно и более очевидно. Вот представьте себе, что такое Причащение? Я понимаю, что, может быть, здесь не все люди церковные, но есть и церковные, которые причащаются сами и знают, как это происходит. А если люди нецерковные, то, наверное, слышали об этом и знают. Мы понимаем, что человек слаб, и причащаемся мы не так уж и часто. Ну, сейчас Великий пост, слава Богу, что каждый из нас находит время, хотя бы один раз в году причаститься Великим постом в Великий четверг. Но бывает время, когда человек не может причаститься. Вот человек заболевает, приносят ему причаститься, тогда он выздоровеет. Поэтому процент больных среди причащающихся гораздо больше, чем в среднем по городу. В храм идут больные. В церковь человек идет тогда, когда ему плохо, в том числе и физически. Священник не спрашивает справки, не ставит в очередь – сначала здоровые, а потом больные. Причащаются все из одной лжицы. Эта лжица (ложка) не моется, не кипятится после каждого из причащающихся. Все причащаются. В Св. Великий Четверг причащающихся из одной Чаши может быть, как в Москве, сотни: маленькие дети, старики, старушки, у которых десятки различных болезней уже. Например, с гриппом пришли, с чем угодно. Случаи исцеления я знаю, в том числе и по себе. Случая заражения не знаю ни одного. Если бы люди заражались, то человечество за 2000 лет существования Христианской Церкви просто перестало бы существовать. В различные эпохи эпидемии чумы, холеры, когда люди толпами шли в церковь к защите от этих напастей, они также причащались все вместе. Люди бы вымерли, а священники в первую очередь, потому что священник всегда по канону облизывает лжицу после всех причастившихся. Священники первые бы вымерли. Они обязаны каждый раз после литургии, после всех лжицу облизывать. Происходит явное чудо – чудо нарушения закона передачи инфекции. Попробуйте поесть в столовой из одной ложечки. Что с вами со всеми будет? Не хочется даже об этом думать. А здесь нормально. Да мы даже об этом и не задумываемся. Как раз этот аргумент я высказал в споре с одним атеистом. Он мне ответил: Ну, что ты, это же просто ложечка серебряная. Серебро убивает инфекцию», на что я возразил: «Очень легко вы все думаете. Если бы так было легко убивать серебром инфекцию, тогда не надо было бы никаких других научных приспособлений. Сделали бы небольшие серебряные

накладки для каждой трубы в воде. Не надо было бы хлор добавлять и прочее, фторировать воду». Тем более, что серебрянные лжицы и сосуды дороги и огромное большинство их делается из более простых материалов.

Отвечу на вопрос, который прозвучал из моих уст, но ответ, на который я не произнес. То, что чудеса возможны и необходимы с научной точки зрения. Я сказал, что существует проблема богословского обоснования чудес, что чудо представляется неразумным с точки зрения создания мира Богом, что чудо – это как бы латание мира. Ответ на этот кажущийся затруднительным вопрос достаточно прост. Чудо существует, во-первых, в мире, поврежденном грехом. Как сказано, после грехопадения вся тварь стенает и мучается донныне. Т.е. первородный грех человека повлиял не только на его собственную природу, но и на природу всего мира. Об этом мы поговорим впоследствии, поскольку это положение кажется довольно странным. Вообще христианство во многом кажется странным. Но сразу, чтобы развеять некоторые иллюзии, а иллюзиями полны головы современных людей, скажу, что позиция здравого смысла не всегда означает правильную позицию. Наоборот, правильная позиция, научно обоснованная позиция – это всегда позиция, не совпадающая с позицией здравого смысла. Приведу слова одного из физиков XIX века. Он спросил о том, что случилось с одним его учеником, и ему ответили, что он стал поэтом. Он сказал: «Да, конечно, у него слишком мало фантазии, чтобы стать физиком». Понимаете, ученый действительно должен быть гораздо более сумасшедшим, чем поэт, ибо действительность противоречива, парадоксальна и совершенно отличается от наших кажущихся здоровых представлений. Классический пример – это вращение Солнца вокруг Земли, которое мы реально наблюдаем, и представление о том, что Земля находится в центре Вселенной. Именно это нам говорит здравый смысл. Мы совсем недавно узнали, что все не так. Земля вращается, а Солнце покоится относительно Земли.

Говоря о современной физике, о квантовой механике, о теории относительности, можно увидеть там столько противоречий, столько парадоксов! Каждый из вас может взять научно-популярные брошюры, почитать и посмотреть. Поэтому вообще критерий истинности учения, состоит не только из логичности, хотя логичность, безусловно, должна присутствовать, но и расхождения со здравым смыслом. Если все укладывается в рамки здравого смысла, то тут же надо насторожиться и подумать, что слишком все складно. Наверное, все это придумано. Действительность не может быть слишком уж плоской. Эта вот черта как раз и отличает христианство, оно не укладывается ни в какое прокрустово

ложе, и об этом мы будем говорить. Христианство нельзя придумать, в отличие от других религий, которые вполне могли укладываться в рамки понятности, здравости и полной логичности. Но об этом мы также будем говорить.

Опять поговорим о поврежденности мира сего вследствие первородного греха, который совершили лишь двое наших прародителей. Вследствие поврежденности нашего мира и возникает необходимость наличия чудес в мире. Как чудеса именуются на церковном языке? Не на церковно-славянском языке, а вообще на церковном языке? Часто вместо слова “чудо” употребляется слово “знамение”.

И еще один аспект – чудеса истинные и ложные. Истинные чудеса – это чудеса, которые творит Бог, а ложные чудеса – это чудеса, которые творит сатана. И те, и другие – чудеса. Они противоречат законам природы. Но одни чудеса – истинные знамения, они направлены на спасение человека, а другие чудеса – ложные, они направлены с целью осуждения, с целью заполучения души человека в дьявольские сети. Поэтому чудеса существуют не с целью латания природы, как это казалось бы, а с целью спасения человека. Чудеса существуют только лишь для человека. Чудеса – это всегда знамения. Саму по себе природу латать не надо. Вот такое замечание, о котором всегда надо помнить.

Возникновение жизни

Сейчас мы с вами поговорим более подробно о том, чем мы завершили предыдущую лекцию. Мы говорили о жизни, о биологии. Немножко более подробно поговорим об особенностях жизни, о том, как происходит жизнь, что такое эволюция и как быть с этой наукой. Действительно ли наука доказала, что жизнь происходит самопроизвольно, что эволюционно порождаются виды, что человек произошел от обезьяны, и поэтому библейское представление является наивным и сказочным? Сразу скажу, что единой церковной позиции по этому вопросу не существует. На Западе католики долгое время противились теории эволюции. Знаете, в Штатах даже в начале века были судебные процессы, где обсуждалось преподавание в школах эволюционной теории Дарвина. Но в последние годы западная церковь, особенно католическая, начинает занимать более лояльную позицию по сравнению даже с церковью протестантской. Вот лет пять назад была даже не энциклика, а просто папское послание об эволюции, где папа римский высказал, что эволюция – это лишь одна из научных гипотез, которая имеет право на существование. Она ничего не доказывает, ничего не опровергает. Она не вмешивается в дела церкви, не опровергает существование Бога, и таким образом можно объяснить возникновение мира, не противореча Священному Писанию.

В нашей Православной Церкви также существуют различные точки зрения. Есть сторонники эволюционизма, наиболее известным из них является дьякон А.Кураев. Есть противники эволюционизма, например, священник Тимофей, о книге которого я вам вчера говорил (“Православное мировоззрение и современное естествознание”). Но дело не в этом. И о. Андрей, и о.Тимофей – это православные люди. Я не сомневаюсь в искренности их веры. И та, и другая теория – и эволюционизм, и креационизм – могут существовать и в рамках христианского вероучения, и в рамках современной науки. Креационизм утверждает, что все было сотворено сразу в течении шести дней. Никаких длительных эволюционных процессов, насчитывающих миллионы и миллиарды лет, не было, и наука это подтверждает. Ну, а эволюционизм утверждает совершенно обратное. Я не буду занимать ничью позицию. Мне всегда нравится вовлекать в споры креационистов, хотя в душе я остаюсь сторонником эволюционной теории. Хотя не могу – я не биолог, не геолог, не палеонтолог – опровергнуть позиции креационистов. Вопрос

действительно остается открытым.

Вопрос о возникновении жизни, можно вкратце разделить на 3 основных блока:

1. Вопрос о возникновении жизни.
2. Вопрос о возникновении видов, т.е. теория эволюции Дарвина.
3. Вопрос о возникновении человека.

Вот так по порядку и постараемся эти вопросы рассмотреть. Почему-то считается в современной, атеистически направленной, науке, что если будет доказано, что жизнь может возникнуть самопроизвольно, значит, она самопроизвольно и возникла. Само по себе это утверждение уже достаточно странное. Представим себе ситуацию на суде. Некий убийца, т.е. человек, которого обвиняют в убийстве, утверждает: «Этот человек мог себя убить самостоятельно? Мог! Значит, он себя самостоятельно и убил». Если возможно, значит, необходимо. Если по такой логике судить, то ни одного человека никогда не удастся обвинить ни в каком преступлении. Человек мог потерять деньги? Мог! Значит, он сам потерял. Никто у него не воровал. В эволюционной же науке положение: могло, значит, так и было, считается вполне нормальным. Начнем хотя бы с того суждения. Допустим, что могло произойти возникновение жизни самостоятельно. Но это еще ни о чем не говорит. Это еще не говорит о том, что оно самостоятельно и происходило. Посмотрим теперь: действительно ли оно могло быть самостоятельным. До сих пор в биологии наиболее влиятельной является концепция академика Опарина, которая предлагает следующий механизм возникновения жизни. Земля, когда была молода, была достаточно теплой. Это была планета, покрытая большей частью водой, и происходили различные геологические процессы, вулканические процессы, гром и молния металась и т.д. Шла активная геологическая жизнь. И вот, утверждается в этой гипотезе, в воде присутствовали различные атомы, молекулы. Из-за этих бесконечных вмешательств различных процессов, прежде всего, молнии, происходили различные комбинации. Молекулы начали перемешиваться, соединяться хаотично, т.е. процессы шли случайно. В результате многих и многих тысяч миллионов лет, в результате таких вот случайных сочетаний случайно образуются молекулы ДНК. И дальше вот почему-то все. ДНК образовалась, и дальше почему-то считается, что все нормально, процесс пошел.

Я вас уже предупреждал не поддаваться магии больших чисел. Почему, если за 1 минуту или за 1 час ничего произойти не может, то за миллионы лет эти же самые события вполне могут произойти? Почему,

если кирпич лежит на дороге час, день и год, и ничто его не заставит подняться вверх, то мы допускаем, что если он будет лежать миллион лет, то в какой-то момент вдруг он полетит? Ну, какая разница? Один день или миллиард лет. Законы есть законы. Они не зависят от времени. Для законов, что миллиард лет, что один миг – это одно и то же. Но вот в области эволюции почему-то эта магия больших чисел всегда действует. То, что мгновенно не бывает, за миллиард лет происходит. Это успокаивает. Хотя именно успокоение – это не научный аргумент. Далее вспоминаем то, о чем говорили на прошлой лекции, – о втором начале термодинамики. Атомы, которые плавают в этом первоначальном так называемом первобытном периоде, подчиняются второму началу термодинамики. Сами по себе они ни в какие сложные образования, тем более, в столь сложно упорядоченные построения, как молекулы ДНК, образовываться не будут. Если даже случайно произойдет с ними какая-то реакция соединения, то следующие процессы будут направлены в соответствии с этим же законом. Молекула образуется, через мгновение она разваливается, если нет никакой внешней духовной силы, которая будет ее поддерживать. Поэтому опять же это маловероятно.

Ученые подсчитали, какова вероятность того, что просто чисто случайно процесс приведет к тому, что эти атомы соединятся в молекулу ДНК. В одной книжке я прочитал такой пример, что вероятность того, что атомы случайно соединятся в молекулу ДНК такова, какова была бы вероятность того, что если посадить обезьяну за пишущую машинку, и она случайно наберет роман Толстого, барабана своими лапами или пальцами по клавиатуре этой пишущей машинки. Другой пример такого же типа: если взять типографские литеры, подняться на Эйфелеву башню и сбросить их, и они, перемешавшись и упав вниз, опять же обнаружат собой собрание сочинений Бальзака, то такова и возможность самозарождения жизни. Тоже вероятность есть.

Посчитано, что такая вероятность настолько ничтожна, что возраста не только Земли, но и Вселенной недостаточно, чтобы эта вероятность реализовалась. Наша Вселенная должна существовать раз в сто больше, чтобы реализовать вероятность образования всего лишь одной молекулы ДНК. Мы знаем законы редупликации молекулы ДНК, знаем, что для того, чтобы образовались следующие молекулы ДНК, нужно, как минимум, две молекулы ДНК. Так? Так. Известная вам спиралевидная структура, т.е. вероятность увеличивается еще на один порядок. Должны случайно образоваться две молекулы ДНК, чтобы процесс, так сказать, пошел.

Но этого мало. Нужна питательная среда обитания, чтобы молекулы

эти существовали. Любые процессы идут с поглощением энергии. Сам по себе процесс образования молекулы не может идти без помощи энергии. Энергия на Земле существует в виде солнечной энергии, или какой-нибудь другой тепловой, т.е. нужен некоторый механизм передачи энергии от Солнца к этим молекулам ДНК. В растениях этот механизм вполне известен – это хлорофилл. Он поглощает солнечную энергию и переводит ее в энергию растительную. В хлорофилле этой функцией занимаются митохондрии, т.е. получается замкнутый круг. Для того чтобы молекулы ДНК могли развиваться, должна уже существовать форма, которая находится в этих клетках хлорофилла. Уже должны существовать организованные митохондрии, состоящие из молекул ДНК – перед нами замкнутый круг.

И тогда мы приходим к слишком многим допущениям. Очень странная позиция атеистов: нужно очень много всего допустить, что вот это случайно, а это возможно, это бывает – что угодно, лишь бы не допустить бытия Бога. То, что логически гораздо проще и понятнее, вот этого не надо делать. То, что логически невозможно, абсурдно – вот это с большой легкостью допускаем и принимаем. И даже не нужно строить таких вычислительных экспериментов. Не нужно уноситься мыслью в далекое прошлое, представлять себе этот древний океан, в котором происходит образование молекул ДНК. Сейчас этих молекул ДНК в мире размножилось огромное количество. Идешь по улице и видишь: валяетсядохлая кошка. В ней молекул ДНК навалом, миллиарды, но она что-то не оживает. Процессы в ней не происходят, хотя там, может, есть здоровые неповрежденные клетки. Поэтому даже создания молекул белка совершенно недостаточно для того, чтобы процесс жизни был запущен. Сейчас ученые тратят много сил для того, чтобы в лабораториях синтезировать молекулы белка. Почему-то исходят из очень интересного принципа, что если в лаборатории молекула белка будет создана некими учеными, то тем самым будет доказано, что эта молекула ДНК, т.е. жизнь, может возникнуть самостоятельно. Я не могу понять, на основании чего делается такой вывод. Если я своими неуклюжими руками делаю у себя дома табуретку, то это не означает, что табуретка может возникнуть самостоятельно, и я могу пойти в лес и собирать табуретки, как собирают грибы. Если человек делает компьютер, это не значит, что компьютер может возникнуть самостоятельно. Логика совершенно ошибочная. Это говорит только об одном, что если молекулы ДНК могут быть синтезированы в лаборатории, то это означает, что молекулы ДНК могут быть созданы при помощи влияния разума, т.е., иначе говоря, это еще одно

подтверждение тому, что жизнь может возникнуть только лишь под влиянием извне. Не сама по себе, а посредством влияния, воздействия духовного начала, т.е. ученые-материалисты на самом деле работают в совершенно противоположном направлении, действуют в защиту Церкви, сами того не понимая. Какой из всего вышесказанного можно сделать вывод? Жизнь возникнуть самопроизвольно не может. Это понятно с точки зрения математической, с точки зрения физической, с точки зрения биологической.

О биологической точке зрения мы с вами уже говорили. Законы биологии – это законы, которые противоположны законам физики, и возникают они только лишь на определенном уровне организации живых существ. Там, где речь идет об атомах и молекулах, действуют только лишь законы физики, никаких законов биологии пока еще нет. Законы биологии – это законы питания, обмена веществ, размножения, дыхания. Говорить об этих процессах применительно к молекуле – ненаучно. Никаких биологических законов в молекуле нет, поэтомудохлая кошка и остаетсядохлойкошкой. Она никогда не оживет (хотя ДНК во всех ее мертвых органах вполне достаточно), потому что нет биологических процессов.

Переходим ко второму вопросу – вопросу теории Дарвина. Теория Дарвина вызывает сейчас полемику, и вполне понятно почему. Опять же мы видим ту же самую логику: если виды могут образовываться и эволюционировать самостоятельно, то они так и образуются. Но если это возможно, то вовсе не означает, что эволюционный процесс таким образом и шел. Это первое. Второе: теория Дарвина основывается свидетельстве следующих положений: это образование видов на основании изменчивости, мутации и приспособления. Есть некоторые живые организмы, которые мутируют, т.е. в которых происходят изменения, и за счет этих изменений выживают наиболее приспособленные особи. Вот в результате этого естественного отбора неприспособленные особи отмирают, а приспособленные выживают, т.е. происходит эволюция. Вот два основных фундаментальных кита теории Дарвина – мутация и естественный отбор.

Теория Дарвина – это лишь очень небольшой фрагмент всей биологической картины мира. Во-первых, мутация и естественный отбор предполагают, что живые организмы уже существуют. Предполагается, что уже налажены процессы питания, обмена веществ, естественно, размножения, т.е. жизнь уже существует. Теория Дарвина многого не объясняет. Дарвин сам был очень умным человеком и не утверждал, что он

объясняет все. Эта теория, которая объясняет очень небольшой процесс – образование последующих видов. Но Дарвин не претендовал на объяснение того, как эти виды образуются изначально. Это уже потом эволюционисты используют теорию Дарвина в своих интересах. Это, во-первых. Во-вторых, теория Дарвина – это всего лишь одна из гипотез. Это не научная теория по большому счету, она до сих пор остается всего лишь рабочей гипотезой. В физике, более строгой науке, ученого, который сказал бы: «Вот, такая теория является доказанной», выставили бы с позором за дверь института, где он это сказал. В биологии это возможно. Биология – наука менее доказательная, и, как говорится, на безрыбье и рак рыба, поскольку других теорий не предлагается. Ну, что ж делать: пользуемся пока теорией Дарвина. Мы выдаем желаемое за действительное, мы выдаем гипотезу за научную теорию, и получается, опять же, научная нечестность. Гипотезы выдаются за теорию, желаемое выдается за действительное, возможное выдается за необходимое – слишком много научных переделок.

Утверждается, что теория Дарвина подтверждается палеонтологически, что в различных геологических слоях, каждый из которых имеет свою датировку, находят различные останки ископаемых животных, которые показывают действительное эволюционирование различных существ. Есть и другой аргумент у эволюционистов – это развитие эмбриона. Этот аргумент формулируется так: эмбрион в своем развитии проходит, как бы повторяет все свое прошлое существование. Если это эмбрион человека, то можно увидеть, что в начале он похож на головастика, потом у него почему-то образуется клюв, потом у него этот клюв исчезает – иными словами, этот миллиард лет эволюции каждый из нас проходил в течение девяти месяцев. Есть еще, скажем, рудиментарные органы у человека, которые показывают, что человек произошел от своих предков.

Каждый из этих аргументов в действительности достаточно натянут. Но начнем с конца, начнем с этих рудиментарных органов. В XIX в. медицина насчитывала, в человеке около 130 рудиментарных органов. Сейчас рудиментарных органов насчитывают несколько штук, меньше десятка. То, что медицина действительно раньше считала ненужным, оказывается важным и нужным. Раньше считалось, что аппендикс – рудиментарный орган. Сейчас оказывается, что он вовсе не рудиментарный орган. Человек, у которого удален аппендикс, теряет иммунные силы. Аппендикс играет огромную роль в иммунной системе. Раньше считалась щитовидная железа рудиментарным органом. Сейчас

вам не нужно объяснять, к чему приводит недостаток йода в организме. Считалось, что копчик – рудиментарный орган, остаток бывшего хвоста. Теперь понятно, что это совсем не рудиментарный орган, а необходимая часть нашего позвоночника и т.д. и т.д. Это просто незнание. Никаких рудиментарных органов нет, потому что лишних органов в организме человека, нет. Если есть органы, кажущиеся таковыми, то сейчас все понимают, что подобным органам еще не найдено функциональное применение. Врачи-физиологи понимают, что это всего лишь от нашего незнания – слишком сложен организм человека.

Теперь остановимся на аргументе эмбрионального развития. В наших учебниках, особенно в школьных, чаще всего в качестве доказательства эволюционного развития приводится развитие эмбриона человека. Но почему-то в качестве примера не приводится развитие эмбриона каких-либо других живых существ, а если и приводится, то выбирается то, что укладывается в эту картину. Но даже если посмотреть на развитие эмбриона человека, то всегда видно забегание вперед. Если посмотреть на развитие эмбриона лягушки – головастика, то мозг у головастика гораздо больше, чем мозг у лягушки. Зачем ему такой мозг? Это забегание вперед – как бы предвидение того, что будет потом. У некоторых пресмыкающихся можно видеть клюв. Согласно эволюционной теории птиц еще не было, а уже есть забегание вперед. То же самое наблюдается и у человека: видно сочетание жабр и одновременно клюв. Это очень странные сочетания, которые только при большой фантазии можно назвать повторением эволюционного процесса.

Первое, с чего мы начали, это эволюционирование, образование видов, естественный отбор и мутация. Механизм простой. На основании генной картины современной генетики утверждается, что мутация происходит следующим образом: каким-то образом происходит изменение в хромосомах, так что рождается потомство с измененной физиологией. Если это потомство нормальное, т.е. лучше чем было, и имеет способность к выживанию, то этот организм выживает, если же потомство неудачно, то организм погибает. Путем естественного отбора выбираются сильнейшие, наиболее приспособленные. Но Дарвину легко было говорить: Дарвин не знал генетики, не знал о механизме мутации. Процесс соединения генетики с теорией эволюции был не таким простым. В нашей стране генетику называли лженаукой, потому что соединение это было очень сложным и не сразу понятным. Это потом мы дошли до такого механизма и наши материалисты-атеисты, наконец, успокоились.

В действительности XX в. в отличие от XIX в., когда жил Дарвин, век

совсем других технологий. И в современных биологических лабораториях можно применять те технологии, которые позволяют как бы экспериментально проверить те процессы, которые проходили миллионы и сотни миллионов лет. Открыто рентгеновское излучение: можно живой организм облучать, сознательно или бессознательно вызывать в нем генетические мутации. Каждый знает, что эти радиационные воздействия на живые организмы, которые приводили к мутации, никогда не приводили к возникновению более приспособленного существа, более организованного вида. Все мутации приводят к ухудшению живого организма. Это опять же понятно: в силу второго начала термодинамики все процессы происходят с увеличением беспорядка. Ни одна мутация не приводит к улучшению. Что значит улучшение? Что значит приспособляемость? Почему считается, что процесс идет по мере приспособляемости вида, отбора наиболее приспособленных? Наиболее простое существо – это одноклеточное, это бактерия, это водоросль. А более сложное существо – это высшее животное, это человек. Кто из них более приспособлен к действительности? Опять же не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы сказать, что бактерия более приспособлена. Сейчас открыты такие бактерии, которые живут в кислотных, щелочных средах, живут при температуре 100°C. Бактерии эти существуют миллиарды лет. Они уже приспособлены. Зачем им развиваться? А человек? Нет существа более нежного. Это существо, которое не может существовать при температуре воды больше 40°C. Попробуйте налить в ванну с температурой воды 44 – 45°C. Вы там сваритесь. Я уже не говорю о 100°C. Самые приспособленные – это бактерии. А из высших животных – это тараканы, крысы, вороны. Это общеизвестно. О каком эволюционировании в сторону приспособления идет речь? Если уж и говорить, то эволюционирование в сторону наименьшей приспособленности. Это опять же понятно. Топор гораздо более прост, чем компьютер. Топор состоит из двух частей. Так же и живой организм. Человек гораздо менее надежен, чем бактерия. Поэтому если уж говорить об эволюции в сторону приспособляемости, то эволюция должна идти в обратном направлении – от человека к бактерии. Получается так.

Но как происходит, по мнению эволюционистов, процесс образования видов? Как я уже сказал, происходит мутация, происходят самопроизвольные изменения в генетическом коде, и рождается новое существо. Новое существо оказывается более приспособленным. Но посмотрим на это с другой стороны. Вот, скажем, утверждается: все, что в природе существует, имеет свое функциональное предназначение. Почему

у петуха или павлина такой яркий хвост? Может для того, чтобы самка обращала на него внимание, и таким образом обеспечивался процесс размножения? Очень интересная точка зрения. Предполагается, что у курицы высоко развито эстетическое чувство. Если так предполагать, то петух уже б играл на фортепьяно. Только непонятно, почему у воробья хвост некрасивый. Значит петух гораздо более приспособленней, чем воробей, а это совершенно не соответствует реальности. Даже опытный биолог не отличит воробья от воробьихи, а они сами нормально отличают друг друга, размножаются, живут, не испытывая никаких проблем.

Зачем, например, петуху пышный хвост? Ни на какие процессы размножения это не влияет и не относится к процессу приспособляемости. Если мы говорим, что хвост красивый, это уже должно нас насторожить. Красота в природе просто так не появляется. Красота – это признак чего-то неприродного. Красоту может оценить только лишь высокоорганизованное сознание. Животному красота не нужна. Тем более, мы понимаем, зачем зебре полосы – чтобы прятаться. А зачем петуху хвост – чтобы высовываться? Опять же противоречие. Объясняет одно и тут же противоречит другому. В животном мире столько всего, что даже и обо всем не расскажешь.

Есть много хороших книг, например, «Православное мировоззрение и современное естествознание» (автор священник Тимофей, 1998 года издания). Другая прекрасная книга того же типа – работа голландского ученого Бена Хобринка, которая называется «Эволюция – яйцо без курицы». Эта книга была потом переиздана в Киеве и вышла почему-то под другим названием «Христианский взгляд на эволюцию». Здесь собрано множество фактов, которые показывают ошибочность всех этих механизмов. Но Бен Хобринк и священник Тимофей – противники эволюции и как раз доказывали, что все виды были образованы одновременно и палеонтологические, биологические, генетические исследования показывают и доказывают справедливость именно такого креационистского подхода. Вот, скажем, исследование цитохрома С. Цитохром С – это белок, необходимый для осуществления процесса митохондриального дыхания. Сравнение цитохрома С простейших бактерий с цитохромом С других организмов дает следующие результаты, характеризующие их отличия друг от друга, т.е. процент отличия этой бактерии от цитохрома других организмов: у бактерий 65%, бактерий и человека 65%, бактерий и птиц 65%, бактерий и рептилий 65%, бактерии и рыбы 65%, бактерии и растения 66%. Т.е. абсолютно все одинаковое, как у растений, так и у человека. Вывод, который делают авторы этих двух

книг очень прост. Все сходство наших организмов и процессов говорит только лишь об одном: Творец создавал все виды из одного и того же материала, используя одни и те же законы, и более ничего. Никакого эволюционного процесса обнаружить здесь нельзя, если подходить к этому непредвзято. Тем более, скажем, Бен Хобринк и о.Тимофей указывают на то, что все археологические раскопки часто фальсифицируются. Скажем, в одном и том же слое находят останки динозавра и человека, рептилии и птицы и говорят, что они относятся к разным слоям. Иногда находят некоторые места, которые называются кладбищем. Это кладбища различных ископаемых животных, которые невозможно объяснить без существования Всемирного потопы. Животные собирались, спасаясь от Всемирного потопы, там же они все и погибали. Это те погребения, которые относятся к разным слоям. А иногда ученые находят, наоборот, на расстоянии нескольких километров две кости и утверждают, что эти две кости принадлежат одному и тому же существу. Как, скажем, устанавливается скелет человека? Собирают кости, разбросанные на площади размером в несколько квадратных километров. Это ж как себе представить можно? Человек шел и разбрасывал свои кости, а потом ложился и помирал? Очень много натяжек.

Я помню, мне как-то раз повезло. Один раз я ехал из Севастополя с лекциями, ехал обратно вместе с научными сотрудниками биологического факультета ДВГУ. Сутки ехали – сутки спорили. И кто-то сказал мне: «Ты пойми, ты физик и многого не понимаешь. У вас все четко, все понятно. А в биологии любая конференция начинается с того, что первый день тратится на определения: давайте договоримся считать так. Вот договорились, после этого можно разговаривать. Нет ничего общепринятого». Каждый ребенок понимает эту условность, и на языке этих условностей дальше и пойдет разговор. С точки зрения действительной науки, биология не наука. В ней нет общезначимых принципов, а есть некоторые условности, которые мы принимаем, иначе даже вообще разговор не будет возможен. Все друг с другом переругаются, и никакого интереса, возможно, не будет. Тогда действительно мы принимаем некоторые условности. Тогда можно разговаривать.

Давайте вернемся к тому, о чем мы говорили. К первому вопросу – к образованию видов. Для того чтобы виды образовывались, из одного вида образовывался вид другой, нужно, очевидно необходимо существование так называемых промежуточных видов. Это настолько очевидно, что Дарвин утверждал, что впоследствии эти промежуточные виды будут найдены в огромном количестве. Со времен Дарвина прошло уже более ста

лет. Ни одного промежуточного вида до сих пор найдено не было. Я помню, когда учился в школе, нам рассказывали про единственный промежуточный вид, который нашли – останки так называемой кистеперой рыбы. Это промежуточный вид между рыбой и земноводным. Правда, потом, после того, как я школу закончил, эту кистеперую рыбу выловили в Индийском океане. Оказалось, что ничего общего у нее с земноводным нет, а это обычная рыба, правда, с необычным строением плавников. Оказалось, что кистеперая рыба не является ископаемым видом, это вполне живая, нормальная рыба, правда, встречающаяся крайне редко. То же самое было и с другими промежуточными видами, скажем, формами птеродактиля. Птеродактиля считали промежуточной формой между динозавром и птицей, но по форме строения птеродактиль является обычным динозавром. С птицей его ничего не объединяет.

Здесь опять же нужно немножко поразмыслить: как возможен промежуточный вид? Как утверждается, жизнь зародилась сначала в воде, затем она переходит на землю. Давайте опять проведем небольшой эксперимент. Представим себе, как это происходит. Вот ерш обыкновенный, и в нем происходит мутация. Жабры мутируют в легкие. Как это происходит, я не знаю. Так вот случайно произошло. Ну, ладно. Ерш понимает, что дышать в воде не может, вылезает на сушу, дышит хорошо, но не может уже передвигаться. Значит, нужна одновременно мутация плавников в ноги. Хорошо. Передвигается он нормально. Ладно. Но надо еще и питаться, а органы питания тоже еще рыбы. Пузырь у него зачем-то существует, чтобы плавать, но он совершенно мешает ползать. Ну, ладно, допустим и это. Ерш удовлетворил свой голод. Съел что-нибудь несъедобное и не умер, сытый. Захотелось ему потомство оставить. Значит, нужна одновременная мутация и самки, и самца. То же самое произошло с ершихой, которая случайно там оказалась. Потомство оставлять нужно. Обычно они икру в воде оставляют, а тут процессы другие. Оказывается, что это тоже нужно предусмотреть – необходимо было, чтобы и органы размножения мутировались. Что мы видим в результате? Слишком много всего. Ну, невозможно допустить, чтобы из рыбы образовалось существо даже земноводное, не говоря уже о высших животных. Невозможно допустить, чтобы из животного образовалась птица и т.д.

У Бена Хобринка и о. Тимофея много различных таких примеров, но я не биолог, поэтому многих терминов и видов я не помню. Беру пример священника Тимофея. Некий жук, который на рога выпускает некую ядовитую жидкость. Эта ядовитая жидкость образуется посредством

одновременного выпуска из четырех желез четырех различных видов жидкости, которые соединяются вместе, затем происходит химическая реакция, позволяющая выпускать эту ядовитую жидкость на своего врага. Каким образом происходит мутирование этих четырех желез, так что отклонение в процентном содержании четырех жидкостей на 1% уже не позволяет провести эту химическую реакцию? Все рассчитано с убедительной научной точностью, во-первых. Во-вторых, отклонение в одну или другую сторону этих жидкостей приводит к образованию в каждой железе жидкости самой по себе ядовитой, которая приведет к уничтожению жука. Но такой жук не мог бы образоваться в результате эволюционного процесса. Как бы он ни мутировал, он в результате просто бы исчез. Я уже не говорю о том, что оправданность эволюции, ее направленность имеет обратную структуру в отличие от той, что предполагает теория Дарвина. И третий вопрос. В книге Бена Хобринка показано, что рассчитана вероятность образования аминокислоты: она составила 10–130. Вся Вселенная: все взятые вместе галактики, звезды, планеты – содержат около 10⁸⁰ электронов, а здесь 10–130. Это вероятность? Гораздо меньше, чем количество электронов во Вселенной.

Вопрос образования и возникновения человека самый сложный и самый спорный. В Библии образование человека описано следующим образом. И сказал Господь Бог: «Сотворим человека по образу Нашему и подобию Нашему». И далее взял Бог персть земную и вдунул в нее дыхание жизни. (Я рассказываю по памяти). И стал человек. И задействована в нем персть земная и Дух Жизни. Как это понимать? Обычно в злых популярных атеистических книжках предполагается, что человек слеплен из глины. О глине ничего не сказано. Сказано: «Из праха земного». В другом месте сказано: «Ты прах, и в прах возвратишься». Если я спрошу у вас, из чего состоит человек, что вы мне ответите? Разве не из земли? По большому счету, что такое человек? Как говорится в одной афористичной фразе, человек есть то, что он ест. Как это понимать? Мы едим продукты, и эти продукты есть те кирпичики, из которых образуется наша ткань, наши кости. Они изменяются, естественно, но исходят из того, что мы едим. Едим мы растительную пищу или животную. Животная пища – мясо или рыба – образуется, в конце концов, из растений, т.е. все, что существует, образуется из растений. А что такое растение? Растение – это ведь земля, та самая земля, которая перешла в семя и стала плодом. Первоначально все это было землей. Поэтому в Библии сказано: «Ты есть прах (т.е. земля), и в землю возвратишься». Из земли ты состоишь и землей потом станешь. Ничего иного в тебе кроме земли нет, и не

существует. Поэтому человек есть по-иному организованная земля. А что значит по-иному организованная? Земля, которая организовалась посредством некоего Духа, т.е. Духа Жизни. Поэтому в этих словах Ветхого Завета ничего противоречившего даже элементарным представлениям об образовании тела человека нет. Человек есть особо упорядоченная организованная земля.

А как же быть с нашими предками – питекантропами и неандертальцами, синантропами, австралопитеками? Я уже говорил о том, как появляются эти теории. На площади в несколько квадратных километров находят кости, которые соединяются в некое существо, и потом на основании этих костей делают определенный вывод. Но ведь ни одного скелета никогда не бывает полностью. Как правило, все научные обобщения делаются на очень и очень небольшом материале. Находят, скажем, берцовую кость. Затем происходит очень серьезное исследование этой кости: какова ее величина, каковы ее особенности. 100% вероятность того, что по этой найденной берцовой кости и по черепу выстроить полную картину существа невозможно, во-первых. Во-вторых, раньше выстраивались в тех учебниках, по которым еще я учился, выстраивались примерно следующие цепочки: вначале из обезьяны образуется самый первобытный человек – какой-нибудь синантроп, потом питекантроп, потом неандерталец, потом современный человек. Но сейчас генетика, слава Богу, развивается семимильными шагами: возможен генетический анализ. И вот недавно я прочитал, может, и вы даже слышали, что кости неандертальца подвергли генетическому анализу и обнаружили, что к человеку неандерталец не имеет никакого отношения – совершенно разные виды, совершенно разные гены. Поэтому можно сказать, что на неандертальце ставят крест и сейчас считают, что, по всей видимости, или австралопитек, или синантроп, является предком человека. Но их пока еще с генной стороны не исследовали. Поэтому опять это всего лишь гипотеза. Вот исследуют, тогда и скажут. Пока что подтверждается точка зрения, согласно которой считается, что все эти так называемые предки человека – это просто вымершие обезьяны, которых сейчас нет. Мы же не говорим, что динозавры – это предки человека, а говорим, что это просто вымершие животные. Так же и обезьяны были других видов, как шимпанзе, гориллы, но называются почему-то людьми.

Но все же очень велика вера людей в то, что человек происходит из животного мира. А как это происходит? Вот легко сказать, что человек происходит от животного. При всем своем негативном отношении к марксизму ничего более разумного, чем теория Энгельса о происхождении

человека, я не читал. Теория Энгельса утверждает, и сейчас это как бы признается современным научным атеистическим человечеством, что труд создал из обезьяны человека. Очень забавное выражение. Забавное в том плане, что у того же Энгельса в работе «О происхождении семьи, частной собственности и государства», где он излагает эту теорию, несколькими страницами позже указывается, что же такое труд. Энгельс указывает (и это утверждение совершенно правильно), что труд – это сознательная деятельность, предполагающая целеполагание, т.е. знание того, что трудящийся человек хочет сделать. Для того чтобы трудиться, нужно размышлять, нужно знать, что ты хочешь сделать, и знать, как ты собираешься это сделать. Таким образом, труд – это свойство только лишь разумного существа. Поэтому сказать, что обезьяна начала трудиться и поэтому стала человеком, это все равно, что сказать, что обезьяна стала человеком, стала трудиться и потом стала человеком. Обезьяна трудиться не может. Не может трудиться никакое существо. Все животные могут выполнять лишь рефлекторную, инстинктивную деятельность, а не сознательную, не целеполагающую.

Вера в то, что обезьяна берет палку и сбивает банан, – это не более, как пример того, до какого уровня может пойти высокоорганизованное животное в своей инстинктивной деятельности. Мы же не говорим, что птица вьет гнездо, потому что она величайший архитектор. Да, гнездо, конечно, построено гениально. Человек не сможет сделать такое прочное сооружение. Это лишь потому, что в птице при ее рождении заложен Создателем определенный инстинкт: как сделать это гнездо. Если попросим птицу сделать не гнездо, а берлогу, то она не сделает. Для этого есть медведь, у которого есть свой инстинкт, свои рефлексы. Для того чтобы сделать или гнездо, или берлогу, нужно знать и то, и другое. Это может только лишь человек, который сделает их, конечно, хуже, чем птица или медведь, но эта деятельность будет отличаться. Поэтому между человеком и животным лежит качественная разница – разум, и разум никоим образом не может быть выведен из животного мира. Никакая эволюция, никакие генетические мутации не могут привести к возникновению разума. Тем более, мы помним с вами, что разум есть особая способность, которая может нарушать один из законов мироздания – второе начало термодинамики. Сама природа не может прийти к отрицанию законов, существующих в себе самой. Разум может быть вселен в человека только лишь извне, что и сказано в Ветхом Завете, в Священном Писании: «И вдунул Бог в тело дыхание жизни».

В какое тело? Это вопрос другой. Как происходило сотворение

человека? Как понимать Библию буквально или иносказательно – это уже вопрос совершенно иной. Никогда Церковь не настаивала на том, что всю Библию всегда нужно понимать буквально. Отцы Церкви показывали нам различные способы иносказательного толкования Священного Писания. Мы говорим о том, что шесть дней творения можно понимать как шесть высших периодов творения или шесть дней откровения Моисею на горе Синай, или еще как-нибудь.

Можно понимать и буквально, можно и иносказательно. Как говорил преподобный Серафим Саровский: «До того, как в человека было вдунуто дыхание жизни, человек ничем не отличался от прочих животных». Тем самым наш великий святой указывал, что вполне возможно и такое понимание: Бог взял некую обезьяну, того же австралопитека или неандертальца, вдунул в него дыхание жизни, и он стал человеком. Но это не может произойти самостоятельно. Внешне, да, мы находим кости неандертальца, лежащие рядышком с топором, и говорим, что это человек. Но это не могло произойти самостоятельно. Как это было? Или это из неандертальца или синантропа Господь создал человека, или это было особое творение, отдельный акт? Это вопрос, который нужно исследовать, изучать, для этого существует наука. Не нужно только лишь убеждать себя в том, что все это происходит само собой. Сама собой, как говорится, и кошка не родится, тем более, человек из обезьяны. Вот, примерно, то, что я хотел сказать.

Философская апологетика

Вера и разум

Сегодня мы подробно остановимся на проблеме соотношения веры и разума. Эта проблема переходит с частных научных проблем на общепhilosophический уровень. Как быть с этими двумя способностями человеческой природы? Могут ли вера и разум соединяться, или они противоречат одна другой?

Прежде чем я предложу вам православное решение этой проблемы, я позволю себе потратить несколько десятков минут на такой краткий историко-philosophический экскурс в средневековую философию для того, чтобы вы узнали, каким образом эта проблема решалась в первые века после Р.Х., какие решения предлагали философы и отцы Церкви первых веков. Проблема веры и разума была одной из проблем, которая сразу же была осознана первыми церковными мыслителями, ибо она в первые века христианства понималась как проблема отношения христианства и античной культуры.

Античная философия опиралась, конечно же, прежде всего, на разум, а философия тогда была наукой. Поэтому на любого, кто призывал отказаться от разумных способностей человека, принести разум в жертву вере, всегда смотрели как на человека неразумного. Слово «неразумный» само за себя говорит. Отсюда и высказывание апостола Павла, который сказал, что наша вера для иудеев соблазн, для эллинов – безумие. Для эллинов, т.е. древних греков, христианство с его учением о воскресшем Христе – это безумие, ибо оно противоречит всем доводам разума. И как сказано в Новом Завете: «Премудрость мира сего является безумием в глазах Божиих», и, наоборот, то, что кажется безумным, является мудростью. Эти слова показывают, что отношение к разуму в христианстве несколько иное.

Но, тем не менее, разумная способность у человека существует. Есть законы мышления, законы логики, которые никто отменять не собирается. И христианин, и эллин, и язычник, и иудей мыслят согласно одним и тем же законам разума, законам формальной логики, которые открыл Аристотель. Поэтому противостояние христианства и древнегреческой культуры в религиозном плане не исчерпывает все способы отношений. Конечно же, Христианская Церковь искала пути взаимодействия христианства и античной культуры, христианства и античной философии. Поэтому возникают различные концепции взаимоотношения веры и разума.

Одни церковные писатели начинают утверждать, что вера и разум не противоречат друг другу. Другие же мыслят иначе. Они полагают, что христианство полностью отменило все притязания человека на разумную возможность познания истины, и познание истины возможно лишь верой.

Среди сторонников этих двух разных концепций можно назвать Климента Александрийского и Тертуллиана. Климент Александрийский (II -III вв. по Р.Х.) – типичный представитель александрийской школы, которая всегда относилась к античной культуре более сдержанно и пыталась впитать в себя все позитивное из древнегреческого наследия. Климент Александрийский указывал, что никакого противоречия между верой и разумом нет. Истинное христианство, по образному выражению Климента Александрийского, можно сравнить со зданием, которое стоит на некотором фундаменте. Фундамент этого здания – вера, а стены и крыша – разум. Любое знание всегда основывается на вере. Человек всегда во что-либо верит. Он верит своим родителям, ученик верит своим учителям, читатель верит автору книги, которую он читает, ученый верит предшественникам, которые открыли некоторые законы до него. Если бы человек во всем всегда сомневался, пытался бы всего достичь самостоятельно, то никакое познание было бы невозможно. Всегда в основе знания лежит вера. Затем уже на основании этой веры, как на фундаменте, человек строит какие-то свои разумные доводы, разумные теории на основании своего разума. Вот христианский гносис, в переводе с греческого это есть истинное знание, которое гармонично соединяет в себе и веру, и разум.

Недостаток античной культуры состоял в том, что античная культура недооценивала веру, пытаясь все постичь только лишь при помощи разума. Недостаток ветхозаветной религии состоял в том, что ветхозаветная религия предпочитала только лишь веру, удаляя разум из способностей человека. Истинность христианства состоит в том, что христианство соединило в себе достоинства античной культуры и достоинства ветхозаветной религии, соединило в истинном знании, гармонично сочетая веру и разум.

Эта традиция, восходящая к Клименту Александрийскому, имеет долгую историю. Ее сторонниками являются блаженный Августин – один из величайших учителей Церкви, особо почитаемый на Западе Католической Церковью, но и в традиции Православной Церкви он также относится к числу наиболее авторитетных отцов Церкви, выделенных Вселенскими Соборами в числе двенадцати особо почитаемых. К этой традиции относится на Западе и Ансельм Кентерберийский, известный

схоласт, и Фома Аквинский.

Но есть и другая традиция – традиция, восходящая к Тертуллиану. Тертуллиан, как и Климент Александрийский, житель Африки. Если Климент жил в Александрии, то Тертуллиан жил в Карфагене, ближе к западной традиции. Вообще-то проблема отношения веры и разума больше интересовала западную традицию. Я позже скажу, почему. Тертуллиан предлагает совершенно иной подход: между верой и разумом не может быть ничего общего – «что Афины к Иерусалиму, что академия к церкви». Т.е. что могут дать Афины Иерусалиму, и что может дать Академия Церкви? Ничего! Ничего общего у них быть не может. Ибо, как пишет Тертуллиан, Сын Божий распят. Это верно, ибо невозможно. К Тертуллиану восходит образное афористичное выражение: «Верую, ибо абсурдно». Вера несовместима с разумом. Вера всегда противоречит разуму. Как пишет Тертуллиан: «Не случайно Иисус Христос взял для себя в ученики не мудрых богословов, скажем, фарисеев, а простых мытарей и рыбаков, которые не владели излишней мудростью. Они имели простую, не загрязненную никакими знаниями душу. И эта душа, будучи чистой и неиспорченной, могла наполниться истинным знанием. Она была освящена истинным светом христианской веры».

И какое может быть знание, какое может быть разумное познание истины христовой, когда вся история Иисуса Христа противоречива? Она начинается с того, что Дева родила Бога. Здесь уже два противоречия. Бог не рожден по определению, и вдруг он рождается. Дева не может родить сына, тем не менее, Она рождает Сына, оставаясь Девой. И дальше через другие противоречия все заканчивается тем, что Бог умирает на кресте, Бог страдает, будучи бесстрастным. Он умирает, будучи существующим. Бог воскресает, хотя Он не должен был умереть. Бог вселяется в тело, будучи бесконечным и т.д. и т.д. Все полно противоречий. Никакой разум не может это осмыслить, и это говорит об истинности христианства: о том, что христианство основывается на вере. Надо верить, потому что все положения христианства абсурдны с точки зрения разума. Эта позиция Тертуллиана имеет традицию, может быть менее долгую, но не менее авторитетную.

Среди наиболее известных сторонников позиции Тертуллиана можно назвать Мартина Лютера с его позицией – «только верой», т.е. только верой спасается человек, а не какими-то философскими концепциями, научными познаниями или добрыми делами. В России это Лев Шестов, известный наш философ, один из родоначальников экзистенциализма. Можно назвать и других более известных мыслителей: Кьеркегор –

западный философ экзистенциального плана.

Но этими двумя позициями не ограничивается проблема взаимоотношения веры и разума. Позднее будут появляться еще концепции. Скажем, в XII веке появится концепция Пьера Абеляра, известного схоласта, одного из наиболее великих представителей Парижской школы, человека, стоявшего у истоков Парижского университета. Позиция Тертуллиана и позиция Августина были выражены в афористичной форме Ансельмом Кентерберийским, который скажет знаменитую формулу: «Верю, чтобы понимать». Фраза имеет вполне четкий смысл.

Как я говорил вам вчера, для того чтобы познавать природу, нужно вначале верить в то, что эта природа существует. Физик, который не верит в существование природы, – нонсенс, а доказывать, что природа существует, физик, естественно, не будет. В основе лежит в то, что эта природа существует, вера в то, что существуют законы, которыми описывается эта природа, вера в то, что эти законы выражаются на языке математическом и т.д. Об этом говорил Альберт Эйнштейн: «Без веры в существование природы и подчиненность ее законам физика существовать не может». По его словам, без веры в Бога теория относительности повисает в воздухе. Так же обстоит дело и с любыми другими науками. Любой ученый всегда верит в существование предмета своего исследования, и, веря в это, он дальше может понимать и описывать ту реальность, в которую он верит. Так что мы верим для того, чтобы понять то, во что мы верим. А если попытаться все это объединить, то мы должны верить в Бога, который объединяет все науки мыслимые и немыслимые, объединяет все бытие и является Творцом этого бытия. Поэтому в основе всех частных вер: веры в природу, веры в историю, веры в культуру – лежит вера в Бога. Поэтому все наше понимание, все наше познание становится возможным лишь тогда, когда в основе его лежит истинная вера, вера в Бога. Вот отсюда эта фраза архиепископа Ансельма Кентерберийского: «Верую, чтобы понимать».

Абеляр предложил как бы в противовес фразе Ансельма другую формулировку: «Понимаю, чтобы верить». В чем смысл этой концепции? Христианство – это истинная религия. Для Абеляра, хотя он и подвергался преследованиям со стороны Католической Церкви и был обвинен в некоторых ересьях (пелагианства и арианства), это было несомненно. Но что значит истинная религия? Истина познается посредством разума. Истина открывается, доказывается, аргументируется. Истина, которую человек может доказать, истина несомненная. Человек не верит в то, что

два плюс два равняется четырем. Он это знает потому, что может подсчитать. Человек не верит, что сумма углов треугольника равна 180°. Каждый из вас, вспомнив свои школьные годы, может элементарно доказать эту простенькую теорему. Это конкретные знания.

Если человек чему-то просто слепо верит, то такая вера будет слепой, она будет зависеть от каких-то внешних факторов. Скажем, я могу верить в то, что я – экстрасенс, могу читать мысли на расстоянии. Но, пытаюсь проверить эти свои способности, я понимаю, что у меня такой способности нет, и я отказываюсь от своей веры. Я могу верить в то, что сумма углов в треугольнике равна 200°. Но если я попытаюсь доказать эту теорему, то пойму, что я ошибался, и узнаю, что сумма углов треугольника равна 180°.

Эта вера, чтобы быть истинной верой, должна основываться на знании. Если я просто буду верить в то, что Иисус Христос был на Земле и был распят, и воскрес, но не буду читать Евангелие, не буду знать реальные исторические события, то моя вера будет слепой, будет слабой. И любой представитель другой религии легко опровергнет меня. Я могу завтра пойти вслед за мусульманином, а послезавтра – за первым попавшимся язычником. Поэтому вера должна быть на серьезном фундаменте, на фундаменте знания, тогда эта вера будет крепкой. Поэтому, чтобы иметь истинную веру, нужно знать основы своей веры.

Вот, вкратце говоря, позиция Абельяра: «Понимаю, чтобы верить». Иначе моей вере грош цена. Многие из нас сначала идут в Воскресные школы, затем в православное учебное заведение. Делают это для того, чтобы поставить свою искреннюю веру на прочный фундамент, для того, чтобы эта вера действительно приобрела характер истинности. Поэтому позиция Абельяра также оправдана.

Но и этим не ограничиваются варианты взаимоотношения веры и разума, которые насчитывает история западной религиозной философии. В XIII в. возникает еще один вариант, получивший название концепции двух истин. В XIII в. на Западе произошло событие, которое можно назвать трагическим для Западной Церкви. В Европу через арабские страны проникает аристотелевская философия в арабском варианте, в толковании арабского философа ибн-Рушда, в латинской транскрипции Аверроэс. Это толкование Аристотеля получило название аверроизма, по имени арабского философа. Аристотель – мыслитель чрезвычайно логичный. Недаром именно он открыл и создал формальную логику, науку о мышлении, силлогистику. И все его произведения написаны именно в такой манере. Если вы пытались читать Аристотеля, то видели, с какой

логической строгостью этот мыслитель пытался познать истину.

Аристотелевская философия производит на Западе эффект разорвавшейся бомбы. Понятия науки тогда еще не существовало. Но Аристотель проникает не только со своими логическими трактатами, но и с метафизикой, и с другими работами, в том числе физическими. Поэтому Аристотель знаменует собой все научное знание. Это не просто философия, как сейчас у нас принято разделять: вот это наука, вот это философия. Нет, Аристотель был верхом науки. Это была научная истина, и, читая эту научную истину, люди открывали для себя удивительные положения. Оказывается, Вселенная вечна, а не сотворена Богом, и это строго логически доказывается. Оказывается, человеческая душа смертна, а не бессмертна, и это тоже доказывается. Оказывается, бессмертен только безличный разум, а не личная душа. Оказывается, Бог существует сам в себе, и Он не знает, что существует в мире. Поэтому бессмысленны молитвы людей к Богу, ведь Он этого не слышит, и Бог не знает, что мы делаем. И все это доказывается, как считали люди, с абсолютной научной достоверностью. Возникает аверроистский кризис, который можно сравнить с кризисом XIX в. на Западе и в Европе, – кризис распространения науки, когда, как принято говорить, наука доказала, что Бога нет. Тогда огромную роль в разрешении этого кризиса сыграл Фома Аквинский. Он показал, что положения Аристотеля вполне можно и нужно понимать христиански, что Аристотель неправильно понимался. На самом деле Аристотель совершенно не противоречит христианским истинам, просто нужно его кое в чем поправить. Беда Аристотеля заключается в том, что он жил до Р.Х. и кое-чего не знал. Но до Фомы Аквинского был Сигер Брабантский.

Сигер Брабантский явился родоначальником теории двух истин. Как считает известный французский католический философ Этьенн Жильсон, Сигер Брабантский – трагическая фигура. С одной стороны, это человек, который открыл для Запады Аристотеля и увидел в нем величайшую мудрость. С другой стороны, это был истинный христианин, верящий в то, чему учит Христианская Церковь. И Сигер оказывается перед сложнейшей проблемой: как соединить несоединимое – как соединить научную убежденность во временной бесконечности мира и сотворенность мира, о которой говорится в Библии, как соединить смертность души и бессмертие души, о которой говорит каждый христианин. Одно доказывается разумом. В другое нужно верить. Сигер говорит, что, по всей видимости, существуют две истины: одна истина научная, а другая истина религиозная. Они существуют обе. Они противоречат друг другу, как это

понять, неизвестно, но это факт. Есть две истины. Вот под таким видом эта концепция Сигера Брабантского вошла в историю и получила название концепции двух истин.

Я часто на своих лекциях останавливаюсь на этих концепциях гораздо дольше именно потому, что считаю, что концепция двух истин не ушла вместе со смертью Сигера из истории, причем не потому, что ее придерживался после Сигера Уильям Оккам и другие западные мыслители, а именно потому, что концепции двух истин неявно придерживаются очень и очень многие современные христиане, не отдавая себе отчета: кто-то, может, в силу своей научной неграмотности, а кто-то, в силу того, что не обращает на это внимания. Так или иначе, люди понимают, что Бог есть, что Он бессмертен, что есть промысел Божий и т.д. А с другой стороны, мир бесконечен, как говорится в науке. Да, человек произошел от обезьяны. Есть две истины. В одну из них мы верим в храме, в другую мы верим на работе, а как их вместе соединить, об этом человек просто не задумывается. Сейчас мы просто закрываем глаза, являясь невольниками двух истин, но истина одна. Эта истина есть Бог. Никогда не нужно забывать это. Именно это и старался показать Фома Аквинский во всех своих произведениях.

Вот четыре концепции взаимоотношения веры и разума. Вера и разум находятся в гармонии, причем вера является фундаментом для разума. Вера противоречит разуму, и потому вера исключает разум по концепции Тертуллиана, поэтому разум нужно изгнать из культуры. Разум главенствует над верой, вера основывается на разуме по концепции Пьера Абеляра. И разум, и вера противоречат друг другу, являются двумя противоречивыми сторонами человеческой природы.

Западная культура остановилась на первой концепции – концепции Климента Александрийского, блаж. Августина, Фомы Аквинского о том, что вера есть фундамент, на котором разум дальше строит свои доказательства. Восточная культура, православная культура такого спора фактически не знала. Почему? Да потому, что под верой Западная и Восточная Церковь часто понимали совершенно разное. Беда настоящего российского общества, состоит в том, что российское общество оказалось в плену у западных концепций. Беда в том, что вера, начиная от Тертуллиана и Августина, на Западе психологизируется. И особенно это заметно сейчас, когда человек утверждает, что он может верить во все, во что он хочет. Вера – это акт моей свободной воли. Как говорится, во что хочу, в то и верю. Хочу – верю в Бога, не хочу – не верю в Него. Хочу – верю в то, что существуют духи, хочу – верю в то, что существует нечто

иное. Человек не удосуживается сопоставить свою веру с истиной. Вера должна быть истинной. А истина, которая познается разумом, таким образом, показывает, что вера и разум должны происходить из единого источника. А на Западе невольно так получилось, что они имеют два независимых источника. Вера – это способность человеческой воли, а разум – это способность разумной человеческой деятельности. Отсюда взаимное противостояние веры и разума.

Православные отцы Церкви всегда подчеркивали, что вера – это не психологическая способность человека. Нет такой способности познания как вера. В своем учении о душе православные отцы Церкви придерживались классической традиции, утверждая, что душа имеет три способности: это разум, чувства и свободная воля. Душа едина и проста. Но в этой простой единой душе есть три ее составные части, правильнее говоря, начала: разум, свободная воля и чувства. Каждый из нас понимает это. Не нужно много усилий, чтобы представить себе, что такое душа. Мы можем мыслить. Мы можем направлять свои мысли туда или иначе своей свободной волей. Мы можем испытывать некоторые чувства: любить или ненавидеть, желать или не желать. Поэтому душа не делится на части. Так вот, Православная Церковь утверждала, что никакой веры в данном списке, как особенности познания, нет.

А что говорить в Евангелии, в Новом Завете, в посланиях святых апостолов о вере? Вера есть орган сердечный: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всею душою твоею». Мы видим и обратную сторону: «И сказал безумец в сердце своем – нет Бога». Таким образом, сердце – это орган веры или неверия.

Что такое сердце? Согласно православной традиции, сердце понимается как совокупность всей душевной деятельности: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею».

Дело в том, что в результате грехопадения произошло разделение нашей природы. Душа, оставаясь простой, тем не менее, разделилась, на три способности, которые воспринимаются человеком как независимые друг от друга. Свободная воля понимается как бы независимой от разума, а разум понимается как бы независимым от свободной воли. В действительности же душа проста, целостна, и задача человека – соединить в Боге посредством веры в Господа Иисуса Христа свою душу в единое целое, которым она обладала до грехопадения, т.е. приобрести состояние целомудрия. Вот та самая молитва, которую многие из нас повторяют в Великий пост – молитва святого Ефрема Сирина: «Дух же смиренномудрия, целомудрия, терпения, любви даруй мне. Целомудрие

здесь понимается не в сексуальном смысле, а в этом первоначальном святоотеческом смысле, как дух целостного мудрования, дух целостной души. Душа в своей целостности не испытывает противоречия между разумом, чувствами и свободной волей. Эта способность целостной души называется верою по православной святоотеческой традиции. Вера не может противоречить разуму, потому что разум есть частный случай веры. Она не испытывает противоречия между разумом, чувствами и свободой воли.

Если позволите, приведу такой образ из геометрии. Разум есть коррекция веры как более объемного геометрического тела. Другая проекция есть чувства. Третья проекция есть воля. Мы живем в этом мире проекции. Мы не можем зайти в другое измерение, мы находимся в падшем мире, но своими силами мы, конечно же, не можем в это божественное измерение зайти. Для этого нам нужна благодать Божия. Для этого мы должны верить в Иисуса Христа, посредством которого мы и обретаем целомудрие. Поэтому мы и молимся: «Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения, любви даруй мне». Не я сам этого добиваюсь, а прошу у Бога, чтобы Он дал мне целомудрие. Тогда становится все понятно. Вера не исключает истинности, ибо она включает в себя разум. Вера не исключает из себя свободы, она включает в себя волевую деятельность. Вера не исключает из себя чувства, а включает его в себя. Поэтому кажется свободным эмоциональное отношение к Богу: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим». Возможно разумное познание: «Познайте Истину, и Истина сделает вас свободными». Возможно и свободное, волевое познание, ибо задача каждого христианина – свободная вера в Бога. И все это именуется в православной традиции верой.

Вот почему в восточной традиции не возникает проблем во взаимоотношении между верой и разумом. Вера и разум понимались целомудренно в отличие от западной традиции, которая их отличала, и поэтому становилась перед фактом противоречия. А почему и как эти противоречия образуются? Неслучайно я обращаю ваше внимание на то, что возникают эти четыре взаимоотношения веры и разума. Ведь не может быть так. Я старался вам показать подвижность построений Августина, Тертуллиана, Абеяра и Сигера. Ведь действительно, мы видим, что каждый из них размышлял правильно, но не может быть, чтобы все они были правы. Они правы потому, что они веру мыслили интуитивно правильно, а объясняли неправильно. Вновь прибегну к геометрическому сравнению, но прошу не понимать меня буквально, ибо такой способ понимания порождает множество ошибок. Почему люди говорят, что наш

мир многомерен, именно в таком, физическом смысле? Почему считается, что есть существа, живущие в пятом измерении, в восьмом измерении, и что они могут переходить в наш мир? И мы знаем всякие НЛО и т.д. и т.д. Это чушь, не имеющая к познанию природы никакого отношения. Я хочу еще раз привести образное сравнение, помогающее нам понять, но не более того. Пожалуйста, не нужно воспринимать мои слова в таком буквальном смысле. Я вынужден прибегать к образным сравнениям, зная, что язык образных сравнений необходим в православном богословии, потому что на языке образов говорил Сам Господь Иисус Христос. Он всегда говорил притчами. Если кто-то читал Евангелие, то ему известно, что все Евангелие полно притч, и Сам Иисус Христос объяснял это так: «Царствие Мое, – говорил Он, – не от мира сего». Человек не может узнать своей тварной природой, не может познать своим разумом Божественную Сущность. Он должен понимать ее на том уровне, на котором он находится. Поэтому Он говорил на языке притч, и я также не избегаю помощи этих образов.

Видно, что между разумом и верой не может быть противоречия. Если противоречие здесь может быть, то его можно выразить как противоречие между шаром и кругом. Поэтому плоскостное мышление современного человека способствует тому, что человек выдумывает это противоречие, перенося научное познание на всю область человеческой деятельности. Когда человек считает, что кроме материального мира ничего не существует, тогда он начинает утверждать такие глупости: душа в процессе хирургической операции не обнаруживается, значит, она не существует; люди в космос летали и Бога не видели и т.д. Конечно, все бытие не сводится под крышу материального мира – мира, который можно пощупать руками и увидеть глазами. Мир гораздо более сложен и глубок.

Доказательства бытия Бога

Проблема соотношения веры и разума имеет другой аспект. Эта проблема получила название – доказательство бытия Бога. Часто приходится слышать подобного рода высказывания, и мне самому приходилось на них отвечать. Вот подходит некий молодой человек и говорит: «Ну, хорошо, мы поверим, что Бог существует, но ты докажи, что Бог есть. Вот если бы ты доказал, тогда бы я поверил, но это невозможно доказать». Что на это ответить? Когда я был моложе и тоже искал различные объяснения, интересовался доказательствами бытия Бога, то обнаружил, что есть разные брошюры, в которых пытаются это доказать, но видимых доказательств они не приносят, потому что это не доказательства, а лишь софизмы, прочитав которые любой атеист скажет: «Если это доказательство, то я понимаю, что христиане – жулики, поскольку прибегают к таким доводам». Поэтому я всегда говорил и говорю, что православная апологетика всегда должна основываться на самых строгих к себе требованиях, никогда не опускаться до софизма, ибо это очень опасно и вредно.

Но тем не менее, история философии и история богословия знает различные доказательства философов и педагогов в попытке ответить на вызов оппонента, реального или воображаемого: чтобы поверить что Бог существует, нужно доказать Его существование. Существует масса доказательств. С тех пор как существует Церковь, они подвергаются различным классификациям, и по этой классификации доказательства бытия Бога относятся к четырем основным типам. Это онтологические (онтология – это учение о бытии) и космологические доказательства, физико-теологические и доказательства нравственные.

Но прежде чем посмотреть на то, как относиться к этим доказательствам, попробуем разобраться с ними. Прежде всего, рассмотрим доказательство онтологическое. Родоначальником его является Ансельм Кентерберийский, знакомый нам с вами англиканский архиепископ, схоласт, живший в XI в. после Р.Х. Сейчас Ансельм Кентерберийский переведен на русский язык, вышла небольшая книжечка его творений, и там есть две работы, которые называются «Монологиум» и «Прослогиум». В «Монологиуме» Ансельм предлагает доказательство, а в «Прослогиуме» отвечает на различные возражения против этого доказательства. Доказательство очень простое и изящное, но почему-то студенты его не понимают. Доказательство, которое применял Ансельм

Кентерберийский, впоследствии в традиции очень часто разделялось многими философами. После Ансельма этого доказательства придерживался западный мыслитель Бонавентура, живший в XIII в., затем Декарт, величайший философ и ученый XVII века Лейбниц, позже Гегель (я называю наиболее известных представителей). Поэтому я предложу два вида онтологического доказательства. Одна формулировка Ансельма, она более сложная, а другая формулировка Декарта, который упростил непонятную формулировку. Мне кажется, что проще не бывает.

Ансельм поступает следующим образом. Это рассуждение его строится на основе 13 псалма: «Сказал безумец в сердце своем – нет Бога». Вот Ансельм вопрошает, почему псалмопевец назвал человека, который утверждает, что нет Бога, безумцем? Это неслучайно, ибо нет ничего случайного в Библии. И Ансельм рассуждает, что, по всей видимости, фраза «нет Бога» является безумной потому, что она логически противоречива. Что такое безумие? Безумие – это логическое противоречие. Значит, фраза «нет Бога» логически противоречива. Все равно, что квадратный круг. Если человек рассуждает совершенно серьезно, что существует квадратный круг, то он безумец. Вот фраза «нет Бога» подобна рассуждению о квадратном круге. Почему? Ансельм рассуждает дальше и говорит, что такое Бог. Любой человек знает, что такое Бог, в том числе и атеист – человек, который не верит в существование Бога. Спросишь у человека, который не верит, что Бог существует: «Существует Бог или нет?», и он ответит: «Нет». Человек прекрасно понимает, о чем идет речь. Бога нет, но понятие о Боге у него уже есть. Понятие о Боге и о душе у атеиста и верующего одинаковое.

Но что это значит – понятие о Боге? Это понятие о существе самом величайшем. Как говорит Ансельм: «Понятие о Том, больше чего ничего не может быть. Но может ли быть такое, что понятие о Том, больше чего ничего не может быть, сводится только лишь к понятию, а реального объекта, который отражал бы это понятие, не существует? Разумеется, понятие о Том, больше чего ничего не может быть, если реально этого не существует, не является тем самым понятием, потому что оно уже меньше, чем если бы был реально Тот, больше чего ничего не может быть. Поэтому здесь противоречие. Сказать, что нет Бога, значит сказать, что нет Того, больше чего ничего не может быть. Вот рассуждение Ансельма.

Я повторяю, это определение схоластично, и человек, не имеющий культуры философского мышления, начинает его опровергать. Поэтому я забегаю вперед и даю его в формулировке Декарта, которая гораздо проще. Декарт, приводя свою версию онтологического доказательства, говорит,

что Бог есть самое совершенное существо. Это опять же определение, с которым согласится любой человек, верит он в Бога или не верит. Понятие о таком самом совершенном существе есть у каждого человека. Бог – это существо, имеющее все возможные совершенства, т.е., как говорит Декарт, существо, имеющее все самые положительные свойства, все положительные атрибуты. Какие можно назвать атрибуты? Это любовь, это знание, это сила и т.д. и т.д. Т.е. Бог включает в себя все положительное. Богу не свойственно ничего отрицательного. Бытие – это положительный атрибут или отрицательный? Положительный. Естественно, существовать лучше, чем не существовать. Значит, Богу присуще бытие как положительный атрибут. Значит, Бог существует. Все. Из понятия о Боге выводится Его бытие. Как сказал образно Бонавентура: «Если Бог есть Бог, то Бог существует». Бог не может не существовать, ибо Он включает в себя бытие. Вот таково онтологическое доказательство.

К нему по-разному можно относиться, но я повторяю: сторонников онтологического доказательства в истории философии очень много, гораздо больше, чем сторонников другого вида доказательства. Я хотел бы обратиться к студентам со следующим методологическим советом. Считаю его немаловажным. Я помню, что так обучали меня в Московском университете, и я очень был благодарен, что нас, молодых щенков, ткнули в эту простую истину. Понятно, что когда молодой студент приходит в институт, он полон энергии, сомнений, критического задора. Ему кажется, что все можно, он все авторитеты отвергает, со всеми спорит, и для него нет ничего святого. Но с таким настроением ничего путного достичь нельзя. Если с таким же настроением приходит в естественнонаучный ВУЗ, то тебя быстренько выгонят с первого же курса после первого семестра. Если начнешь тут же опровергать Лейбница, Ньютона, Коши, Остроградского по высшей математике или кого-нибудь еще, то долго в ВУЗе не просуществуешь. Ты сначала изучи все это на протяжении 5–6 лет, а потом начинай опровергать. Но никто особо эти положения и не опровергает, потому что понимает: математика – сложная вещь, и там нужно разобраться, а в философии все проще, а еще проще в богословии. Тут мы все мастера, как известно, особенно в богословии и медицине. Это удивительная вещь. Мы все всегда готовы всех лечить, когда сами здоровы. Но когда человек заболевает, он идет к врачу. Мы все готовы рассуждать о Боге, о смерти и бессмертии, а как только прижмет, тут же забываем про всех мунитов, баптистов и рерихнутых, и тут же просим наших близких побежать к православному батюшке: «Батюшка, приди, отпусти грехи, мне умирать скоро». В этом проявляется наша природа.

Другие доказательства предложил Фома Аквинский. Фома Аквинский отказался от онтологического аргумента, считая, что он основывался на неправильном положении. «Онтологическое доказательство исходит из того, что человек знает сущность Бога», – говорит Фома Аквинский. Но человек – существо, имеющее разум, отличный от Божественного разума. Бог бесконечен, а разум человека конечен. Природа Бога бесконечна, поэтому конечный разум не может вместить Божественную природу. Есть такой гениальный образ у Августина Блаженного. Августин рассказывает: «Иду я по берегу моря и вижу: сидит маленький мальчик и плачет. Подхожу к нему и спрашиваю: «Почему ты плачешь?» А он отвечает: «Я вырыл в песке ямку и хочу перелить в нее море. Оно туда не помещается». И я понял, что я такой же глупый как этот мальчик. Я пытаюсь в свою ямку поместить Бога, пытаюсь познать Бога». Вот так же рассуждал и Фома Аквинский.

Поэтому нельзя на основании понятия о Боге вывести его существование. Тем более что это уводит человека от Церкви. Каждый человек считает, что он один без посредников, без помощи Церкви может познать Бога. Это и невозможно с гносеологической точки зрения, и опасно с точки зрения церковной, потому что чревато ересью. Познание Бога должно основываться на том, что является несомненным. Поскольку (третий аргумент) не каждый человек обладает такими рациональными способностями, которые могут позволить ему восстановить онтологическое доказательство. Понятно, что если не все студенты богословского института могут повторить онтологический аргумент, что можно говорить о необразованных крестьянах, живших в XIII в. Ясно, что это дело высоколобых богословов. Но им тоже не закрыт путь к Богу. Поэтому это доказательство должно основываться на чем-то гораздо более простом. А это гораздо более простое – это существование внешнего мира. То, что внешний мир существует, понятно любому: и Ансельму Кентерберийскому – высоколобому богослову, и простому крестьянину, который не умеет ни читать, ни писать. Вот на основании существования внешнего мира и нужно доказывать бытие Бога.

Вот принцип Фомы Аквинского, который предложил свои знаменитые пять доказательств, относящихся к физико-теологическому плану. Эти доказательства, поскольку фигура Фомы Аквинского является для Западной Католической Церкви наиболее авторитетной, включаются в любой западный католический учебник богословия и считаются практически канонизированными. Я сказал «практически», потому что они действительно не канонизированы, и Фома Аквинский для Западной

Церкви является отнюдь не единственным святым, на мнении которого нужно основываться. Эти доказательства следующие.

Первым является доказательство от движения. Все они восходят к Аристотелю. Сам Фома Аквинский строил свою философию на аристотелевской метафизике. Мир полон движения. Все вещи в мире или движутся, или покоятся. Те вещи, которые движутся, всегда приводятся в движение другими вещами, ибо не возможно быть движущим и двигающимся одновременно. Каждая вещь приводится в движение какой-либо другой вещью, а поскольку все в мире движется, то нужно предположить, что та вещь, которая движет первую вещь, сама приводится в движение четвертой и т.д. и т.д. Мы вынуждены для того, чтобы объяснить существование движения в мире, уходить в бесконечность. Но если бы мы ушли в бесконечность, то вынуждены были бы предположить существование бесконечной силы, бесконечного тела, которое приводит эту огромнейшую цепочку в движение, что, разумеется, невозможно. Следовательно, цепочка должна быть конечной, ограниченной, а в начале этой цепочки должно быть нечто, что приводит в движение, но при этом само не движется – должен быть в начале неподвижный перводвигатель.

Может ли материальное тело привести в движение наш мир, оставаясь неподвижным? Разумеется, нет. Это тело может быть только лишь духовным. Так же как наша душа приводит в движение тело, оставаясь неподвижной, так же и этот неподвижный перводвигатель приводит в движение наш мир, оставаясь неподвижным. Этот неподвижный перводвигатель и есть Бог. Вот это первое доказательство Фомы Аквинского.

Второе доказательство – доказательство от причины. Оно похоже на первое доказательство от движения или кинетическое доказательство, поэтому я буду гораздо более краток. Доказательство говорит о том, что каждая вещь имеет свою причину. Каждое событие имеет свою причину: не просто причину движения, а вообще причину, по которой оно происходит. Скажем, вы пришли сюда, потому что у вас есть желание получить знания. Это не просто причина, которая толкает бильярдный шар, а другая причина – метафизическая. У этой причины есть своя причина и т.д. Опять, по логике первого доказательства, мы приходим к выводу о существовании первопричины. Этой первопричиной по логике Фомы является Бог.

Третье доказательство – доказательство от необходимости и случайности. Все в мире или существует, или не существует, может существовать, может не существовать. А если все в мире таково, то все

вещи рано или поздно перестанут существовать. Из небытия само по себе ничто не возникает, но мир существует, значит, он существует необходимо. Есть необходимая причина: не случайная, а необходимая. Этой необходимой причиной является Бог.

Четвертое доказательство – доказательство ступеней совершенства, сводящееся к следующему. В мире есть вещи, события, явления, относящиеся к разным ступеням совершенства. Есть менее совершенные вещи, есть более совершенные вещи, есть еще более совершенные. А если есть ступени совершенства, то, следовательно, есть некоторая мера совершенства, согласно которой мы можем это совершенство оценивать. Т.е. существует совершенство само по себе, иначе говоря, самое совершенное совершенство, а совершенство само по себе – это и есть Бог.

И пятое доказательство, это доказательство, как бы повторяющее первые два, но имеющее противоположный вектор – доказательство целеполагания. Все в мире совершается с какой-либо целью. Любое действие имеет своей целью какое-либо другое действие, а то действие, соответственно, существует для другой цели и т.д. Следовательно, все действия направлены на некоторую конечную цель, а конечная цель, цель сама по себе, цель, к которой стремится весь мир, – это и есть Бог.

Вот таковы доказательства Фомы Аквинского, доказательства, наиболее авторитетные в современном католицизме.

Нет ничего нового, чего уже не было бы под луной. Поэтому сейчас в философии наблюдаются тенденции, которые стали более явственными в 60-е годы – это тенденции возврата к метафизике, пересмотр того, что было сделано в конце XVIII- начале XIX вв. Все больше соблюдается лозунг – назад к Платону, назад к Лейбницу, назад к метафизике. В католической философии мы видим возврат к Фоме Аквинскому. Что это значит? Метафизика постепенно возвращается в философию в ее классическом виде. И в нашей российской философской науке я знаю многих людей, которые мыслят именно так и рады такому возвращению к метафизике.

.....

О бессмертии души

Но прежде, чем мы поговорим о человеке вообще, остановимся на такой его важной составляющей, как душа. Что такое душа, существует ли душа, смертна душа или бессмертна, и вообще как относиться к заявлениям современных ученых, что душа не существует? Откуда берется такая убежденность? Можно ли доказать, что существует душа?

Современный мир очень любит очевидность – очевидность в смысле

легкости познания. Вообще легкость познания, легкость достижения – это одна из основных черт современного мира. Как говорил один из наших виднейших революционеров Лев Давидович Троцкий (не знаю, сказал он это иронично или серьезно, но совершенно правильно): «Двигатель прогресса – это лень».

Человеку лень ходить пешком – он изобретает колесо. Ему лень запрягать телегу – изобретает автомобиль. Ему лень ехать в другие страны – он изобретает телевизор. В конце концов, человек может всю жизнь лежать на диване. Ему даже лень подойти к телевизору переключить канал – он изобретает пульт дистанционного управления. Это все совершенно верно: лень – двигатель прогресса.

Но лень не только связана с изобретением телевизора и автомобиля, она везде проникает. Эволюция христианской церкви – это, к сожалению, тоже эволюция лени. Когда будете изучать серьезно отцов Церкви, догматику, вы увидите, насколько сложно христианское православное богословие. А из курса аскетики вы увидите, насколько сложна жизнь православного человека. Поэтому Церковь идет по другому пути. На службе стоять сложно – хорошо бы поставить скамеечки, как в католицизме. Литургия слишком длинна: хорошо бы ее сократить. Не полтора часа, как в православии, а полчаса, как в католической мессе. Пост соблюдать слишком сложно – хорошо, мы его сократим до недели перед Пасхой, как у католиков. Сейчас вообще 1 день – Страстная Пятница – в католицизме обязательный пост. Но католики – это еще ничего.

Протестанты говорят: а вообще зачем пост? Это все лишнее. Католики хоть встают на Евхаристической молитве и т.д., а у протестантов ничего этого нет. На службе полностью человек сидит. Это все развивается в меру лени. Зачем духовная жизнь, исповедь, покаяние, самосовершенствование? Приезжал протестантский проповедник: «Скажите, что вы принимаете Христа в свою душу. Приняли и вы спасены». Дальше можешь опять идти пьянствовать, воровать. Ты совершил некоторый мистический акт – дальше все нормально.

Так вот, когда я говорил об очевидности, то не случайно вкладывал в нее понятие лени, под знаменем которой живет современный мир. Неслучайно лень считается одним из смертных грехов. Действительно, лень – это мать всех пороков наряду с гордыней, как считается в православии. Из лени все вытекает. И каждый из нас, как и я грешный, понимаем, насколько мы ленивы. Но главное понимать, что лень – это грех, а не наше свойство, которое нужно культивировать. Главное это осознать, как говорят в православии – покаяться, переменить свое

сознание. Покаяние – это (по-гречески «метанойя») – перемена сознания. Переменить сознание, изменить ценности, сказать: это плохо, это хорошо, а раньше я считал наоборот.

Так вот, лень относится к разным областям, в том числе и к области самопознания. Чему нас учит христианская Церковь, в частности история Церкви? Ведь первые христиане всегда искали уединения. Они уходили в пустыни в прямом смысле, а затем в нашей русской традиции в пустыньки, в леса. Зачем они это делали? Они искали уединения, чтобы ничто не отвлекало от молитвы, а молитва, конечно же, есть деятельность души.

Человек погружался в глубины своей души, и об этом писали наши величайшие отцы Церкви. Василий Великий писал: «Если ты хочешь увидеть Бога, то должен понимать, что Это ты можешь увидеть только в своей душе». Ты должен забыть о существовании внешнего мира. Ты должен забыть о существовании своих мыслей, своих греховных помыслов. Ты должен забыть, в конце концов, о существовании самого себя. «И только лишь очистившись от всего внешнего, ты можешь взойти, – как говорил Дионисий Ареопагит, – к созерцанию непостижимого Блага», как он назвал Бога.

Некоторые люди считают в своей гордыне (как здесь одна женщина, гневно покинувшая нашу аудиторию), что я совершенно неправильно учу о том, что Бога нельзя увидеть, что Бога не видели святые. Остановимся подробнее на этом вопросе.

Бога нельзя увидеть, и святые Его не видели. Все мистические описания видения Бога, если внимательно почитать, то это не видение Бога. Это явление Бога. Бог является в том или ином виде, как правило, в виде благодати.

Наиболее знаменитое явление – это описание преп. Серафима Саровского и Мотовилова. Вот Мотовилов, непосредственно взявшись за руку Серафима, как он сам пишет, испытал непостижимую благодать. Понятно, что не может быть благодать среди снегов, в стужу. Это может быть лишь Божественная благодать, это некоторое явление Бога, но не сущности.

Сущность Бога, как учили святые отцы, непознаваема. Это аксиома. Это догмат, если хотите, на котором основывается христианская Церковь. Да, Бог являлся, но не по природе, не по сущности. Бог являлся по-разному: или как неопалимая купина – горящий куст; или принимал вид человека как Иисус Христос, но не по сути своей.

Для нас с вами единственный путь постижения Бога – в душе. Этот

путь свойствен всем людям (кроме апостолов, конечно, которые общались с Богом как с человеком, т.е. как с Богочеловеком). Бог есть дух, как сказано в Новом Завете, и познавать Его следует в духе и в истине.

Дьявол – отец лжи, и поэтому я все время говорю, что христианство не боится никаких поисков, никаких споров. Любая ложь – от дьявола. Бог есть истина и постигать Его нужно в духе, т.е. в душе. Поэтому история Христианской Церкви – это, прежде всего, история монашества. Она всегда так понималась. Более того, у отцов Церкви мы не найдем даже слов о том, что возможно спасение на путях семейной жизни, хотя в учении о семейной жизни ап. Павла говорится, что тот, кто хочет спастись, должен жениться и не блудить; и жена должна подчиняться мужу, а муж должен любить жену. Однако, хотя все это сказано, отцы Церкви в первые 10 веков особенно показывали, что более прямой путь спасения – на пути монашества, т.е. полного уединения человека.

Современный человек не любит уединения, не любит одиночества. Ему скучно. Даже когда он один, он включает телевизор, магнитофон, берет в руки блестящий журнал, который легче читать – с картинками, с комиксами. Работа души – это невероятный труд.

Я вообще долго в разные стороны отходил, только лишь бы показать, что это огромный труд – просто взглянуть в свою душу. Но если человек все же это сделает, то тогда его уже никто не убедит в том, что душа не существует. Вы ведь можете доказывать, скажем, что внешний мир не существует: что не существует ни вас, ни этого стола – ничего не существует. Ваши рассуждения могут быть самыми строгими, самыми убедительными. Я послушаю и скажу: «Все замечательно. Я не знаю, как ваши рассуждения опровергнуть, но то, что они ошибочны, в этом я уверен».

Я помню, когда я еще не был в университете, мы изучали историю философии на самом примитивном уровне. Почему-то все нам говорили, что английский философ Беркли был солипсистом. Он считал, что внешний мир не существует, существует лишь познающий субъект. Но насколько это ошибочно, и насколько Ленин не понял Беркли – не об этом сейчас речь. Беркли считал совершенно иначе. Дело в том, что многие так неправильно поняли Беркли. И был такой американский философ, малоизвестный Джонсон, который в свое время сказал, что такого бы солипсиста кирпичом по голове, тогда бы он понял: существует внешний мир или не существует. Ну, аргумент, конечно же, не отличается философским изяществом. Он грубый, но жизненный.

Этот аргумент можно привести и к области душевной жизни. Когда

человеку хорошо, когда у него все гладко, когда у него и денег в достатке, и желудок набит вкусной и полезной пищей, и не нужно бежать к врачу – он ни о чем не задумывается. Он ходит на работу, воспитывает детей. Жизнь протекает, а о душе он не задумывается. Почему? Нет кирпича. Вот когда духовным кирпичом по душе его ударишь, когда душа заболит, тогда человек скажет: «Да, видимо, душа все же существует».

Отец Андрей Кураев в одной своей статье указал на следующую ситуацию. В Москве, да и в вашем кафедральном соборе картина та же самая, что и в Москве: в церкви собираются две основные категории: старушки и молодые люди с очень умными лицами. Следовательно, в церковь идут прежде всего или люди, которым помирать завтра пора настает, и душу свою они уже ощущают, или люди, которые пришли к Богу разумом своим.

Поэтому факт существования души – это такой же факт, как факт существования внешнего мира. Нужно просто посмотреть в свою душу. Это гораздо больший труд. Внешний мир на нас давит. Он навязывает себя нам. Душа скромна. Душа молчит. Она стоит последней в очереди, вот так же, как любой умный человек, более скромный, чем хам, лезущий без очереди. Так и душа обладает большей истинностью, чем наглый материальный внешний мир. Поэтому сказано: «Не любите мира, ни того, что в мире». Любите прежде всего свою душу, ибо в ней истина, в ней Бог. «Царство Божие внутри вас есть» – сказано в Писании. Поэтому я говорю о монашестве как о главном пути спасения.

Конечно, это главный, но не единственный путь спасения. Однако он показывает нам, мирянам, тот идеал, к которому должен стремиться каждый человек. Мы все не можем уйти в кельи, но мы должны понимать, что в нашей жизни должно быть место келье: нужно уединяться, нужно молиться, нужно спокойно размышлять. Это единственное истинное доказательство бессмертия души.

Хотя есть и другие, чисто философские доказательства. Они известны еще со времен Платона. Как правило, все они сводятся, прежде всего, к тому, что душа проста. Что такое смерть? Смерть есть разделение на части, распадение на составные элементы. Тело умирает тогда, когда оно начинает смердеть, т.е. разлагаться. Можно ли душу разделить на части? Очевидно, нет. Душа нематериальна. Как утверждали врачи-атеисты с XVII в., когда началось повальное увлечение анатомией, тело разрезали, хотели увидеть там душу, а души там не оказывалось. Грубые материалисты типа Бюхнера или Фохта говорили, что мозг выделяет мысль, как печень выделяет желчь. От такого грубого материализма позже

отказались даже сами материалисты. Понятно, что мысль нельзя пощупать, нельзя подвергнуть химическому анализу. Так вот, душа нематериальна.

А можно ли от нематериального отделить какую-нибудь часть? Разумеется, нельзя. Если она не материальна, значит, она проста. Мы можем разделить на части стол или дерево. Но попробуйте разделить на части слово «стол». Не по буквам, а именно как понятие. Это понятие есть мысль, есть духовное образование. Оно не делится, так же и душа. Если душа неделима, значит, она проста. Если она проста, значит, она неуничтожима, значит, она вечна. Это доказательство восходит еще к Платону и принимается очень многими христианскими мыслителями. Сейчас оно считается наиболее часто встречающимся.

Есть и другие доказательства, которые основываются на субстанциональности души. Что значит субстанциональность? Субстанция – это то, что существует самостоятельно, является источником движения и неуничтожимо. Может ли материя быть субстанцией? Материалист скажет: «Может, потому что материя неуничтожима, материя вечна». Но материя изменяется и изменяется не сама, а под воздействием какой-то силы. Значит, она не отвечает принципу субстанции. А вот наша душа отвечает принципу субстанции. Вот интересный факт. Человек, как известно, состоит из клеток. Сущность жизни – это всегда обмен веществ. Известно, что человек обновляется в своих клетках каждые 7 лет. Кровь обновляется вообще каждые 3 месяца. Человек за свою жизнь меняется в своем химическом и биологическом составе неоднократно. Но любой самый пожилой человек понимает, что между ним и младенцем, которого он помнит с возраста 3 – 5 лет, нет никакой разницы. Это одно лицо. Это одна и та же личность. Он многое может забыть, многое может изменить в своих представлениях, но субстанциональное единство личности сохраняется. Именно это показывает субстанциональный характер души. Тело изменилось. Человек, как змея, сбросил десятки своих тел, но абсолютно ничего в душе его не поменялось. Действительно, тело как некоторая кожаная одежда, которую можно одеть, а можно снять. На сущность это не влияет.

Если бы душа была просто свойством тела, как это часто считается, если бы душа просто обслуживала тело и выводилась из некоторых его свойств, как принято говорить, что душа есть свойство высокоорганизованной материи, то тогда не было бы многих кричащих противоречий. Душа в таком случае была бы просто неким обслуживающим тело началом. Душа не могла бы противоречить телу.

Основной закон телесной жизни – это закон самосохранения. Если бы душа обслуживала тело, то такой печальный факт, как самоубийство, просто не существовал бы. Увы, как это ни прискорбно, самоубийство, которое считается тягчайшим грехом, самим своим фактом показывает, что душа отличается от тела. Душа может приказать телу: я тебя ненавижу, я не хочу, чтобы ты со мной что-нибудь имело, я хочу, чтоб без тебя.

Есть гораздо более позитивный пример: самопожертвование, когда человек жертвует своей жизнью для других людей, для спасения их жизни. Факт необъяснимый, если все сводить только лишь к телесной составляющей нашего организма.

Мне как-то возразили, сказали, что кроме закона самосохранения есть закон сохранения вида. Вот эти все факты самопожертвования человека есть подтверждение того, что действует закон сохранения вида. На это я ответил, что, увы, закон сохранения вида действительно действует в животном мире, но не среди людей. Животные никогда не находятся в состоянии войны. Ворон не выклюет глаз ворону, как известно. Волк поедает зайцев. Зайцы поедают травку. Но ни один волк не съест своего сородича, а заяц с зайцем тоже живут в мире. И верно, что есть закон сохранения вида. Человечество же живет так, как будто этого закона нет. Они истребляют себе подобных с невероятной легкостью. Даже войны, те бесконечные убийства, опять же показывают, что человек не подчиняется этим законам: ни сохранения вида, ни сохранения индивида.

Откуда берется душа? Поскольку душа проста, субстанциональна, то до христианства обычно считалось, что вечна. Есть такая теория предсуществования душ, особенно популярная в древнегреческой религии у последователей Орфея и получившая наиболее стройное утверждение у Платона. Бог творит мир, затем творит некоторое количество душ. Число их постоянно и неизменно, затем эти души переселяются из тела в тело. Тогда считали, что тела могут быть различными. Плоть – это дерево, как в восточных религиях. Платон был все же рационалистом и считал, что человеческие тела – особые, и душа может переходить только из человека в человека. Поэтому количество людей в мире должно быть постоянно или, по крайней мере, должно уменьшаться. Некоторые души совершенных людей прекращают телесное существование и начинают обитать среди богов. Ведь, в конце концов, задача человечества состоит в том, чтобы все души вернулись к богам, вышли из тела. Тело считалось могилой души, чем-то внешним – тем, что лишает душу ее истинного местопребывания.

Такое отношение к телу также очень распространено среди современных христиан, и мы об этом поговорим, наверное, на завтрашнем занятии – об отношении к телу.

Но Платон, я подчеркиваю, был философом, и этот его вывод чисто философский. Христианство утверждает сотворение души. Вернее, если быть строгим в терминологии, мир был сотворен. Были, как я говорил, три вида творения: творение мира, творение жизни, творение человека. Затем творения из ничего больше не происходит. Душа создается. У христианских богословов есть различные процессы описания, каким образом создается душа и из чего она создается. Этот вопрос один из самых сложных вопросов христианского богословия. Есть такое сравнение, что душа подобна огню, и рождение души это как зажигание. Душа матери, душа отца порождают (естественно, не сами, а при Божественном вмешательстве) душу ребенка. Отсюда и наследование некоторых черт характера, и самостоятельное субстанциональное отличие ребенка. Душа не творится, как считают некоторые католические мыслители.

Здесь я вторгаюсь в другую область – догматического богословия. Но специфика основного богословия такова, что сюда вторгаются какие-то другие области – или научные, или философские, или область нравственного или догматического богословия. Так вот, если предложить, что душа творится, то тогда совершенно не понятна искупительная миссия Иисуса Христа. Как пишет свят. Григорий Богослов: «Что не усвоено, то не спасено». Если Бог стал человеком, принял в себя истинную человеческую природу, т.е. тело и душу, то тем самым Он спас человека во всей его полноте, т.е. телесно и душевно. А если душа творится, то это была бы какая-то другая душа. Вот тело у нас у всех одно, мы все из одной и той же земли состоим, а душа, оказывается, была сотворена. Бог для себя сотворил свою душу – душу Иисуса Христа. В ней пожил и в ней же и ушел в Царство Небесное. Душа так же оказывается не спасенной. Поэтому принцип творения души в Православной Церкви отвергается сразу.

Есть непосредственная связь, пронизывающая все наши души, как процесс, пронизывающий наши тела. Это невозможно понять на уровне современного научного познания; это, может быть, невозможно понять на уровне богословия, но это факт. Вообще, познание о душе человека – это удивительная вещь. Обращаю ваше внимание: душу познать гораздо сложнее, чем даже познать Бога. Очень много парадоксальных высказываний говорю. Вы можете возражать: «Но как же, ты ведь только

что говорил, что Бога невозможно познать, ссылаясь на Священное Писание. Вы вроде бы сами согласились, а теперь говорите совсем другую вещь». Но до этого я говорил о возможности доказать существование Бога, вознестись к Богу в своем самопознании, в познании своей собственной души; увидеть, хотя бы, как сказано в книге Исход, «задняя Бога». Не сущность, а некоторую видимость, задняя, спину.

Но могу ли я увидеть душу хоть одного из вас? Ведь я вообще, строго научно говоря, должен сомневаться. И это факт, который является как раз настолько очевидным, что на основании этого люди – современные атеисты, материалисты – отрицают у себя существование души. Вот я смотрю на вас: я ни у кого из вас не вижу души. Я вижу заинтересованные лица, внимательные глаза, вижу руки, не вижу ног под партами, но могу увидеть, когда встанете. Все это я вижу. Но душу-то я не вижу. Чужая душа – потемки, как говорится. И я делаю вывод, что у каждого из вас есть душа только лишь по аналогии.

Я понимаю, что я имею душу. И если я двигаю руками и ногами, двигаю языком, произнося некоторые слова, то делаю это потому, что воздействую своей душой. Видя у вас точно такие же действия, я делаю вывод по аналогии: значит, по всей видимости, за этими вашими действиями тоже есть душа. Но познать ее, в принципе, я не могу никак.

Почему я сказал, что душа непознаваема гораздо в большей степени, чем Бог?

В христианстве говорят: «Как же так, нужно любить не человека, ближнего своего, а, прежде всего, Бога».

Это ж заповеди – возлюби Господа Бога всем сердцем твоим, и ближнего – на втором месте. Но почему? А потому, что Бога легче познать, оказывается. Он ближе к нам, чем любой самый ближний человек. Бога я знаю непосредственно, а человека я знаю опосредованно. Его мысли, даже его любовь ко мне я воспринимаю только лишь как некоторые действия. Вот простой пример, который доступен любому человеку, живущему в XX веке: кинематограф. Вот запусти в кинотеатр или посади перед экраном телевизора человека, жившего в XIX веке. Что он скажет? Представим себе его ответ.

– Вот там люди ходят живые, у них есть души.

– Почему?

– Они говорят, они двигают руками, ногами, разговаривают, общаются, дерутся. Тело то же самое.

Понимаешь, что это видимость. Включаешь свет, выключаешь телевизор. Все исчезло. Это, видимо, аналогия, значит, аналогия

неправильная. Раз этого нет, то я вообще могу сомневаться. Может быть, тоже кинематограф так передо мной разворачивается?

Где жесткий научный принцип и доказательства того, что это все реально? Его нет. Как я сказал: невозможно доказать существование внешнего мира. Но если в этом я могу сомневаться, то в существовании ваших душ я еще более могу сомневаться. Получается такое сомнение в квадрате. Бог ближе ко мне, и это гораздо более несомненный факт, чем факт существования людей. Кого я знаю непосредственно? Вас всех я знаю опосредованно. Это может показаться некоторой софистикой, но, тем не менее, это совершенно так и есть.

Необходимо еще немного поговорить о душе и об ее бессмертии. Иногда возражают, что душа, ее бессмертие эмпирически не подтверждаются. Сейчас же принято все проверять эмпирически. Что представляет собой этот критерий? Как принято говорить после стольких лет господства марксизма-ленинизма: практика есть критерий истины. Просто обращаю ваше внимание на то, насколько нужно быть внимательным в своих словах. В наши умы настолько вдолбили истины марксизма-ленинизма, что иногда я с ужасом замечая на некоторых научных конференциях: выступает какой-то православный священник, который говорит: «Согласно законам диалектики, согласно закону единства и борьбы противоположностей» или «Как известно, критерий истины – практика». Мысленно говоришь себе: «Господи, даже православные люди не понимают, насколько наш ум забит этими марксистскими, материалистическими по своей сути догмами. Каждому из нас предстоит еще работать и работать, чтобы освободиться от этих ложных теорий». Нет никаких законов диалектики. Это измышления Гегеля и повторение за ним Маркса, Энгельса и Ленина для того, чтобы оправдать свои бесчеловечные деяния на пути построения коммунистического общества. Я не знаю, какие курсы философии сейчас читаются в высших учебных заведениях, но думаю, что многие старшие преподаватели, которые сейчас остались, читают то же самое, только под другим названием.

Так вот, насчет практики как критерия истины. Понятно, что любой ученый никогда не исходит из этого критерия. Никакой астрофизик не будет говорить, что практика есть критерий истины. Какая практическая проверка может быть для общей теории относительности? Есть другие, чисто научные критерии. Но, тем не менее, какая-то практическая польза все же должна быть. В какой-то ограниченной форме практика как критерий истины существует.

И Господь по нашей слабости дает нам возможность убедиться в бессмертии души. Сейчас, особенно в последние десятки лет, с развитием медицины стало возможным воскрешать людей после нескольких минут клинической смерти. Не все, но многие из тех, кто пережил клиническую смерть, рассказывают о том, что они испытывали в это время. Это факты, которые нельзя объяснить только лишь галлюцинацией или послеклиническим периодом. Их описывают в различных книгах: Моуди, Петра Калиновского – нашего православного русского врача. Это факты общеизвестные, например, когда человек рассказывал, что делается в соседних комнатах во время операции. Можно сказать, что все эти явления – трубы и прочее – все это галлюцинации, и что все испытывают одни и те же галлюцинации, потому что у всех одни и те же физиологические процессы.

Но как объяснить, когда человек описывает, что происходило в этот момент в соседней комнате, располагающейся рядом с хирургическим кабинетом, когда он там не был? Он там был, отлучился во время клинической смерти на 10 минут – погулять по больнице. Поэтому есть и эмпирические подтверждения тому, что душа существует и что она бессмертна.

Эмпирические подтверждения описаны во многих книгах, например, в работе Ильина «Аксиомы религиозной жизни» или книге Уильяма Джеймса «Многообразие религиозного опыта». Приводятся факты, показывающие общение душ друг с другом, когда человек, находясь на другом конце земли, вдруг начинает испытывать неведомые состояния. Скажем, мать начинает беспокоиться о своем ребенке, а через год оказывается, что в это время ее ребенок был в страшнейшем шторме и ему грозила гибель. Факты есть факты. Они показывают, что есть особая субстанциальная жизнь души, которая не сводится только лишь к материальным впечатлениям.

Душа – это особая субстанция еще и в том плане, что именно в душе, как учит христианская Церковь, находится образ и подобие Божие. Я уже говорил о том, что Бог есть дух и познавать Его необходимо в духе и истине. Отсюда вытекает, что образ и подобие Божие – это душа человека, душа как вместилище разума, вместилище свободы. Разные отцы по-разному описывали то, что в человеке является образом Божиим, Его подобием.

Что значит образ и подобие Божии? По почти общему, за некоторым исключением, мнению то, что человек есть образ Божий, означает, что человек несет в себе всю полноту Бога. Он является Богом. А подобие

означает, что человек есть одновременно слабое подобие Бога. Он должен приложить к себе огромные усилия для того, чтобы соответствовать этому образу, говоря языком Аристотеля – возможности и действительности. Человек есть образ Божий в возможности, в действительности он есть подобие, и эту возможность он должен в себе еще реализовать. Отцы Церкви по-разному понимали, что значит образ Божий. И суммируя, можно сказать, что это разум человека, прежде всего. Это свободная воля человека. Это троическое деление души – то, что вера онтологически понимается в Православной Церкви как неповрежденная целокупность разума, воли и чувств. Разум, воля и чувства – это есть образ Пресвятой Троицы. Вот троическое понимание души показывает, что человек – это образ Божий. Творческая способность человека также считается такой способностью, которая является образом Божиим в человеке. Творческая способность обеспечивает человеку царственное положение в мире. Человек был создан для того, чтобы владычествовать, господствовать во Вселенной.

Если все это суммировать, мы увидим: эти взгляды отцов Церкви показывают, что душа несет в себе все эти свойства, о которых я говорил: разум, свободу, творческое начало, единство трех начал. Они не выводимы из мира материального, из мира чувств. Они чужды этому материальному миру. Они явно привнесены в него извне, и именно на этом и основывается возможность познания.

Человек может познать Бога, обращаясь к глубинам своей собственной души. Как говорили отцы Церкви: «Человек – это Бог, но Бог возможности». Ему еще предстоит стать Богом.

Возникает проблема свободы. Как относиться к ней? Хорошо это или плохо? Как относиться к тому, что человек существо разумное? Но далеко не все люди разумны. Люди живут, по выражению Гераклита так, как будто у каждого свой разум. Проблем возникает очень много. Вы могли меня здесь упрекнуть и сказать: «Ведь человек это не душа, а тело. Как быть с телом?» Ведь мы с вами не платоники, не орфики. Мы не считаем, что тело – это могила души, а ведь то, что я говорил, казалось бы, противоречит этому выводу. Бог в душе. Образ и подобие Божие – в душе. Бессмертие – бессмертие души. Как относиться к телу? Как быть с последним членом Символа веры? Верую в воскресение мертвых и жизнь будущего века? Ведь имеется в виду телесное воскресение. Поэтому о человеке, как о единстве души и тела, и о проблеме страданий, и о том, что события евангельской истории были реальными событиями, мы поговорим отдельно.

Согласно церковному учению, существует или материальная действительность, или духовная. Никакого разделения материальной действительности на, что называется, тонкую и толстую ни в области богословской, ни в области физической я не знаю. Поэтому говорить о тонкой материи – это опять же прятаться за словами и выдавать за некоторые термины просто уход от сути вопроса.

Согласно современным физическим концепциям существует вещество или поле. Поэтому, утверждая, что душа есть разновидность материи, можно утверждать, что душа есть разновидность некоего поля. Такая гипотеза высказывалась, и проводились эксперименты в лабораториях физфака МГУ и в специально созданных лабораториях при институте радиоэлектроники Академии наук. Как раз в этой лаборатории работали мои друзья, вместе с которыми я учился на Физтехе. Исследовали там всех наших знаменитых экстрасенсов: Джуну и прочих. Никакого аномального повышения известных природных полей при этом обнаружено не было: ни электромагнитного, ни рентгеновского, никакого другого вида излучения так же обнаружено не было. Хотя явления телекинеза и прочие феномены при этом присутствовали.

Это еще раз говорит о том, что душа не является ни веществом, ни полем. Душа есть духовная материя. Отцы Церкви не выдвигают физического довода, опровергая телесную природу души, а утверждают философские аргументы, показывая, что душа не может быть телом, поскольку она, как я уже говорил, проста. Если бы душа была телом, то можно было бы ее разделить на части, что невозможно себе представить. Душа – это мыслящая субстанция, могущая в качестве объекта своего мышления представлять саму себя. А если душа мыслит сама себя целиком, без остатка, это еще раз подтверждает ее совершенную и полную простоту

Иногда утверждают, причем не только сторонники так называемых астральных тел, что душа есть телесная субстанция. Иногда утверждают это и некоторые православные христиане, ссылаясь на то, что только лишь Бог есть дух. А поскольку вся остальная тварная действительность именно сотворена, то душа так же, как и материя, материальна.

В такой точке зрения есть одна ошибка. Почему-то неявно заранее утверждается, что кроме Божественного Духа никакого другого духа быть не может. А материя уже чрезвычайно богата в своих проявлениях и может иметь различные уровни материального строения. Это значит слишком обеднять область духовной жизни и, наоборот, слишком большое внимание и значение уделять области материальной. Бог есть Дух,

конечно. И Бог есть Дух непознаваемый. Но учение Церкви утверждало, в частности у Дионисия Ареопагита в «Небесной иерархии» это четко показано, что существуют различные виды духовности. Есть Бог как непознаваемый сверхсущностный Дух, а есть тварные духи, которые имеют свои 9 чинов, о которых вы, вероятно, слышали. На верхних ступенях этой иерархии находятся серафимы, херувимы, престолы, господства, силы, архангелы, ангелы и т.д. Мы видим не просто два уровня духовной жизни, а гораздо больше. Духовный мир чрезвычайно богат. Он не поддается изучению никакими физическими способами исследования.

А материальный мир более беден, он существует всего лишь в двух видах – как вещество и как поле, а точнее, как показывает современная физика, как поле, ибо вещество – это всего-навсего поле.

Эта точка зрения насчет того, что душа материальна, была подвергнута очень серьезной критике святителем Феофаном Затворником в его работе «Душа и ангел» (точнее, ее полное название – «Душа и ангел – не тело, а дух»). Работа эта была написана им в конце XIX века и перепечатана, переиздана в прошлом году. Я всем очень рекомендую прочитать эту книгу, т.к. эта книга удивительна. Феофан Затворник – это удивительный человек. Он поражает не только как русский святой, святитель, руководитель Церкви, но и как очень мудрый философ. Мне, как профессиональному философу, очень обидно, что Феофан Затворник не оставил после себя философских творений. Мне кажется, что он мог бы здесь очень многое подсказать и направить нас по совершенно правильному пути. У него есть и некоторые философские размышления, которые встречаются в его письмах, в его многочисленных комментариях на новозаветные произведения, в частности, на послания апостола Павла.

Вот эта работа – одно из наиболее серьезных философских произведений, где он на протяжении двух сотен страниц показывает опасность такой концепции, что душа может быть материальной. Он оценивает эту концепцию, как ультраматериализм – материализм, вышедший за свои пределы. Если обычный материализм доказывает, что ничего не существует кроме материи, и поэтому не существует и души, тем самым как бы боясь признания души, то такая концепция идет навстречу материализму, атеизму и показывает, что душа так же может быть материальна. А если душа материальна, то она смертна. Никакого бессмертия не существует со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому эта концепция, которая, к сожалению, с точки зрения некоторых православных людей и представляется достаточно возможной, то всегда следует понимать, что при ближайшем рассмотрении эта концепция очень

опасна. И если делать из нее все последующие выводы, то она совершенно не религиозна, а материалистична и атеистична.

О теле человека

Переходим к другому разделу изучения природы человека. Как известно, человек состоит не только из души, но и из тела, и даже более того, современный человек считает, что только лишь из тела, а не из души. Душа ему, что называется, «кажется». Это так же некоторый аргумент, который можно рассмотреть. Что значит – «кажется»?

Слово «казаться» обозначает «представлять то, что существует иллюзорно, как существующее реально». Т.е. что-то на самом деле не существует, а как некий мираж в пустыне, существует лишь в моей душе. Сказать, что душа «кажется» – значит сказать, что душа не существует реально, а существует опять же в моей душе. Слово «казаться» ничего не объясняет. Оно переводит разговор в некоторую другую плоскость, прячет за словами суть проблемы.

Ведь что значит «казаться»? Опять же казаться – значит не существовать реально.

Вот как писал блаж. Августин по этому поводу. Я вольно изложу суть его аргументов. Есть две вещи. Когда человек поранится ножом, он обнаруживает, что на теле его существует кровоточащая рана, и он испытывает боль от нее. Очевидно, что рана и боль – это совершенно разные вещи. Внешний человек, скажем, наблюдатель, врач или обидчик видит эту рану, но боли не испытывает. Он видит точно ту же рану, что и пострадавший. Пострадавший испытывает боль, причем для него боль более очевидна, более реальна, чем эта видимая рана. И что же он ответит, если он вдруг услышит: «Ну, понимаешь, рана, конечно, существует, кровь нужно остановить, но боль тебе только лишь кажется». Он пошлет подальше такого советчика. Скажет: «Что значит кажется? Мне ужасно больно. Я понимаю, что это самая реальная реальность». Человек, который испытывал какую-нибудь боль, скажем, сильную зубную боль, понимает, что это самая большая реальность, которая затмевает все остальные виды объективной действительности. Это не может казаться. Это действительно реальность.

Боль не материальна, боль духовна. Она имеет совершенно иную природу. Поэтому сказать, что человеку «кажется» подобное явление психической жизни, значит оскорбить, во-первых, его, практически сказать, что он симулянт, что никаких болей у него нет, никаких мыслей у него нет, никаких желаний у него нет. Но не только оскорбить, но и просто не понять специфику всей психической жизни.

Можно много об этом говорить – о специфике духовной жизни: иллюзорна она или не иллюзорна, кажется она или не кажется, субстанциальна душа или не субстанциальна. Но вопрос о теле – это вопрос, существующий не только в материализме, но и в христианстве. И более того, христианство – это единственная религия, которая уделяет телесному строению человека равнозначное с душой значение. Как правило, практически все религии говорят о приоритете души. Мы не говорим сейчас о материализме, мы говорим сейчас о других религиях. Допустим, мы согласимся с тем, что мои аргументы логичны, и мы доказали существование души. Практически все религии, за исключением христианства, идут в этом направлении дальше и утверждают, что душа – это действительно субстанциальная составляющая человека. Тело – это, по выражению Платона, могила души, и поэтому задача человека состоит в том, чтобы как можно скорее от этой могилы избавиться.

Почему человек не заканчивает жизнь самоубийством в таких религиях, остается загадкой. Более последовательные древние греки во многих своих философских школах как раз и рекомендовали людям, которые поняли суть своего телесного и душевного устройства, заканчивать жизнь самоубийством. Когда одного из философов-стоиков, который всех агитировал за то, чтобы заканчивать жизнь самоубийством, спросили: «Ну а почему ты сам не сводишь счеты с жизнью, ведь ты же говоришь, что все равно – душа в теле или душа без тела». Он ответил: «Поэтому я и не оканчиваю, что «все равно». Ну, понятно, что здесь конечно уход от ответа, потому что действительно – не «все равно».

Каждый человек, какие бы аргументы ему не приводили по поводу того, что души не существует, помимо этих разумных аргументов имеет некое необъяснимое ощущение единства телесной природы, единства, которое представляет собой человек, и важность тела в его природе. Ни одна религия: ни мусульманская, ни буддистская, ни языческие религии, о которых я сейчас вкратце сказал – по разным причинам не могут объяснить, зачем человеку тело. Как правило, это оканчивается или тем, что тело – это могила души, как в древнегреческой языческой религии, или тело – это видимость, иллюзия, майя по терминологии древних индусов, как в буддизме. Но здесь вы сами понимаете, что если мы только что говорили об аргументах, которые утверждают, что иллюзией является душа, и мы этому никогда не поверим, если хоть немножечко погрузимся в глубины своей души, то точно так же мы не поверим и в то, что иллюзией является наше тело, как бы буддисты нас не уверяли в реальности их аргументов. Тело реально, и для

современного человека оно более реально, чем существование души. Как я говорил вчера, тело просто кричит о своей реальности. Материальный мир заставляет в себя поверить в отличие от души – свободной субстанции, которая в силу своей свободной сущности, не может заставить в себя поверить. Чтобы ее увидеть, нужно проявить активность, деятельность. Христианство – это единственная религия, которая уделяет телу должное внимание. Во-первых, это явствует из того, что Бог творит мир, и каждое творение заканчивается словами: «И увидел Бог, что это хорошо», т.е. материальный мир оказывается имеющим благую сущность, а не злую субстанцию, как считают последователи дуалистических направлений. А с другой стороны Бог Сам стал человеком, Сам принял в Себя телесную человеческую природу во всей полноте. Бог стал человеком во всей полноте, т.е. с душой и телом. Бог стал Иисусом Христом, который родился, рос, питался, страдал, испытывал боль, т.е. имел полную человеческую природу. Он умер и воскрес, победив смерть. Таким образом, тело освящается в христианстве. Телу показывается его огромное религиозное значение – настолько важное, что указывается и последующее воскресение в телах.

Однажды Исаака Ньютона спросили: «Как он может быть настолько наивным, чтобы верить в будущее воскресение тел? Ведь мы уверены, тело совершенно истлеет. Не останется ничего, даже костей». На это Исаак Ньютон промолчал. Он взял из своего лабораторного стола железные, медные и древесные опилки и смешал их, а затем попросил собеседника: «Выделите, пожалуйста, железные». Тот ответил: «Это невозможно, полная каша». Ньютон взял магнит и за полсекунды отделил железные опилки, а затем сказал: «Неужели вы считаете, что Бог глупее меня? Неужели Он не может отделить частицы тела моего из той материальной действительности, которая приняла его в себя, используя все известные Ему способы, а не только тот, который известен мне». Поэтому этот аргумент о том, что телесное воскресение невозможно, является принижением всемогущества Божия. И очевидно, что видение пророка Иезекииля, как кости появляются из земли и соединяются в телах, то видение, в котором он видел будущее воскресение тел, – это, действительно, чувственно-наглядное описание того реального процесса, который когда-то в конце времен будет происходить.

Действительно ли так это будет происходить или в несколько иной форме, мы утверждать не можем. Но пророчество – это факт.

Почему еще важно понимать роль телесной составляющей человека в нашей с вами жизни? Без признания телесной жизни сама земная жизнь

человека оказывается бессмысленной. Зачем человек живет, зачем ему даны эти несколько десятков (кому больше, кому меньше) лет жизни? Зачем человек рождается, живет, помогает ближнему, любит, ненавидит, ищет, радуется? Зачем вообще все это? Это оказывается бессмысленным, если тело, действительно, кажется человеку, как в буддизме, и является могилой души, как в языческих религиях. Пребывание человека на земле оказывается бессмысленным. Все это не имеет никакого значения. Все наши, так называемые, нравственные дела или, наоборот, безнравственные не имеют ровно никакого значения.

Ну, убил человека. Ну и что? Душу-то ведь не повредил. Я ударил ножом в его материальную оболочку. Сделал благое дело – освободил душу от ее могилы. А если считать тело иллюзией, то тем паче: выстрелил в мираж. Не грех это, а повреждение моего воспаленного от жажды ума. Выстрелил я в буддиста и сказал: «Ничего страшного. Тебе кажется, что я тебя убил. На самом деле я помог тебе сосредоточить твои дхармы в состоянии наименьших колебаний».

Понимаете, эти все аргументы, которые я буду высказывать буддисту или язычнику, последовательны и логичны с точки зрения его религии. Но никто – ни буддист, ни язычник – с ними не согласится именно потому, что на глубинном уровне он понимает, что его теоретические выкладки – это лишь видимость объяснения. На самом деле каждый: и буддист, и язычник – держится за свое тело, за свою жизнь. Если он заболевает, то лечит свое тело. Если ему грозит смертельная опасность, он ее старается избежать. Людей, которые действительно понимают, что тело кажется им, что тело является могилой души, и последовательно проводят такую жизнь, в истории насчитывается крайне мало. Такие последовательные и честные в своих взглядах философы, конечно, были, но их было мало.

Великий Плотин – греческий философ III века после Р.Х. и тот, хотя, как указывают источники, никогда не лечился и не мылся, говоря: «К чему мне мыть свою могилу», но и тот, когда к нему пришел ученик Порфирий и сказал, что решил покончить жизнь самоубийством: «Мне надоело жить, помещать свою душу в могиле», Плотин ответил: «Нет, нельзя. Ибо всему свое время. Если боги поместили тебя в это тело, значит, жди, когда боги освободят тебя от него». Тем самым Плотин выражает мысль, что есть какая-то высшая, не подвластная его пониманию воля богов, которая и распоряжается нашей телесной и душевной жизнью.

Тело для христианина – это не могила. Как сказал апостол Павел: «Тело – это храм, храм души». В I послании к Коринфянам он пишет: «Тело это храм Божий. И прославляйте Его в душах ваших и телах ваших».

Вот точка зрения Христианской Церкви: тело – это храм души. И как храм должен быть красивым и благоустроенным, так и тело наше должно быть здоровым. Ведь вспомните даже то, что делал Спаситель, когда жил на земле. Когда к нему приходили больные, Он их лечил. Он ни одного здорового не награждал болезнью. Наоборот, Он понимал, что болезнь – это страдание и что Бог – это жизнь, это здоровье, и именно этого ждут от Него больные, слепые, прокаженные, расслабленные. Подавляющее большинство чудес, которые происходят на протяжении почти 2000 лет, связано с чудесным исцелением, и, прежде всего, люди ждут именно этих чудес в христианстве.

Никто не молится для того, чтобы перейти реку по воде как посуху. Обычно люди над этим даже не задумываются, переходят по мосту и говорят: «Ну, нормально!» А вот часто люди слишком верующие или, может быть, чересчур последовательные в своей вере, – есть такое выражение: вера не по разуму – говорят: «Нет, мы к врачу не пойдем – это маловерие. Мы лучше помолимся, чтобы Бог даровал нам здоровье». Я обычно отвечаю на это так: «Почему вы переходите по мосту через реку, не называя это неверием? Господь ходил по воде, и вы тоже ходите по воде. Летайте по воздуху, а не на самолете. Как сказал Бог: «Если у вас есть вера хотя бы с горчичное зерно, вы можете горы двигать». Я это говорю не для того, чтобы упрекнуть людей в маловерии, а из соображения целесообразности. Как ответил наш Господь во время своего искушения в пустыне, когда диавол подошел к нему и сказал: «Ну, давай, прыгни, и ангелы подхватят Тебя и понесут»? Он сказал: «Не искушай Господа Бога твоего понапрасну». Так же и здесь. Все, что зависит от нас с вами, то мы должны делать сами.

А позиция современного человека в той концепции, о которой я вчера вам говорил – о лени как о двигателе прогресса, очень проста и удивительно логична. Ленивый человек обычно говорит так: «Незачем мне надрываться несколько дней, месяцев, лет и что-то там делать. Бог всемогущ. Для Него это самое сделать – раз плюнуть. Вот помолюсь, и Он за меня сделает. А я буду потом этим наслаждаться». Бог в данном случае выступает как некоторый инструмент, например, как некоторый очень мощный экскаватор. Зачем брать лопату и копать? Можно экскаватором вырыть за гораздо меньшее время то же самое, что человек будет делать много-много дней в трудах и в поте. Вот, для многих людей Бог исполняет роль такого вот инструмента, механизма. А потом люди подобного типа еще обижаются: «Ну, как же так, я помолился, а Бог мне не дал». Экскаватор поломался, понимаете? Значит Бог неправильный или я

неправильно помолился. Понимаете, такое чисто механическое отношение. Неправильно молился – механизм поломался. Значит, нужно найти какую-нибудь другую молитву. По Москве гуляли какие-то старые, очень действенные молитвы. От веры здесь нет ничего. Это называется магия. Это не вера, это магия. Магия по определению есть способность управлять с помощью своих слов некоей другой действительностью. Вот что такое магия. Я скажу какое-то магическое слово и произойдет нечто, что при произнесении других слов не происходит. Эти слова естественно, будут таинственными, мистическими, незнакомыми другим. Поэтому я обладатель магической силы.

Как сказано в Евангелии: «Если хотите чего-нибудь, то просите. И дано будет вам». А если не получите, значит не на добро просите. Вот принцип. Мы не знаем, зачем мы молимся. Может быть, человек молится о даровании себе здоровья, а Бог ему не дает здоровья. Здесь могут быть два варианта: или молитва неискренна, вера неискренна (это первое), а если мы даже понимаем, что молитва искренна и вера наша не пуста, а здоровья все равно нет, то вывод может быть другой: Господь лучше нас знает, что нам в данный момент надо. Может быть, нам нужно не здоровье, а болезнь, и по милости, по любви к нам Бог не дает нам здоровья.

Почему? На это могут быть различные причины. Мне часто задают такой вопрос: «Вы говорите, что тело должно быть здоровым, поскольку это храм души. А как же объяснить вериги, такую аскезу, которая направлена на умервщление плоти?» Объяснение этому очень простое. Умервщление плоти никогда не являлось уничтожением плоти. Самоубийство – это страшный грех. Я знаю только лишь один пример членовредительства, и тот литературный. Отец Сергей Толстого отрубает себе палец. Опять же, для чего? Для того чтобы победить в себе соблазн, который гораздо вреднее. Или другой пример мы видим у Лескова. Он написал произведение «Гора». Демичев, когда его соблазняет блудница, вспоминает фразу: «Лучше тебе глаз потерять, чем душу». Он вырывает у себя глаз и тем самым спасает себя от душевной гибели. Это литературные примеры. Насколько были реальны такие примеры в действительности? Я думаю, что они встречались гораздо реже, чем эти литературные примеры. Но в любом случае всегда усмирение плоти было именно усмирением плоти. Оно было необходимо тогда, когда человек не мог победить свои душевные соблазны. По слабости своей человек просил себе болезнь для того, чтобы эта телесная слабость не позволяла ему совершить гораздо более тяжкий грех. Но не каждый человек может будучи здоровым,

сильным, устоять перед некоторым соблазном – перед женщиной, перед богатством, чем-то еще, а в болезни это гораздо легче сделать. Кто-то понимает это и сам просит болезнь, а кто-то не понимает, и Бог дает ему болезнь, зная, что если этот человек будет здоровым, он пойдет во все тяжкие: станет или преступником, или распутником, или еще кем-то. А в болезни он будет лежать дома, читать книжки и вести праведный образ жизни.

Но в целом отцы Церкви всегда подчеркивали, что приоритет все же отдается здоровому образу жизни. Как говорил преп. Максим Исповедник: «Сохраняющий тело свое в здоровье, имеет в нем лучшего соратника». Т.е. здоровый человек – это человек, который всегда может помочь ближнему. Больной требует внимания к себе. Он эгоист в этом плане. Здоровый помогает ближним, он любит реальной, настоящей, действенной любовью и выполняет ту главную заповедь, которую дал нам Господь Иисус Христос: «Заповедь новую даю вам: любите друг друга».

То, что тело, действительно играет огромную роль для христианина, подтверждается еще рядом фактов. Я уже говорил о вере в телесное воскресение. Неслучайно эта вера утверждается в нашем Символе веры. Удивительно, но я заметил один очень интересный факт, читая даже не нашего православного автора, а английского философа и богослова Клайва Льюиса, который обратил внимание на то, что в Символе веры ничего не говорится о бесах. Символ веры – это то, во что обязан верить каждый христианин, все остальное – частное богословское мнение: можно верить, а можно не верить. Вот Символ веры – это то, во что обязательно нужно верить. Если ты не веришь, то впадаешь в ересь. Тогда оказывается, что можно не верить в беса. Вернее, можно верить, можно не верить, но нельзя придавать этому главнейшее догматическое значение. А сейчас ведь многие именно это ставят на первое место. Чуть что неправильно сделал: бес искусил. Беса боимся больше, чем Бога. Но об этом поговорим еще позже.

Так вот воскресение в телах входит в Символ веры. Не верить в воскресение телесное – это уже ересь, уже откол от истины Христовой Церкви. Почему? Ну, во-первых, я сказал, что само творение благое. Материальный мир – это благая сущность. Сам Бог стал человеком. Как сказано: «Так Бог возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного». А также Сама Церковь наша имеет своим центром литургию – Евхаристию, т.е. Причащение. Для нас, живущих в отличие от апостолов в совершенно другое время и не имеющих возможности общаться с Иисусом Христом, разговаривать с Ним, слышать Его слова и прикасаться к Его телу, также

остается возможность общаться с Ним, но на другом уровне: причащаясь Его Святых Таин, принимая в себя Его Тело и Кровь.

Протестанты говорят, что мы пьем вино (противники вина пьют сок) и преломляем хлеб в воспоминание. Нет, для христианина это не воспоминание. Это реальное причастие к Богу Иисусу Христу в Его телесном виде. Принимая в себя телесные частицы Святых Даров, мы освящаем свою телесную природу. Наше тело приобретает возможность последующего воскресения в телах. Ведь две вещи являются необходимыми для каждого христианина, о двух вещах Господь сказал, что без них человек не может войти в Царство Небесное – это Крещение и Причащение. Вот эти два самых главных Таинства, вокруг которых вращается вся литургическая жизнь. С Крещения мы начинаем нашу жизнь, а Причащение является центром, который ведет нас от начала до конца нашей жизни.

Хотя меня все время поражает, насколько люди не понимают литургии. Люди часто объясняют: почему не надо переводить литургию на русский язык Я уже говорил об этом. Ну так вот наиболее правильное объяснение: для того чтобы выучить и понимать церковно-славянский язык, нужно сделать некоторое усилие, вложить некоторые затраты времени и сил. Это минимальный труд, который мы должны сделать. Жизнь в Церкви – это всегда труд, а не просто отдых, как было бы, если бы пошли нам навстречу и сделали богослужебный язык более простым. Но давайте постараемся вникнуть в смысл богослужения, понять, что литургия состоит из трех частей: проскомидии, литургии оглашенных, литургии верных. Я не знаю, по-человечески это может быть нехорошо, но замечаешь, насколько люди неадекватно ведут себя в храме. Вот, скажем, возглас: «Оглашенные, главы ваши Господу приклоните». Весь храм приклоняет голову. После этого говорится: «Оглашенные, изыдите». Но никто не уходит. Если вы приклонили голову, значит, вы оглашенный, значит, пожалуйста, и уходите. Кто такие оглашенные? Это еще не крестившиеся, люди, которые знакомятся с христианской верой. Над рядышком стоящими словами даже не задумываются. Налицо механическое участие в богослужении. Слышен возглас: «Приклоните!» А к кому относится этот возглас: к оглашенным, к верным – неважно. Все наклоняют голову. А ведь литургия – это огромная наука. Вот я каждый день (если, конечно, я осмысленно, а не механически стою на службе) открываю для себя новое. Это мудрость, накопленная тысячелетиями. Все подводит нас к Евхаристии: сначала мы приняли Крещение, изучили основы христианской веры, потом настроили свою душу, чтобы ничто

телесное, ничто мирское в нас не входило, и затем так постепенно, шаг за шагом подошли к Богу, который телесно к нам нисходит, и приняли в себя Его частицы. Это, действительно, огромный труд. Но гораздо больший труд проделал за нас Бог, и от нас требуется гораздо меньшее усилие, чтобы взойти в Царство Небесное.

Приведу еще одно соображение о телесной жизни – соображение, которое самого меня, когда я подумал, как холодный ушат окатило. Я рассуждал с вами о Втором пришествии, о конце света и удивлялся, почему люди православные так боятся конца света. Говорил, что для каждого из нас конец света наступает со своей собственной смертью, ведь после смерти мы уже ничего не можем делать. Мы ждем там, где нам уготовано, конца этого мира, Страшного суда. Так вот оказывается, что те несколько десятков лет, которые каждый из нас живет на земле в теле, определяют все наше вечное бытие. Потом, когда душа освобождается от тела, она не может делать уже ничего, никак себя исправить не может, сколько бы до Второго пришествия не прошло лет. Три года или три миллиарда лет – это неважно. Вот мы в теле нашем согрешили – и все. Что может нам помочь? Только лишь молитвы тех, кто живет в теле, т.е. телесная жизнь оказывается более важной, чем жизнь души. Душа без тела ничего не делает. Даже Бог для того, чтобы спасти нас, вошел в тело. Можно было бы сказать, что Он использовал тело как инструмент, но это, конечно же, неправильно. Тело не инструмент. Тело тоже сотворено Богом, как сотворен весь материальный мир.

Так вот оказывается, телесная наша жизнь, жизнь в теле, она определяет все наше последующее существование в вечности. Настолько огромное значение придается телу в христианстве.

Жизнь действительно приобретает смысл. Ведь какова жизнь атеиста-материалиста, считающего, что души не существует? Даже червей он не увидит, потому что видеть будет нечем: тело истлеет. Зачем мы живем? Для памяти? А зачем нам память? Память людей тоже исчезнет. Люди тоже истлеют. Смысл должен существовать вне человека как нечто объективное. Просто существовать для временной памяти временных людей – это не смысл, это опять же бессмыслица.

И так же жизнь не имеет смысла с точки зрения спиритуалиста. Зачем жить в теле, если тело не имеет значения? Главное – это потом. Вот тогда, когда мы умрем, начнется жизнь, исполненная смысла, а сейчас просто подготовка, начало. И тоже в таком случае жизнь бессмысленна. И только лишь христианство показывает в жизни истинный смысл.

Мы видим, что человек в двух своих составляющих имеет душевную и

телесную части как части единого целого. Невозможно представить себе тело без души. И то и другое чрезвычайно важно для христианина. И воскресение в телах, и бессмертие нашей души – и то и другое является неотъемлемой, составной частью христианского учения. Поэтому, прежде всего, христианство учит нас отношению к человеку как к целостному существу: не просто как к телу и душе, а к тому, что состоит из тела и души.

Сам характер взаимодействия тела и души – это удивительная вещь. Многие отцы Церкви, размышляя о человеке, поражались таинственной власти этого соединения и для того, чтобы описать его, чаще прибегали к характеру соединения двух природ во Иисусе Христе – Божественной и человеческой.

Вот удивительная вещь опять же получается. Я объясню, почему я объединил несколько проблем и пытаюсь исследовать их с точки зрения учения о человеке. Во-первых, как я уже сказал: сейчас такой век, когда интерес к человеку является главным интересом. Поэтому я, идя в ногу со временем, пытаюсь по-современному осветить эти проблемы, которые у отцов Церкви рассматривались в других областях. Ни у одного отца Церкви нет ни одного трактата, посвященного человеку. Только лишь у свят. Григория Нисского есть трактат «О природе человека». Это небольшая работа на несколько десятков страниц, и этот трактат на 80% состоит из изложения античных взглядов на физиологию человека – то, что совершенно нам не интересно, богословского смысла не имеет. Казалось бы странно. Речь идет о спасении человека (главное ведь в христианстве – это спасение человека), а отцы Церкви этому внимание, казалось бы, не уделяют.

Но в том-то и дело, что уделяют, и через все работы это проходит красной нитью. Но какова же эта основная мысль? Человек рассматривается как образ и подобие Божие, и поэтому спасение человека, познание человека возможно только лишь в том случае, если мы будем правильно знать Бога. Оказывается, Бог для нас ближе, чем я сам, не говоря уже о душе другого человека. Чтобы познать самого себя, я, прежде всего, должен стать Богом, должен, как говорят протестанты, принять в себя, принять в свое сердце Иисуса Христа. Вот когда я верую в Иисуса Христа, имею истинную веру, тогда я правильно понимаю сам себя. Тогда я имею в себе Бога, тогда я знаю, как спастись, потому что знаю, кто я такой. Фейербах сказал: «Тайна теологии есть антропология», но правильнее сказать наоборот: «Тайна антропологии есть теология». Чтобы понять человека, нужно понять Бога.

Именно поэтому отцы Церкви сравнивали: как описать, как душа соединяется с телом, ведь невозможно описать механизм соединения телесного и духовного начал. Как только мы пытаемся это понять, мы тут же или материализуем душу, или, наоборот, пытаемся объяснить, как тело входит в душу. Рассмотрим обе эти точки зрения. В первом случае мы говорим: душа находится там-то: в сердце, в мозге, в пятках, где угодно. Но этого не может быть. Душа духовна, и поэтому она не пространственна, а если она не пространственна, как она занимает мое тело? Мои один метр семьдесят по высоте и сколько-то по ширине? Вне меня она есть или нет? Опять же мы переводим душу на пространственные категории.

Во втором случае мы тело наше спиритуализируем. Понять механизм соединения материального и духовного мы не можем. И это же подчеркивали отцы Церкви, когда говорили, что, по всей видимости, характер соединения тела и души напоминает нам характер соединения Божественной и человеческой природы в Иисусе Христе. Понимаете? Чтобы понять природу человека, мы должны понять догматически правильно природу нашего Спасителя. А смысл соединения двух природ описывается Халкидонским собором: неслиянно, нераздельно, неразлучно, непреложно. Вот так же и наша душа, наше тело. С одной стороны, неслиянно: вот душа, вот тело, а с другой стороны, нераздельно.

Мы скажем: «А как же нераздельно? А после смерти тело и душа существуют, значит, раздельно!» Но в том-то и дело, что они существуют в ущербном виде, существуют неполноценно, в ожидании последующего воскресения. В ожидании – душа ничего не делает уже. Она не может свободно исправить себя, покаявшись. Представим себе такую ситуацию: человек умер, увидел, что действительно бессмертен и сказал: «Сейчас быстренько исправлюсь. У меня до Второго пришествия еще несколько тысяч лет». Нет, все, душа не может ничего делать, и она покорно ведома ангелами в то место, где ей предстоит ждать. И как бы она там не плакала, не жаловалась, ничего она сделать уже не может, ее состояние уже неполноценно. Поэтому такая важная роль отводится целостному человеку.

Целостный человек – это личность. Христианство привносит в мир совершенно новый философский и богословский термин – личность, по-гречески – ипостась. Опять же здесь приходит к нам на помощь богословское описание. Что говорит нам догмат? Иисус Христос – это две природы: Божественная и человеческая, но одна личность. Так и человек: две природы – духовная и материальная, но одна личность, и эта личность

неуничтожима, и в этой личности и сохраняется образ и подобие Божии.

Часто образ и подобие Божии для более легкой критики христианства понимаются по примеру своей испорченной природы. Если материалисты считают, что человек – только лишь тело, то они так же и понимают, что Бог похож на человека только лишь телом. Возникает представление о Боге как о некоем старце, восседающем на облаках. Сказано же: по образу и подобию. Что такое человек? Это голова, две руки, две ноги, больше ничего. Но такого никогда не высказывалось в христианстве.

Во-первых, указывается, что Бог есть дух. А во-вторых, когда мы говорим о полноте образа и подобия, то мы должны говорить об образе и подобию Иисуса Христа. Вот наше телесное подобие Богу – это телесное подобие Иисусу Христу. А в реальности Его исторического существования сомневаться невозможно. И об этом мы будем говорить сегодня на заключительной лекции.

Когда я говорил о том, что человек – это личность, у вас должен был возникнуть такой вопрос: как понять, что такое личность? Иногда мы понимаем личность как синоним слова индивидуальность. У одного мужской пол, у другого женский. У одного темные волосы, у другого светлые. Кто-то умнее, кто-то глупее. Кто-то красивее, кто-то не вышел лицом. У каждого своя индивидуальность. Но личность заключается не в этом, и это понимает любой юноша, любая девушка, когда перед вхождением во взрослую жизнь эта проблема становится самой главной.

Вот представим себе: человек сохранил бессмертие. Он совершил первородный грех и не был изгнан из рая, когда ослушался Бога, и понял, что это не так уж и опасно. Ну, ослушался Бога: ничего такого не случилось. Да, конечно, придется немного потрудиться, чтобы хлеб получить. Бесплатно это было раньше. Ну и что, потрудимся, зато мы бессмертны. Человек есть критерий добра и зла. Он может делать что угодно, ничто его не останавливает. Человек будет готов на разную пакость, на разную мерзость. Он давно от Бога отошел, от Его личного общения и ничто его не останавливает. А что меня остановит? Я могу со своим ближним сделать что угодно: он ведь тоже бессмертный. Поэтому смерть у нас сейчас единственное реальное начало, которое останавливает всех людей. Увы, человек настолько низко пал, что даже смерть останавливает не всех. Но когда мы видим некоего «отморозка», для которого что комара, что человека убить, то мы действительно говорим, что это «отморозок». Это человек, лишенный всяческого человеческого начала, именно потому, что он перешагнул через смерть, через первое святое начало в человеке – жизнь. И мы, как настоящие люди, имеющие в

себе нравственное человеческое начало, боимся обидеть другого человека, не говоря уж о том, чтобы его убить, боимся обидеть, потому что понимаем, что это может привести к печальным последствиям. Поэтому смерть – единственное реальное начало, которое мы все знаем, и оно сохраняет в мире нравственность, сохраняет человека человеком. Понятно, что не в этом сущность человека. Человек был по определению бессмертным. Но сейчас у нас другая природа, и по любви своей к нам Бог дал нам ее, понимая, что если лишить человека состояния смерти, то он бы пал настолько низко, как пали ангелы, ставшие бесами, оставшиеся бессмертными. Но им уже закрыта дорога обратно к спасению именно потому, что они являются бессмертными. Из любви к нам Бог дал нам смерть.

Свобода человека

Итак, возвращаясь к вопросу о свободе: как относиться к этому спору между Августином и Пелагием? Православная Церковь занимает иную позицию. С одной стороны, утверждается частичная правота Пелагия: действительно, человек всегда, в любом состоянии сохраняет в себе свободное начало, может выбрать между добром и злом. Однако Православная Церковь сохраняет и правоту Августина, утверждая, что да, действительно человек имеет свободу поврежденную, и соглашается с Августином, который сказал, что ошибка Пелагия состояла в том, что он неправильно определил свободу. Нельзя говорить, что свобода – это выбор между добром и злом. Если дать такое определение свободы, то тогда мы вынуждены будем признать, что Бог несвободен, Бог не есть личность. Ибо Бог не выбирает между добром и злом, иначе Бог не есть Бог. Существует некое добро и некое зло, возвышающиеся над Богом, между которыми Он выбирает. Это элементарное противоречие в определении. Свобода есть независимость. В прямом смысле этого слова – самодеятельность, возможность действовать самостоятельно, независимо ни от чего. Вот что такое свобода. Это совершенно правильное замечание Августина. И наличие свободы в Боге передается человеку. Человек свободен так же как Бог, имея это состояние независимости ни от чего – самодеятельности. Это есть истинное начало свободы, которое сохраняется в человеке всегда. С другой стороны, да, в человеке не сохраняется свобода на уровне понимания ее Пелагием – свобода как выбор между добром и злом.

Это два уровня свободы, о которых учил преп. Максим Исповедник. Есть свобода гномическая (по терминологии преп. Максима), т.е. свобода греховная, возникшая в результате грехопадения как выбор между добром и злом, и свобода сущностная – свобода как самодеятельность. Сущностная свобода неизменяема. Она сохраняется в человеке и составляет его Божественную природу, его сущность.

Свобода как возможность выбора между добром и злом приводит к тому, что человек по нынешней своей природе больше любит зло. Как говорит апостол Павел: «Чего хочу, того не делаю, что не хочу – то делаю». Ибо люди возлюбили грех – он приятнее на глаз, как плод для Адама и Евы. Его легче делать. Поэтому мы, грешные люди, выбираем между добром и злом, и наш выбор останавливается на зле. Его легче делать. Чтобы сделать добро, нужно трудиться, а зло очень просто, оно само предлагает себя. И поэтому в действительности (св. Августин прав)

мы всегда выбираем между добром и злом, как правило, зло. Но возможность, благая воля всегда остается. Вот эта возможность свободы в человеке всегда присутствует, и поэтому нужно это всегда иметь в виду, иначе мы не поймем это отношение человека с одной стороны как образа и подобия Божия, как свободного существа, а с другой стороны, человека как раба Божьего.

Почему человек есть раб Божий? Что значит свобода? Подойдите к любому человеку на улице и спросите его об этом, и он скажет: «Свобода – это возможность делать все, что хочу». Правильно ли такое определение свободы? Ну, пожалуйста, захотелось летать – летай. Подымись на крышу дома, расправь руки и полетай, если ты – человек неразумный, как скажем двухлетний ребенок, которому захотелось полетать. Такие печальные случаи бывают достаточно часто. Оставшись без присмотра родителей, ребенок залезает на подоконник, спрыгивает и летает несколько секунд. Почему? Потому что не понимает свою зависимость от законов природы. Он действительно думает, что полностью свободен. Он может плавать свободно, может делать то, что хочет. Чем умнее человек, тем больше он понимает, что он свободен, но в крайне ограниченных рамках. Он зависим от природы, частью которой является. Иначе говоря, человек понимает, что он раб законов природы. Но может ли человек эти законы как-то использовать? Может только лишь в том случае, если поймет, что не он творец этих законов, а их раб. Поняв это, признав это как факт, познав их природу, человек может эти законы использовать. Признав, что не я сотворил закон всемирного тяготения, не я сотворил законы аэродинамики, я могу познать сущность этих законов, могу построить летательный аппарат тяжелее воздуха, и тогда я, значит, научусь летать. Я действительно исполнил свою мечту: я полетел. Тогда, когда я признал, что я раб законов.

А если не сводить все мироздание только лишь к материальной составляющей, только лишь к материальным законам, тогда получается, что человек должен признать, что он раб Творца мира. И как в случае с этими законами, мы, признавая, что мы рабы законов, зависим от них, становимся свободными, так и здесь, признав, что я раб Божий, я приобщаюсь к Его природе, я познаю Бога, и в результате становлюсь свободным как Бог. Одно предполагает другое. Иначе я уподобляюсь ребенку, который говорит: «Я что хочу, то и делаю». А на самом деле любой студент первого курса семинарии скажет: «Какой же ты свободный? Ты раб греха. Ты делаешь не то, что ты хочешь, а делаешь то, что хочет твоя левая нога, твой желудок, твои глаза. Душа твоя не

свободна, она подчиняется твоим органам чувств. Ты раб греха. Ты от него зависишь». Как иронизируют иногда курильщики: «Ты не свободен: ты не куришь. А я свободный человек: хочу – курю, хочу – не курю». Понятно, что даже они понимают всю условность этого аргумента, зная, что они уже стали рабами табака. Человек, пристрастившийся к курению, хочет – курит, не хочет – к сожалению, тоже курит. А истинно свободный человек – это человек, который не курит. Он понимает, что это зависит только лишь от него. Он не курит потому, что он свободен. Он понимает всю пагубность этой привычки.

Однако, поскольку мы понимаем двуслойность свободы в человеке, наличие свободы выбора между добром и злом и почти всегда тяготение человека к злу, то человек должен в какой-то момент сказать себе, особенно тогда, когда он еще новоначальный (а мы сейчас все новоначальные в вере): «Лучше я на время пока что откажусь от своей свободы. Лучше я послушаю своего духовника или настоятеля (если речь идет о монастыре), я полностью откажусь от своей свободы, чтобы не впасть в другой более страшный грех. Потом, когда я действительно смогу главенствовать над своими плотскими помыслами, тогда я перейду на другой уровень понимания своей сущностной свободы. Пока я лучше откажусь от нее». Поэтому здесь нет никакого противоречия между пониманием человека как раба Божьего и отказом от своей свободы. Речь идет о разных свободах, во-первых. А во-вторых, здесь можно обратиться к стихам нашего великого русского философа и поэта Вл. Соловьева. Позволю себе процитировать их: «Все, что на волю высшую согласно, своею волей чуждую творит. И под личиной вещества бесстрастной везде огонь Божественный горит». В этих двух первых строках сокрыто то, что я говорил. Попытаемся понять их смысл. Все, что на волю высшую согласно, т.е. подчинение моей воли Божией, своею волей чуждую творит – я приобретаю божественную свободу, вбираю ее в себя, и тогда, по слову Святого Писания, не я живу, а живет во мне Христос. Я становлюсь абсолютно свободным.

Еще одно соображение по этому же поводу. По учению св. Иоанна Дамаскина – есть три вида служения Богу: служение раба, служение наемника и служение друга. Это нужно понимать. Мы, к сожалению, часто не можем выйти на более высокий уровень богопознания и жизни в Церкви. Да, мы часто служим как рабы, но это тоже возможный путь к спасению. Мы слепо выполняем свои обязанности, не вдаваясь в подробности, как хозяин приказал рабу: делай то-то. Раб понимает, что задавать вопросы – это не его дело. Он должен сделать свою работу и

получить свое вечернее пропитание. Многие христиане еще во времена И. Дамаскина поступали так, и сейчас многие идут по тому же пути: есть заповеди, есть повеления; мы ничего не понимаем, не вникаем. Мы исполняем повеления и надеемся, что после смерти получим свое воздаяние.

Есть другой более высокий уровень – уровень наемника. Человек понимает, что он такой же, как и господин. Он не раб, а наемник. Он может сторговаться, может назначить определенную цену, спросить: «А зачем нужна эта работа?» Но при этом отношения достаточно эгоистичные: наемник работает для себя, руководствуясь принципом: я выполнил работу, получил свою зарплату – и все; дальнейшее меня не интересует – последние ты хозяин деньги отдал или нет, оставил ты немного для своих детей или полностью все отдал; ты меня не интересуешь, я для себя работаю. Это более высокий уровень, который как бы предполагает возвышение человека на уровень Бога, но опять же этот уровень не истинный, ибо человек остается эгоистичным.

Истинный способ служения Богу – это служение друга, когда человек делает какое-то дело для своего друга, не требуя для себя вознаграждения. Он делает это потому, что знает, что это нужно его другу, а значит, нужно и ему. Он поступает как человек, который любит своего друга, свою жену, свою возлюбленную и делает для него или для нее какое-то дело, понимая, что в этом обретает сам для себя свое счастье: он будет несчастлив, если его друг или подруга останутся без помощи. Так же и здесь. Вот это истинное служение – служение, которое называется любовью. Это любовь, которая по слову ап. Павла ничего не требует, долготерпит и т.д., т.е. все описания истинной любви. Она никогда не бывает эгоистичной, всегда абсолютно альтруистична. Вот истинный смысл понимания свободы человека в христианстве, если хотите (я очень не люблю этого слова), диалектическая связь свободы и необходимости, свободы и предопределения.

Как мы говорим, что человек свободен, когда все предопределено, известно заранее? Можно довести эту проблему до парадокса. Я здесь распинаюсь, рассказываю вам истины христианства, и большинство из вас, я уверен, внимательно слушают меня. Многие, если здесь есть люди нецерковные, придут после этого в Церковь. Я буду радоваться, поскольку в чем-то достиг своей цели. Но откройте последнюю книгу Библии, там написано, что будет. Я знаю, что все равно это закончится поражением Церкви на земле, закончится царствием антихриста. Зачем я и вы все это делаем, если все закончится победой антихриста? И с этим сделать мы

ничего не сможем. Мы не можем пойти поперек рожна. Мы никак не изменим то, что написано в вечности. А дело в том, что здесь сказано другое: царство антихриста наступит тогда, когда будет проповедано евангелие по всей земле, а это зависит только лишь от нас. Это, во-первых. Во-вторых, дальше сказано, что борьба с этим антихристом будет вестись человеком. Останутся люди, которые и тогда будут христианами, хотя будет настолько тяжелое время, что многие не смогут даже призвать Имя Божие. Это тоже может показаться странным: что за времена такие, что призвать Имя Божие невозможно. Это иудеи запрещали даже произносить Имя Божие. Мы же, христиане, этого запрета лишены. В связи с этим приведу такой пример: все читали и все помнят сказку «Снежная королева». Помните, когда Кай едет на санях, Снежная Королева увозит его в свое царство. Кай испугался, он хочет прочитать «Отче Наш» и не может – забыл, хотя превосходно знал эту молитву. Это очень христианская сказка. Снежная королева – это сатана, а Герда – истинно любящая христианка, которая спасает своего брата – ближнего. Так вот, сатана делает так, что человек не может Имя Божие произнести. Вот в чем опасность. Поэтому нужно, как сказано в Евангелии, постоянно бодрствовать, никогда не отвлекаться. Мы отвлечемся, заснем на 5 минут, а потом проснемся – и все: мы уже во власти сатаны и не можем произнести Имя Божие

Так вот, победа над антихристом, победа над сатаной не мыслится без человека. Человек призван для того, чтобы войти в Царство Небесное, в котором будет новая земля и новое небо, а это нужно заслужить, этого нужно добиться, достичь посредством соработничества Богу. Человек вместе со всеми небесными силами осуществляет эту борьбу. Поэтому результат предопределен вместе с нами и зависит от каждого из нас. Единственно, что не предопределено – это на чьей стороне мы окажемся, где мы, в конце концов, обретем свою вечную участь – в Царстве Небесном или в геенне огненной. Вот этого не может предопределить даже Бог.

Есть такой парадокс (очень часто противники христианства приводят разные парадоксы для того, чтобы показать неразумность христианской веры): может ли Бог создать камень, который Он Сам не сможет поднять? Вы знаете такую шутку. Если не может создать – какой же Он Творец? Если не может поднять – Он не всемогущ. Ответ очень прост: Бог уже создал такой камень – это человек. Человек это и есть камень, который Бог не может поднять. Бог не может нарушить и отменить свободу человека.

Спускаясь с богословско-философского уровня на уровень бытовой, отметим такой вопрос: почему Православная Церковь возражает против

теории апокатастасиса, т.е. теории всеобщего спасения. Это теория, которая была предложена Оригеном и осуждена на V Вселенском Соборе. Смысл ее заключается в том, что впоследствии все, даже злодеи и сам сатана, после различных испытаний, исправлений, обретут свое место в Царстве Небесном. Будет всеобщее спасение – апокатастасис. Христианская Церковь осудила это решение и осудила очень логично и последовательно. Это будет нарушение свободы человека.

Попробуем опуститься на нашу грешную землю и попытаемся мыслить без всяких богословских и философских хитростей. Каждый человек сейчас волен выбирать. Каждый человек знает о том, что был Иисус Христос, знает и о том, что есть христианство, которое утверждает, что есть рай и ад. Каждый человек знает, что если он будет верить в Иисуса Христа, ходить в церковь, соблюдать необходимые условия, он попадет в рай, а если он не будет этого делать, то попадет в ад. Каждый человек это знает, невзирая на то, какое у него образование. И человек говорит: «Да, я буду жить так-то и так-то, я сам делаю такой-то выбор». Но он знает, что согласно учению Христианской Церкви за этим следует наказание в аду. Он сознательно и ответственно выбрал свою посмертную участь. Как же можно его заставить? Он не хочет идти в рай. Он не хочет, а вы его заставляете, тянете. Известный английский писатель Бернارد Шоу на вопрос какого-то журналиста: «Где бы вы хотели оказаться, в раю или в аду?» ответил: «В раю, конечно, климат потеплее, но в аду публика поинтересней». Как его можно заставить? Человек свободен. Это не камень, это не собака. Хочет человек в ад: пожалуйста, предоставим ему эту возможность. Каждый делает свой выбор самостоятельно.

Проблема зла и страданий

И еще одна проблема, вызывающая множество споров, – это проблема наличия в мире зла, проблема страданий существ невинных, праведников. Почему наш мир так устроен, что люди, которые живут нравственно, добродетельно в этой жизни страдают, а злодеи благоденствуют? И как это все примирить с существованием Бога, который все видит, все знает и, как утверждаем, любит свои создания? Что же это за любовь, если он заставляет праведников страдать? Отсюда вывод: Бог не может помочь или Бог не знает, что в мире делается. И то, и другое невозможно в силу общего учения о Боге. Или Бог не любит тех, кто любит Его, что тоже невозможно. Вывод очень простой и логичный – значит Бога нет.

По-моему, ни одна проблема не породила в мире столько атеистов, сколько проблема наличия в мире страданий. Ни научные, ни богословские проблемы – все это нас не касается. Человек всегда больше озабочен своей собственной шкурой. Что там говорили Дарвин или Ламарк, Эйнштейн или Ньютон, сотворен мир или не сотворен – все это ерунда, когда у меня болит зуб.

Как говорил Паскаль: «Если бы геометрические теоремы затрагивали интересы людей, то они необходимо оспаривались бы». Но поскольку геометрические теоремы интересы людей не затрагивают, то к ним относятся спокойно. Ну, какая разница – сумма квадратов катетов или сумма кубов – от этого мне не легче и не тяжелее, а здесь страдание.

Я, как считают, пошел вчера в церковь, поставил свечку, подвиг совершил, а к зарплате мне в следующий день начальник не прибавил. Ну и что за справедливость? Нет, я больше в церковь не пойду. Я утрирую, но мышление многих людей немногим отличается. Пойти в церковь, поставить свечку – это у них считается подвигом.

Один мой знакомый оставил в метро кошелек, в котором было несколько тысяч долларов, и с ужасом вспомнив об этом, тут же вскочил в закрывавшуюся дверь. Потом зашел тут же в Церковь и оставил там всю мелочь. Понимаете, какое отношение: мне – несколько тысяч долларов, церкви – мелочь. Вот наша природа. О чем тут говорить?

Вы понимаете, что вопрос здесь упирается в вопрос отношения Бога и мира. Теодицея построена на том, что Бог всемогущ и один, и Он может делать в этом единственном мире все, что Он хочет. Отсюда возникают различные другие варианты решения проблемы теодицеи.

На почве рассматриваемой нами проблемы возникало множество ересей, например, считается, что есть два бога – один добрый, другой злой – это ереси манихейского типа. Этих взглядов придерживались манихеи, с которыми боролся Августин, или богумилы, в начале второго тысячелетия появившиеся в Болгарии, потом и в Россию перебравшиеся. Августин сам придерживался по молодости лет манихейства, но пришел к элементарному логическому выводу о том, что этого не может быть. Два всемогущих бога быть не может, потому что это логическое противоречие. Бог только лишь один. Но если Бог один и все в мире зависит от Него, то это не объясняет проблемы существования в мире зла. И христианство основывается при решении этого вопроса на одном из своих центральных догматов. Это Халкидонский догмат, принятый на Вселенском соборе. Я уже говорил, как определяют соединение природ во Христе. Мы лучше понимаем сущность человека, когда говорим, что душа и тело так же соединены неслиянно, нераздельно.

Так же мы понимаем и отношение Бога и мира. С одной стороны, мы понимаем, что мир сотворен Богом. Он сотворен не из Божественной сущности, а из небытия. Так что мир существует с одной стороны поддерживаемый Богом, Его промыслительной силой, в Его, как принято говорить на церковном языке, домостроительстве, т.е. все, что делается в мире, зависит от Него. А с другой стороны, мир независим от Бога. Иначе как понять слова: «Бог так возлюбил мир»? Как можно возлюбить то, что не существует вне? «Не любите мира и того, что в мире»: если мир сейчас в Боге, то не любить мир – значит не любить Бога. Сатана есть князь мира сего, а не Бог, т.е. отношения Бога и мира не столь просты, как описываются они в той логике, которую я вам обрисовал. Мир и зависит от Бога, и не зависит, поскольку сотворен из небытия, из ничего по Божественной воле. Это первое.

Теперь рассмотрим второе положение. Мы уже говорили о человеке и его свободе, о том, что человеческая свобода такова, что она подчиняется лишь сама себе. Свобода человека есть еще одно начало, которое не зависит от Бога. Поэтому зло, которое есть в мире, творится только лишь от человека. Только человек есть творец зла. Что такое зло? Почему мы называем одни вещи добрыми, а другие злыми? Христианство отвечает на этот вопрос очень просто. Зло, грех есть непослушание воле Божией. Критерий очень прост.

Значит, поскольку существует в мире только лишь Бог и то, что Им сотворено, кроме Бога творца в мире нет. Человек – не творец, не творец в смысле сущностном. Может ли человек создать хоть один закон природы,

нечто субстанциальное, вечное? Человек может автомобиль сделать, который через день сломается, это да. А субстанциальное, вечное человек создать не может. В этом смысле человек не творец. Поэтому все, что в мире существует, существует только лишь созданное Богом. А поскольку Бог благ по своей природе, то все, что в мире существует, имеет благую природу. Злой субстанции в мире нет. Говоря еще проще, зла в мире нет. Вот такой вот странный вывод.

Вы можете подумать, что я зарвался и заговорился. Нет, это не я говорю. Это говорят отцы Церкви: блаженный Августин, Василий Великий, Дионисий Ареопагит. Зла в мире нет. Нет именно для того, что существует субстанционально. Зло возникает в результате деятельности человека, как деятельность, противная воле Божией.

Вот, если хотите, такое сравнение. Тень, она существует или нет? Вот солнце, а вот тень. Существует тень? Скажете: «Да, существует», а я на это отвечу: «Принесите ее сюда мне, пожалуйста», т.е. мы понимаем, что реально она не существует самостоятельно. У нее нет объема, массы, веса. Она существует и не существует. Она зависима от солнца и от реальной вещи. Вот так же и зло. Зло – это тень, которую отбрасывает человек, направляя свои усилия от Бога, не более того. Бог – это свет, который во тьме светит, и тьма не может объять Его. А человек, увы, делает все, что от него зависит, чтобы этот Свет закрыть, и мы творим эту тень. Вот что такое зло.

Поэтому возникают теории, что для Бога зла не существует, что Бог выше добра и зла. Это неправда. Для Бога, действительно, зла не существует как чего-то субстанционального, но зло существует, потому что существует человек с его свободной волей и существует непослушание человека воле Бога.

У Августина есть еще такой пример. Он долго размышлял, почему существует зло. Ведь зло существует не только как человеческие поступки. Зло существует и в природе. Например, дерево растет. Мы понимаем, что оно красиво, что оно благоухает весной. А потом оно засохло, начинает гнить. Запах неприятный. Тоже можно сказать, что налицо некоторое зло. А человек здесь при чем? Человек здесь не при чем. Это явление природы. Пойдешь в лес – там болото, аммиак тоже не особенно приятно пахнет, там змеи ползают. Это вам не зайчики и не колокольчики.

Августин говорит, что существование зла подобно примеру с гниением дерева. Гниение кажется злом, но на самом деле гниение существует до тех пор, пока существует дерево, т.е. благое начало. Нет

дерева – нет гниения. Зло на языке современной биологии – это паразит. На языке богословия зло – это умаление добра. Дерево гниет, становится меньше его реальная природа, тем больше вони, тем больше зла, а потом все сгнило и зла нет. Вот как говорят: гильотина лучшее средство от головной боли. Конечно, отрубишь голову, и болеть перестанет. Такой вот черный юмор. Однако не этого добивается человек, который говорит: «Сделайте все что угодно, лишь бы у меня голова не болела». Тогда вы говорите: «Вот, пожалуйста, палач есть, и никаких рецидивов не будет в будущем, излечат навечно». Понятно, что это не лечение. Нет жизни – нет и болезни. Поэтому зло есть умаление добра. Болезнь существует только лишь в живом организме, а в мертвом теле нет болезни, нет зла. Поэтому Серафим говорил, что зла онтологически, сущностно не существует. Зло всегда возникает как результат деятельности человека.

Но вы скажете мне: «Все замечательно, ваши рассуждения красивы. А вот если бы вас жизнь потрепала хорошо, тогда вы по-другому заговорили бы. Вы бы поняли, что зло реально существует, более реально, чем благо». Как мы говорили, нет ничего более реального, чем боль, которую испытывает человек. Нет ничего более реального, чем душевная боль, которая приводит человека к осознанию того, что, действительно, душа существует, как говорит Церковь. Здесь уже речь идет о другом аспекте понимания зла и страданий в мире.

То, что зла не существует – факт. Зло – это тень, это паразит на нашем мире. Но Церковь учит нас, что Церковь появляется в мире в результате грехопадения. Это факт, который нельзя забывать, и на этом факте основывается все учение христианства. Почему это так? По учению христианства Бог – это жизнь. Поэтому жизнь в нашем обычном истинном смысле этого слова возможна только лишь тогда, когда человек принимает Бога и живет в Боге. В чем состояло грехопадение? Мы с вами уже говорили об этом, но добавим еще пару слов. Первородный грех состоял в послушании воли Божией. Человек отошел от Бога сознательно, как бы сказал: «Ты мне не нужен». Т.е. человек сознательно отошел от жизни и сделал шаг в направлении к смерти.

Бог – это жизнь. Уход от Бога – это уход от жизни. Но Бог любит человека. Он не отпустил его окончательно. И поэтому человек живет в этом состоянии полужизни-полусмерти. Мы вроде бы живем, но эта смерть все время присутствует в нашем бытии: смерть в виде несправедливости, смерть в виде страданий, смерть в виде зла, смерть, в конце концов, в виде телесной смерти – разлучения души и тела. Может ли человек самостоятельно избавиться от этого своего состояния? Конечно,

нет. Человек не может изменить свою природу так же, как он не может вытащить себя за волосы из болота, для этого нужна внешняя сила. Победа над смертью возможна только лишь Тем, Кто является жизнью. Смерть может победить только лишь жизнь, только лишь Бог. Но что нужно сделать, чтобы победить смерть? Нужно принять в себя смертную природу человека. Т.е. Бог стал человеком, воспринял в Себя все кроме греха. Он умер и воскрес, победив тем самым смерть.

Можно сказать, что все: победа над смертью осуществилась. Человек спасен. Но вы забыли о свободе. Бог онтологически изменил природу человека, основав Церковь, показав, каким образом в евхаристическом общении человек может приобщиться к Божественной телесной природе, приняв в себя тем самым бессмертное начало, и одержать вместе со Христом победу над смертью. И это зависит только лишь от человека. Бог может помочь человеку, но окончательная победа над своей собственной смертью зависит от каждого человека, ибо свобода человека не нарушается.

У нас осталась одна лекция. О проблеме философской апологетики мы с вами говорили на языке философском и богословском, чтобы понять, в чем состоит суть страданий и в чем состоит суть спасения, которое было осуществлено Иисусом Христом путем воплощения в человеческое тело, смерти и победы над смертью. Однако есть более понятные философские ответы на эти вопросы. Когда каждый человек, что называется, увидит непосредственно, сможет пощупать и осознать смысл страданий, которые отпускаются каждому из нас. Каждый православный человек знает такую странную на первый взгляд формулу: Господь кого любит, того наказывает. Как это понять? Через эту формулу можно правильно понять смысл страданий невинных людей. Чтобы лучше увидеть, всегда нужно прибегать к некоторым образам, сравнениям, которые помогают осознать, что называется, пощупать проблему.

Так ли уж необходимы страдания для нашей жизни? Я скажу, что страдания необходимы. Я привел вам пример, когда говорил о том, почему природа человеческая смертна, что смерть человека защищает его от окончательного падения и вообще от смерти и телесной, и духовной. Также можно объяснить и наличие в мире страданий. Ведь человек в падшем нынешнем состоянии – это эгоист, что называется, до мозга костей. И если бы не было в мире страданий, то этот эгоизм в нас укреплялся бы и возрастал. Ведь часто нас останавливает в наших поступках лишь понимание того, что человеку от этого будет больно. И тогда мы понимаем: да, вот этого делать не надо. А если не больно, ну и

нормально, ничего, можно творить всяческие злодеяния.

Тем более мы понимаем, что нельзя чего-либо делать, когда страдает существо невинное. Вспомним знаменитый пример Достоевского из “Братьев Карамазовых” – о страдании невинного ребенка, о слезинке. Пример, действительно, поражающий своей художественной глубиной: когда маленького мальчика за то, что он камнем поранил ногу борзой собаке, затравливают на глазах у матери собаками до смерти. Помните, да? Иван спрашивает у Алеши: «Ну что ты сделал бы с таким помещиком?», и Алеша, добрейшая душа, отвечает: «Его следует расстрелять». Он понимает, что такого страдания быть не должно. Нельзя так реагировать на поступки людей. Это основа нравственности. Это, во-первых. Во-вторых, важно отношение к страданиям: как человек сам относится к тем страданиям, которые на него ниспущены. Сейчас есть возможность читать различные книги. Я помню еще в советские времена, когда я читал книгу замечательнейшего нашего советского писателя Варлама Шаламова “Колымские рассказы”, меня поразила одна мысль, которая красной нитью проходит через все его произведения. Если есть возможность, те, кто не читал, прочитайте эту книгу или прочитайте «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына. Собственно говоря, то же самое прослеживается, только Солженицын описывает это более фундаментально с исторической точки зрения, а «Колымские рассказы» Шаламова – это художественное произведение. Так вот основная мысль книги Шаламова проста: чем тяжелее страдания, тем более достойный из них выходит человек, если он вошел в эту среду, среду советских лагерей, нравственно. Иными словами, если человек нравственный, то страдания делают его лучше, а если человек безнравственный, страдания делают его хуже. Книга Варлама Шаламова фактически является комментарием к словам апостола Павла: «Когда стал преобладать грех, стала изобиловать благодать». Увы, сущность нашей ограниченной природы проявляется в том, что нас всегда нужно заставлять что-либо делать. Мы ленивы, мы немощны, у нас много разных других слабостей. Для того чтобы стать лучше, нам нужно помочь, а эта помощь как раз и состоит в преодолении этих страданий.

Еще один пример. Страдания как болезнь – хорошо это или плохо? Любой врач скажет, что это хорошо. Не было бы боли, человек никогда не обратился бы к врачу. Болезнь продолжала бы развиваться, человек бы умер. Элементарная заноза пальца привела бы к заражению крови и смерти. Но болит, и занозу удаляют. Известно даже из медицинской статистики, что женщины, которые позволяли при помощи обезболивания

облегчить себе роды, испытывали гораздо меньший материнский инстинкт к своим детям, чем те, которые рожали в болях, в мучениях, как это заповедано. Это тоже медицинский факт. Любое страдание имеет свой смысл. Много можно говорить и комментировать по поводу того, что богатому трудно войти в Царство Небесное, легче верблюду пройти через игольное ушко, именно потому, что богатый не страдает. Он не озабочен проблемами своей души. Здесь, конечно, целый аспект особой духовной жизни можно развить в рамках основного богословия, как это делает Алексей Ильич Осипов.

В аспекте этой проблемы, переходя к историческому аспекту, я просто выскажу мысль, которая является основной для христианина. Что нужно, чтобы правильно преодолевать и принимать страдания? Что нужно для того, чтобы правильно понимать суть мироздания, относиться к философским проблемам? Вы мне скажете, что для этого нужна вера, вера в Иисуса Христа. Я с вами соглашусь и задам следующий вопрос: «А что нужно для того, чтобы поверить в Иисуса Христа?» Так вот, ответ, который дается Церковью, очень прост. Казалось бы, вера в Иисуса Христа, являющаяся главной для понимания всего, требует для себя некоей основы. Этой основой является осознание своей греховности. Если человек не понимает своей греховности, то все разговоры с ним – это как припарки покойнику. Он будет воспринимать это в лучшем случае разумом; в лучшем случае будет внимательно слушать, а в худшем случае просто отсиживать положенные часы на занятиях, но все это останется лишь словами.

Для этого нужно покаяние. Покаяние по-древнегречески – метанойя, что в дословном переводе означает «изменение сознания», т.е. нужно изменить сознание, нужно понять необходимость спасения. Ведь как сказано в Евангелии: «Здоровые не имеют нужды во врачах». «Я пришел не к здоровым, а к больным», – сказал Иисус Христос. Вот люди, которые понимают, что они больны, что они нуждаются в спасении, как раз нуждаются в вере. Они примут веру в Иисуса Христа, они примут все эти доказательства, они поймут, что эти доказательства истинны. Т.е. основание всего христианского учения лежит, прежде всего, в понимании своей греховной природы, в необходимости покаяния. Именно поэтому Таинство исповеди является одним из таинств, которые невозможно выбросить. Оно всегда предваряет Таинство Причащения для того, чтобы мы очередной раз поняли необходимость спасения, а чтобы понять необходимость спасения, нужно понять свою болезнь. Вот основа духовной жизни.

Современный человек, увы, воспитывается в совершенно другом плане. Совершенно другие ценности сейчас насаждаются во всех средствах массовой информации. Я не знаю, как обстояло во Владивостоке, но думаю, что в предвыборную кампанию, когда выбирали думу, наверное, те же самые лозунги висели, что и в Москве. После этого я очень изменил свое отношение к нашим правым силам – к Союзу правых сил: Кириенко, Чубайсу и прочим. Я отношусь к ним положительно как к умным ребятам, хорошим экономистам. Но с духовной точки зрения, это люди совершенно нищие. Только лишь нищие, в плохом смысле нищие духом, поскольку только лишь такие ничего не понимающие люди могут вывесить подобный лозунг своей кампании: «Ты прав». В Москве везде висит девиз: ты прав. Т.е. каждый человек абсолютно прав во всем. Какой-нибудь браток солнцевской группировки на своем джипе – ты прав. Только что замочил 15 человек – нормально, ты прав. Каждый по-своему это воспринимает. Каждый человек прав. Каждый человек – критерий истины. Никакой истины не существует.

О каком исправлении, о какой болезни души можно говорить? О каком спасении? Вот это позиция современного мира. Что человеку хочется, то и хорошо. А что человеку хочется? Хочется удовольствий. Значит, это нормально. Удовольствия бывают разные – это нормально. Появляются уроки сексуального просвещения в школах, а потом удивляются, почему семилетние дети начинают заниматься сексом. Вы же сами говорите, что это хорошо, это нормально. Это называется безопасный секс. Про любовь уже не говорят: какая любовь? Такой уже не существует, это пережитки прошлого. Поэтому современный мир в своих идеологических, духовных основах – антихристианский. Это нужно признать, потому что нам в этом мире жить и нужно понимать основы этого мира. Происходит этот мир из христианской культуры, но отношение человека к самому себе является антихристианским.

Историческая апологетика

Введение

Задача исторического аспекта – показать, что христианство действительно реально. Что такое христианство? Христианство – это религия, утверждавшая реальность исторических событий, описанных в Евангелии. Прежде всего, реальность исторических событий, описывающих Воскресение Иисуса Христа. Как говорил апостол Павел: «Если Христос не воскрес, то вера наша тщетна». Вот главное. Мы видели, как это следует понимать в аспекте смысла страданий, свободы человека, победы Христа над смертью. Ну а вдруг все это выдуманно? Вдруг ничего этого не было? Вдруг это лишь сказка, которая имеет хороший конец?

Как говорил Зигмунд Фрейд: «Больше всего меня в христианстве поражает то, что в нем все так, как хочется». Хочется, чтобы злые пострадали – они пострадают. Хочется, чтобы праведники были награждены – они будут награждены. Хочется, чтобы чудеса были в мире – они бывают. Вообще все – как хочется. Но Фрейд, видимо, плохо знал Евангелие и плохо знал историю христианства, потому что далеко не все происходит так, как хочется. Хочется, чтобы праведники благоденствовали уже сейчас – они не благоденствуют и т.д.

Насколько можно реально считать, что Христос жил? Атеисты утверждают, что все это – миф. Нас так и учили, что это миф, что христианство в действительности вырастает из различных религий. И учение о воскресении уже существовало в мифе об Исиде и Осирисе в Египте, в мифе о Дионисии в Древней Греции. Все это олицетворение умирающей и воскрешающей природы. Этот миф постепенно стал приобретать формы все более и более антропоморфные, как любая религия всегда создает себе богов по образу и подобию человека. Вот поэтому человек и становится во главе религии, называемой христианской. Вот давайте и посмотрим, действительно ли можно считать это мифом.

Энгельс сказал, что истинный основоположник христианства – это известный иудейский философ Филон Александрийский, который ввел в свои положения и учение о Логосе, затем ставшее учением о Сыне Божиим – о Иисусе Христе, т.е. никакого Христа не существовало. Все это миф. Как говорится, этого не было, потому что этого не может быть никогда. Логика известного чеховского героя очень проста.

Историчность Библии

Прежде чем перейти к анализу евангельских событий, давайте посмотрим на всю Библию. Вы уже знаете, что значит слово Библия. «Библия» по-древнегречески означает в дословном переводе – «книжечки». «Библио» – маленькая книжечка. «Библиа» – множественное число – маленькие книжечки. Т.е. Библия состоит из нескольких десятков маленьких книг, написанных в различные исторические эпохи в различных странах. Библия – это книга, которая писалась на протяжении более 1000 лет. Моисей, как известно, жил за 1000 лет до Р.Х. Последние книги написаны в начале II – конце I, согласно датировке. Они писались разными людьми в разные исторические эпохи в разных странах на разных языках. И я неслучайно начал с того, что сказал: Библия означает книжечки, ведь многие люди, которые не брали в руки Библию, уверены, что эта книга написана одним автором. И, действительно, читаем ее, не зная истинного человеческого авторства, и никогда не создается впечатление, что эта книга написана разными людьми. Эта книга удивительно созвучна по стилю, по слову, по теме. Они никогда ни в чем себе не противоречат. Все книги друг с другом перекликаются, используются даже одни и те же выражения. Возьмите Библию: там всегда на полях отсылки от одной книги к другой. Это единое целое. Представьте себе такой пример: взять вас, людей, живущих в одной стране, учащихся в одном учебном заведении, и попросить написать столько же книг – напишите кто про что. Невозможно себе представить, что столько авторов, живущих на протяжении 1000 лет, написали одно и то же. Без предположения о Божественном откровении, Которое диктовало эти книги, объяснить существование Библии нельзя.

Далее. Ветхий Закон охватывает гораздо больший период истории, чем Новый Завет. Ветхий Завет создавался на протяжении веков. Письменность появилась гораздо позднее, чем появился Ветхий Завет. Эти книги записаны очень поздно, гораздо позже стали они разделяться на главы, потом на стихи. Можем ли мы утверждать: то, что мы сейчас имеем – это вообще правильная передача того, что было изложено Моисеем или последующими пророками – Даниилом, Иеремией, Исаией?

Есть некоторые исторические и филологические исследования, которые основываются на том, какое количество рукописей дошло до наших дней. Современный человек никогда не сомневается, например, что был Аристотель, Платон, Софокл, Еврипид. Кто-то сомневается, что был

Гомер, но, как правило, говорят, что если Гомера не было, был его тезка. Мол, все это реальные исторические лица. А почему мы уверены, что все они были? Вот сейчас появился какой-то сумасшедший с математическим образованием по фамилии Фоменко и говорит: «Ничего там не было. Все это ерунда, все это было написано в 2000 году». Только сумасшедший мог такое сказать, потому что написать все одновременно, создать и античную и средневековую философию, и философию эпохи Возрождения в одну эпоху невозможно. Ну, сумасшедший, много бывает таких. Тем более что это сумасшествие оплачивается разными антихристианскими сектами типа сайентологии. Доказано, что это антихристианская секта, поэтому естественны их утверждения, что никакого Христа нет, что вся история началась не 2000 лет назад, а гораздо позднее, что Христос жил, если жил, то 900 лет назад – после крещения Руси. Ну, такой бред выдается за верх науки. Но в действительности все это бред. Любой историк не сомневается в том, что жили и Платон, и Аристотель. А на основании чего? Существует несколько рукописей Аристотеля, а также одна рукопись «Метафизики», датированная 1000 годом после Р.Х. Через 1500 лет после Аристотеля найдена одна рукопись «Метафизики», и мы говорим: «Да, Аристотель был и жил в IV веке, и написал «Метафизику» и другие произведения». Все рукописи Платона датированы эпохой Возрождения, но говорят: «Нет, вот он жил». Существуют тысячи рукописей Нового Завета, а мы говорим: «Нет, этого вообще не было. Это все сказка». Вот так и делается. На основании одной рукописи мы говорим, что это было, а на основании 1000 рукописей, что этого не было. Филологи провели исследование и посмотрели, насколько расходятся рукописи. Ведь это сейчас есть типография, взяли оригинал-макет сделали, размножили тысячи, миллионы экземпляров. Они совпадают абсолютно, если не было допущено типографических ошибок.

В то время был совсем другой механизм: были переписчики, и они переписывали. Люди слабы. Кто-то, может быть, считает, что предыдущий переписчик сделал опечатку, и он взял ее исправил, потому что слишком умным себя считает, а другой, слишком глупый, пропустил эту опечатку. И так накапливаются разночтения. Потом, когда есть несколько рукописей, филологи их обычно сличают. По этим разночтениям они пытаются восстановить истинный текст, а тут никаких разночтений в разных рукописях.

Вы знаете, как древние греки относились к Гомеру – для них это священные книги. А в «Илиаде» Гомера расхождения около 5% по тексту – практически каждое пятое слово, другое расхождение в Ведах –

священных текстах индусов – 10%. Расхождения в Ветхом Завете составляют меньше 0,5%. Это показывает отношение тех, кто переписывал книги Ветхого Завета. Древние евреи относились к этим книгам как к святыне. Они не сажали любого человека на переписывание Торы, Пятикнижия Моисея. Переписчиком был человек, который несколько лет изучал всю грамотность. Он проникался ощущением святости. Когда он переписывал, его сажали в отдельную комнату, и даже если в эту комнату входил царь, он не имел права встать, он сидел, занимался переписыванием. Какой царь, когда он занимается Словом Божиим? Ничто не может его отвлечь. После того, как он переписал данную ему работу, работу передавали другому человеку. Он механически считал количество букв в строке и количество строк, а затем сопоставлял с данными, которые были до этого. Все должно было совпадать до единицы. Если не совпадало хоть на одну букву, все сжигалось и заново переписывалось. Это было священнодействие. Ни одна буква не должна была исчезнуть.

В 1947 году были найдены рукописи Мертвого моря. Там были фрагменты книги пророка Исаяи. До этого самая древняя рукопись датировалась 900 годом после Р.Х. – рукопись Британского музея. Вдруг найдены книги пророка Исаяи датированные I веком до Р.Х. – Кумранские рукописи. Естественно, филологи стали сличать, и оказалось, что они совпадают один к одному. Понимаете, за 1000 лет не накопилось никаких расхождений! Это показывает, что к книгам Ветхого Завета нужно относиться так, как если бы эти книги были написаны именно их основателем. Никаких авторских искажений, никаких добавлений в них привнесено не было. Книги Ветхого Завета очень часто цитировались. До того как человечество нашло различные рукописи, оно было знакомо с Ветхим Заветом по цитатам из отцов Церкви, а рукописи отцов Церкви дошли в гораздо большей сохранности, чем рукописи Ветхого Завета. Так вот оказалось, что отцы Церкви, которые работали с разными источниками, совершенно одинаково цитируют одни и те же цитаты по разным источникам, невзирая жили отцы Церкви в Сирии, в Африке, в Риме или какой-нибудь другой стране.

Реальность Евангельских событий

Теперь поговорим о Новом Завете. Действительно ли события, которые описаны в Евангелии, реально имели место? Обращаю ваше внимание на книгу Джоша Макдауэлла «Исторические свидетельства, факты, документы христианства». Джош Макдауэлл – неправославный автор, это американский исследователь, но я знаю, что многие православные священники вообще рекомендуют читать книги Макдауэла. У него есть книги популярные, а это серьезное научное исследование. Оно претерпело второе издание. Я рекомендую вам прочитать эту работу. Здесь собраны очень многие факты, показывающие, что свидетельства о жизни и смерти, Воскресении Иисуса Христа действительно неоспоримы.

Так вот, есть различные факты. Во-первых, начнем с того, что есть такой аргумент: то, что жил Иисус Христос, выдуманно самими христианами, поскольку ни одного свидетельства, которое бы давалось другими историками, нет. Ну, во-первых, кто имеется в виду под другими историками? Это, прежде всего, римские историки. Других историков не существовало. При этом ссылаются, что исторических свидетельств О Христе нет ни у Тацита, ни у Плиния, ни у кого-либо другого. Ну, во-первых, ни один историк не описывает того, что было в провинции. Для римских историков описывать события в провинции подобно тому, что историк в Кремле будет описывать события, которые происходят в каких-нибудь архангельских деревнях. А провинция далекая, тем более что там с дикими евреями делать? Это вам не жизнеописания императоров или великих людей составлять. У иудеев каждый день по 20 проповедников бывает. Дикий народ. Что с него возьмешь? Поэтому этот аргумент научно не состоятелен.

И тем более удивительно, что при всем при этом действительно есть свидетельства у латинских историков, т.е. оказывается: событие, которое произошло в Древней Иудее уникально, потому что оно привлекло и римских историков. Корнелий Тацит (родился в 52 г. после Р.Х.) пишет: «Но ни все оправдания, какими можно убедить людей, ни все богатства, которые правитель мог расточить, ни все жертвы, какие приносил он богам, не могли снять с Нерона тяжкое обвинение в том, что он, как считают, приказал устроить пожар Рима. Чтобы прекратить эти слухи, он обвинил в поджоге и покарал самыми изощренными пытками людей, которых обычно называли христианами, и ненавидели за их точные преступления. Христос, по имени которого они так назывались, был

казнен Понтием Пилатом, прокуратором Иудеи во время правления Тиберия. Однако пагубный сей предрассудок, исчезнув на время, вспыхнул вновь. Причем не только в Иудее возникло это зло, а так же и в Риме».

Иногда говорят, что этот отрывок вставлен в Тацита поздними христианами. Но лично я не могу представить себе христианина, который бы написал о христианстве как о пагубном предрассудке и добавил к этому, что христиан ненавидели за их чудовищные преступления. Истинный христианин никогда, как показывает история Церкви, ни под каким устрашением, не позволит себе сказать хулу на Христа. Здесь явная хула. Здесь явно о Христе сказано в негативном аспекте: эти чудовищные преступления, христиане – вообще ужасные люди. Нерон, конечно, тоже не хорош сам по себе, но что делать.

Лукиан из Самосаты – сатирик II века: «Христос был распят в Палестине за то, что основал новый культ». Более того, он указывает, «что они все братья друг другу после того, как все они окончательно согрешили, отказавшись от греческих богов, начав молиться Этому Распятому софисту и живя согласно Его законам».

Иосиф Флавий, родился в 37 году. В 66 году он написал «Иудейские древности». В них есть такой абзац: «Около этого времени жил Иисус, мудрый человек, если только справедливо назвать Его человеком, ибо Он совершал чудеса и был учителем мужей, радостно принимающих истину. Он привлек к себе множество людей из язычников. Он был Христос. Когда Пилат по наущению начальников, правящих среди нас, осудил Его на распятие, то любившие Его сначала отказались от Него, ибо Он явился к ним живым на третий день, согласно предсказаниям пророков, говоривших и об этом, и о 10000 других чудес, связанных с Ним. Племя же христиан, получивших от Него свое имя, живо и до сих пор».

Светоний, римский историк, пишет историю императора Адриана. В его сочинениях встречается такая фраза: «Поскольку евреи постоянно устраивали беспорядки по научению Хрестуса, он (Клавдий) выслал их из Рима».

Плиний Младший пишет: «Они утверждали, однако, что вся их вина (т.е. христиан) или заблуждение состояли в том, что они имеют привычку собираться по определенным дням засветло и распевать различные гимны Христу как Богу, а так же произносить Божественную клятву, не призывавшую ни к каким злым целям, но лишь к тому, чтобы никогда не обманывать, не воровать, не изменять супругу, не лгать и т.д.»

Сейчас издана в Москве книга, которая называется «Христос в документах истории». Там эти и другие исследования, серьезные

академические исследования с комментариями, с толкованиями.

Кстати, Талмуд, сообщая об Иисусе Христе, говорит: Иисус, сын Марии. Это удивительно для еврейской практики. Это современный иудаизм почему-то стал считать родство по материнской линии, но те, кто читал Ветхий Завет, знают, что Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова и т.д. Родство шло по мужской линии. Женщина в то время воспринималась как некая земля, в которую бросалось семя. Если в разную землю бросить одно и то же семя, появится один и тот же росток. Поэтому, естественно, мужчина – это тот, через кого передается род, а женщины могут быть разные. Поэтому женщины, как правило, не упоминаются. И вдруг пишется: Иисус, сын Марии. Налицо совершенная противоположность всем остальным принципам иудаизма. Они тут же пишут, что отец Его был неизвестен, видимо, Она Его где-то нагуляла. Повидимому, с каким-то римским легионером по имени Пантера. Вот такая у них была гипотеза.

А насчет рождения Спасителя от Девы можно вспомнить пророчество, которое было дано после изгнания Адама и Евы из рая. Пророчество было дано не человечеству, а сатане, когда Бог сказал: «И вражду положу между семенем твоим и семенем ее». Извините, какое семя у женщины? Семя может быть только у мужчины. Любому взрослому человеку известно, что человек рождается от мужского семени. А здесь вдруг: «Вражду положу между семенем ее и семенем твоим», т.е. спасение идет от Девы без участия какого-либо мужского начала.

Рождество Христа – факт исторический, ибо исследование того, что было написано в Евангелии показывает, что исторические события – правление Тиберия, Ирода и т.д. – все совпадают, т.е. с исторической точки зрения Евангелие отвечает всем необходимым требованиям. Там нет никаких исторических натяжек, что опять же может показаться странным, поскольку авторы Евангелий – это люди, друг с другом не общавшиеся. Марк писал в Риме, ученик апостола Петра, Матфей писал в Иудее вообще на другом языке – на арамейском или древнееврейском. Лука, ученик апостола Павла, писал в Риме, а Иоанн в Малой Азии – в Эфесе. Это не современный мир, где можно общаться по Интернету. Общение тогда, как сами понимаете, было совсем другим. Поэтому удивительное совпадение разных событий показывает, что эти события действительно имели место.

Ну а если предположить, что все эти события выдуманы, что сговорились эти четыре евангелиста и выдумали некую религию? Я уже как-то говорил вам об этом и сейчас призываю вас еще раз поразмышлять: возможно ли выдумать именно такие события, а не другие? Любой

человек, который исследует Евангелие с художественной точки зрения, отмечает удивительное соответствие жизни. Он отмечает, что лица, описанные в Евангелии, чудесным образом соответствуют жизненным реалиям. Если бы человек выдумывал религию, то неужели бы он сказал, что Бог может сомневаться, может испытывать голод, как Иисус после 40 дней поста в пустыне, что Бог может покинуть Сам Себя, как на кресте возопил Христос? А о себе апостолы что написали? Что они предали Христа, что они убежали! Ну ладно, кто знает, мало ли что там было. Напишу, что я такой смелый, защищал Христа. Но нет, евангелист пишет правду, потому что понимает: хоть свидетели и умерли, но Бог-то видит всегда, причем важно даже не то, что Бог видит, но против истины нельзя идти, если истина имеет священный характер.

Все Евангельские события удивительно жизненны. Я уже обращал ваше внимание: 2000 лет существует Евангелие, сколько было противников, сколько бы сил не ополчалось! Каким нужно быть гением, чтобы выдержать 2000 лет нападков! Исторические, филологические, географические – какие только аргументы не выдвигались! Но или все человечество сошло с ума, продолжая верить в реальность этих событий, или ученые сговорились, что здесь нет ничего противоречащего ни истории, ни географии, ни ботанике – ничему, или (что гораздо легче предположить) евангельские события истинны. Не может появиться такой гений, который выдержит атаку всего человечества на протяжении двух тысячелетий. Никакой самый гениальный человек не способен на это.

Ветхозаветные пророчества

Реальность и богооткровенность событий Нового Завета подтверждается и наличием откровений, пророчеств в Ветхом Завете. Связь этих двух книг очевидна для любого христианина. Первое пророчество, о котором я вам сказал, – это пророчество, которое дано было сразу после грехопадения (в 3 главе книги Бытия). Макдауэлл насчитывает 60 пророчеств. Наиболее интересное для нас с вами: пророчество Исаии: «Се говорю, Дева во чреве примет» – Рождество от Девы; пророчество Михея: «И ты Вифлеем, из тебя произойдет Тот, Который должен быть владыкой Израиля», но, пожалуй, самое удивительное пророчество – это пророчество Даниила. Пророк Даниил говорит: «Итак знай и разумей, с того времени как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима до Христа Владыки – 7 седмин и 62 седмины. И возвратится народ, и отстроятся улицы и стены, но в трудные времена. И по истечении 62 седмин предан будет смерти Христос и не будет. И святилище будет разрушено... И до конца войны будут опустошения. И утвердит завет для многих одна седмина. А в половине седмины прекратится жертва и приношения, и будет мерзость запустения». Удивительное пророчество.

Я говорил, как относились древние евреи к книгам своих пророков. А ведь книга Даниила написана не после евангельских событий, чтоб можно было сказать, что здесь подтасовка, нет. Книга написана за несколько столетий до Иисуса Христа. Седмина – это семь лет. Это древнееврейская единица измерения: шесть лет работай, а седьмой год посвящай Богу. 62 и 7 седмины – это время, через которое появился Христос, Который, как сказано, будет предан смерти и не будет – парадоксальная фраза. А после этого будет разрушение храма иудейского и на святилище будет мерзость запустения. Все пророчества с точностью до года совпали: и половина седмины – три с половиной года пророчества Иисуса Христа и время Его Распятия и Воскресения, и время разрушения храма, время восстания, т.е. иудейской войны – все совпало.

Эти пророчества действительно показывают, что Ветхий Завет – это поистине богооткровенная книга. Эти факты невозможно объяснить иначе, только лишь сверхъестественной, превышающей логику природой откровения. Такие же пророчества говорил Иисус Христос и о Себе: «Я разрушу храм и в 3 дня созижду его», и другие пророчества, которые хорошо известны любому человеку, читавшему Евангелие. Все говорит о том, что это реальные события, имевшие под собой сверхъестественную

ОСНОВУ.

Реальность Воскресения

Насколько можно говорить о реальности Воскресения, главного положения, описанного в Евангелии? Иногда делают такую слабую попытку уступить: да, эти события были, был человек Иисус Христос, может быть, звали Его так, как Булгаков пишет, Иешуа Га-Ноцри. Был хороший мудрый человек, учивший доброте, любви, потом Его распяли, но поскольку Его все очень любили, то захотели, чтобы Он воскрес, и создали миф о Его воскресении. Здесь я сам удивился, читая книгу Макдауэлла, поскольку это серьезное научное исследование. Автор цитирует очень много книг. В наше советское время, если появляется книга, посвященная исследованию Евангелия, это гадость. На Западе, в США исследователей Евангелия пруд пруди. Подобных книг там сотни тысяч. С каких только точек зрения не исследуют! Например, смерть Иисуса Христа. Действительно ли правильно описывают апостолы Его смерть? Врачи читают, изучают, причем налицо такой подход: а может выдумали все это? Вот мы сейчас прочитаем и скажем, что этого не было. Вот как там описано все: время, предварительное бичевание Христа, то, как Он нес крест, в каком часу Он был распят, в каком часу Он умер, что потом произошло, когда пробили копьем ребра и когда из ребер вытекли вода и кровь – все это исследуется с медицинской точки зрения. И врачи в один голос приходят к выводу, что описано абсолютно правильно. Даже то, что из раны вытекли кровь и вода, означает, что абсолютно правильно показано, как наступает смерть от распятия. Если бы была иная смерть, скажем, от удушья, то вытекла бы только лишь вода. Если бы убили копьем, вытекала бы только кровь. А распятие приводит к тому, что это одновременно и удушье, и разрыв сердца. При разрыве сердца образуется вода, которая вытекает. Кровь вытекла не толчками, а просто написано: вылилось. Если бы Он был жив, и Его убили копьем, то кровь вытекала бы толчками. Но в этом случае она вылилась, потому что Он был уже мертв. Это правильно описано.

Я еще раз повторяю: все описания отвечают абсолютно всем критериям. С любых сторон пытались опровергнуть Евангелие: с врачебной, исторической, филологической, т.е. с любых сторон абсолютно достоверно все описано. Как происходило бичевание? Археологические раскопки показали, каким образом происходило бичевание. Они открыли эти знаменитые римские девятихвостые плети. Что они собой представляли? Это плеть с девятью разделяющимися концами, на каждом

конце или острый кусок кости, или кусок металла. Римские солдаты отличались своей жестокостью – это ни для кого не секрет. Бичевание было не такое, как несколько ударов палкой, это было такое бичевание, когда куски мяса вырывали просто до кости.

Солдаты очень грубые, для них человека побить – ничего страшного. На казни сидят рядышком, метают жребий: кому достанется одежда. Это люди, для которых смерть человека ничего не стоит. Что называется «римское отребье», эти римские солдаты. Смерть реальна.

Есть еще такая гипотеза, что это был обморок. Скажем, умер Христос, Его похоронили, а потом Он не воскрес, но просто очнулся от обморока и вышел из гробницы. Рассмотрим и такую версию. Во-первых, медицински точно описана именно смерть. Далее, мог ли быть это обморок? Что произошло дальше? Иосиф из Аримафеи и жены-мироносицы внесли тело, обмотали Его в плащаницу. А как обматывали древние иудеи? Не так, как мы сейчас представляем. Закрыли в плащ – плащаницу, которую можно так просто раскрыть и выйти. Иудеи обматывали умершего пеленами в несколько слоев, и все это обильно смачивалось миром, т.е. благовониями. Как указывают историки, иногда на это уходило несколько десятков литров, так что через день это все слеплялось. Обматывалось полностью – от головы до пят. Если человек был жив, он просто задохнулся бы, потому что все лицо замотано. Так же сказано, забегая вперед – в Воскресение – пелены лежали, не плащаница, а пелены, когда Он освободился.

Дальше. Отнесли в гробницу. Что такое гробница? Это не гробница в нашем понимании: не гроб, который закапывают, а скала. Иосиф из Аримафеи, как известно, был человек богатый. Он сам похоронил, предоставил свою гробницу, которую закрыли камнем, а синедрион приказал еще поставить солдат возле этого камня и поставить печать, чтобы иудеи не выкрали тело и не сказали, что Он воскрес по пророчеству.

Кто такие римские солдаты, мы уже представляем себе. Это не наш солдат, который всячески бежит от службы, а потом идет в суд, и суд его защищает. Не всегда, конечно, но, в крайнем случае, дают ему год-два тюрьмы. Здесь строгие законы. Римские солдаты ничего не боятся, кроме одного – смерти. За любое ослушание наступает смерть. Приказ – все. Кого там иудеи похоронили, их мало интересует. Придут ли ученики Его защищать, римским солдатам ничего не стоит всех этих учеников раскидать, зарезать, обеспечить безопасность охраняемого объекта. За любое непослушание – смертная казнь. Законы жесткие, гораздо жестче, чем сейчас. Что происходит, как описано в Евангелии? Когда воскрес Христос и отвалился камень, солдаты встали как вкопанные. Понимаете?

Эти отморозки, которые ничего не боятся, встали как вкопанные. Видимо, действительно, событие повлияло на них, потому что они такого никогда в жизни не видели, а бывали они в разных передрягах. И куда они пошли после этого? Они пошли к иудейским священникам. Они поняли, что что-то здесь не то. Они могли пойти к Лисанию, но он убил бы их, поскольку они приказ не выполнили, а от Лисания в пустыню бежать бессмысленно. Солдаты подумали так: связались с этими иудеями, пойдем лучше к ним. Видимо что-то их потянуло. А иудеи-священники им сказали: «Вот вам деньги. Лучше молчите, никому не говорите». Тогда они поняли – дело нечистое.

Иногда говорится, что Христос был в обмороке и потом очнулся от обморока. Медицинские исследования показали, что если после таких мучений в течение нескольких часов на кресте положить на каменный пол человека, который потерял столько крови, с перебитыми руками, ногами и ребрами, то если бы он даже был в обмороке и если бы даже он не задохнулся в пеленах, он бы умер от переохлаждения организма. И даже если бы он не умер, представить себе человека, который встал и отвалил тяжеленный камень, испугав при этом воинов, довольно трудно. Даже если представить себе: обладая нечеловеческой силой, Он вышел, то солдаты бы сказали: «Спи спокойно».

События, которые описываются здесь, настолько реально описаны, настолько правильно Евангелие, что сомневаться в их реальности, у нас нет никаких оснований.

И опять же, если бы эти события были выдуманными, как бы описали апостолы то, что произошло? Я уже говорил, что, скорее всего, Христос явился бы в Синедрион, к Пилату и дальше *harry end*, как в американских голливудских фильмах. Все зло повержено окончательно. Злодеи трепещут. Супермен торжествует. Дело не в Голливуде, дело в том, что по этим законам пишутся любые фильмы – и советские, и Голливуд со своим пониманием. Но здесь совсем не так. Здесь не то, что к своим палачам не пришел, но и ученики Его не узнают. Выходят в сад: «Садовник, скажи мне, пожалуйста, где Тело, куда Его дели?» Какой ученик признается себе, что не признал? Нет, напишет о себе, что я там первый узнал и побежал быстрее рассказать. Еще один характерный пример – Фома. Все верят, а Фома не верит. И сколько таких эпизодов, сколько таких случаев, которые показывают, что это не выдуманная история, что это реально!

События после Воскресения Христова

Теперь поговорим о последующих событиях, которые произошли после Воскресения Христа. Уже много допущений было сделано, но чего не сделаешь ради наших дорогих атеистов, ниспровергателей христианства. Представим себе, что все это выдуманно. Вот собрались апостолы и решили выдумать себе религию для того, чтобы главенствовать над миром. Помните: религия есть обман, которым достигается главенство над миром. Интересный обман: собираются двенадцать апостолов, пишут Евангелие, а после этого идут на смерть. Одиннадцать из них замучены мученической смертью. Бред. Сумасшествие. Один апостол Иоанн, у которого живет Богородица, остался жить. Все остальные погибли мученической смертью. Все это известно из жития, об этом пишет церковная история. За сумасшествие может один человек погибнуть, но одиннадцать человек одновременно погибнуть за свои какие-то измышления не могут. Пусть даже за хорошие, добрые философские размышления никогда ни один человек не пойдет на мученическую смерть.

Да был Сократ, как говорили отцы Церкви, христианин до Христа. Да, он принял яд из цикуты, хотя ученики предлагали ему бежать из тюрьмы. Да, он сказал, что принимает смертную казнь, потому что всегда боролся за истину. Но при всей бесконечной любви к этому человеку я не знаю, как бы Сократ поступил, если бы его подвергли истязаниям девятиглавой плетью, а затем распяли на кресте. Чисто по-человечески, я не знаю, как бы он отнесся к такой смерти. Смерть от цикуты описана в диалоге Филона и Платона – тихая и спокойная смерть. Лежишь, чувствуешь, как коченеют руки, ноги, спокойно засыпаешь, не испытываешь болей. Хотя и это ставится в заслугу, недаром Сократа считают христианином до Христа. Этот человек жил, как будто зная, что все это произойдет, и умер истинно христианской смертью. Но апостолы и ученики апостолов, и последующие христиане – все они шли на смерть за Христа. Ведь даже представить себе, что такая религия выдумана, невозможно. Это религия, в основе которой лежит рождение девственницей, воплощение Бога в сарае для скота, смерть Бога, вочеловечивание, т.е. набор полных противоречий. За эти противоречия идти на смерть? Это не выдерживает никакой философской критики. За это можно идти на смерть только лишь тогда, когда ты абсолютно в этом убежден и не просто убежден, а знаешь, что таким образом ты победишь смерть. Я вряд ли пойду на смерть, если мне

все скажут: «Скажи мне, что за окном не Тихий океан, а Атлантический». Если будут меня пытаться, я скажу: «Какая разница, ну пусть будет Атлантический океан». Это, конечно, факт, но не такой факт, за который можно идти на смерть. А здесь такой факт, за который можно идти на смерть. Ты понимаешь, что, идя на смерть, ты смерть побеждаешь, как это сделал Учитель.

Христианская вера – ни с чем не сравнимая вера. Она никогда не распространялась насильно. Вот иногда говорят: «Ну и что, все религии распространяются насильно, и христианство распространялось «огнем и мечом», поэтому оно стало всемирной религией». Огнем и мечом распространялось мусульманство. Сам Магомет 23 года в 50 сражениях покорял народы, которые жили вокруг него. Халифы – Омар и другие – вслед за Магометом покоряли арабские, африканские страны и дошли до Испании. Это религия, которая действительно распространялась кровью, мечом. А те, кто признавал мусульманство сознательно, принимали его просто потому, что мусульманство – это очень простая религия. Прими Магомета, и на том свете у тебя будут все телесные удовольствия и гарем из девственниц заодно. Очень простая, рассчитанная на самые низменные идеалы религия.

А что говорит христианство? «Если хочешь спастись, прими крест свой и следуй за Мной». Понимаете: с одной стороны, мусульманство с телесными наслаждениями, а с другой – крест и страдания. Крест и страдания можно принять только лишь тогда, когда ты абсолютно убежден в том, что это не выдуманно, что это реально. Поэтому, как учит нас Православная Церковь, наиболее истинное доказательство существования Иисуса Христа – это наша Православная Церковь. Это действительно так. Сама история Церкви, история распространения христианства, факт мученичества, факт того, что люди шли, идут и будут идти на смерть, показывает реальность, а не выдуманность этой религии. Ну вот, пожалуй, все, что я запланировал рассказать. Спасибо за ваше внимание.

Содержание

Основное богословие или христианская апологетика	1
Виктор Петрович Лега, кандидат богословия	
Введение	2
Сущность религии	21
Возникновение религии	36
Естественнонаучная апологетика	53
Библия и наука	54
Возникновение науки	72
О чудесах	88
Возникновение жизни	107
Философская апологетика	122
Вера и разум	123
Доказательства бытия Бога	133
О теле человека	153
Свобода человека	166
Проблема зла и страданий	172
Историческая апологетика	180
Введение	181
Историчность Библии	182
Реальность Евангельских событий	185
Ветхозаветные пророчества	189
Реальность Воскресения	191
События после Воскресения Христова	194